

ЭРИХ НОЙМАНН

РЕБЕНОК

Эрих НОЙМАНН

РЕБЕНОК

2015

ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
уникальный проект,
объединяющий
представителей самых
разных мировоззрений,
начиная от язычества

CASTALIA

и заканчивая гностическими и герметическими традициями. Три объединяющих принципа Касталии — это **Юнгианство**, **Оккультизм** и **Нонконформизм**. Быть Юнгианцем — значит иметь мужество познанию своих самых потаённых глубин. Быть Оккультистом — искать то, что раз и навсегда пресуществит твой дух в тигле трансмутации, быть Нонконформистом — просто быть собой, вне следования каким-либо нормам или обычаям.

НАШ ПРОЕКТ ИМЕЕТ МНОЖЕСТВО ГРАНЕЙ.

Это и ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт **www.castalia.ru**, над обновлением которого работает целая группа добровольцев. Это и каждую неделю собирающийся в Реале **клуб Касталия**, где члены клуба могут услышать лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях. Это и **школа Касталия**, своего рода внешнее представительство клуба, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары. Для переводчиков Касталии — бесплатные, для всех остальных — недорогие. Это и уникальный **интернет-магазин** эзотерической и психологической литературы по доступным ценам. Переводчики имеют скидки. И, прежде всего — это интегральное мировоззрение, основанное на поиске соединения трёх слагаемых Касталии и стремящееся к оккультному Ренессансу.

**КАСТАЛИЯ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, А ТАКЖЕ
ОРГАНИЗАЦИИ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ**

УДК 159.9
ББК 88.4
Н 72

Н72 Эрих Нойманн
РЕБЕНОК

М.: Клуб Касталия. 2015. — 230 с.

ISBN 978-5-519-60750-6

Перевод: Александра КАУ-ТЕН-ЧЖИ
Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА
Обложка: Ольга ИВАНОВА

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА I. ПЕРВИЧНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕБЁНКА С МАТЕРЬЮ И ПЕРВЫЕ СТАДИИ ЕГО РАЗВИТИЯ	15
ГЛАВА II. ПЕРВИЧНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ И РАЗВИТИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ «ЭГО — САМОСТЬ»	35
ГЛАВА III. НАРУШЕНИЯ ПЕРВИЧНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	69
ГЛАВА IV. ОТ МАТРИАРХАТА К ПАТРИАРХАТУ.....	109
ГЛАВА V. СТАДИИ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО ЭГО	151
ГЛАВА VI. ПАТРИАРХАТ	197
ПОСЛЕСЛОВИЕ	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для меня было истинным удовольствием написать предисловие к новому изданию «Ребёнка» Нойманна, книге, которую довольно долгое время нельзя было найти в продаже. Впервые эта работа была издана на немецком в 1963 году, а в 1973 году свет увидел её английский перевод. Всеобъемлющий архетипический подход Нойманна продолжает вдохновлять и снабжать необходимой информацией исследователей детского развития с позиции глубинной психологии.

Нойманн широко известен своими работами в области культуры, творчества и нравственного чувства, но наибольший вклад в аналитическую психологию внесла, несомненно, его книга «Происхождение и развитие сознания». В ней Нойманн взялся решить непростую проблему: выявить признаки определённых этапов развития человеческого сознания в мифологических источниках. «Задача этой книги, — пишет он во введении, — показать, что основной составляющей мифологии является ряд архетипов, что они органически связаны друг с другом и что их стадийная последовательность и определяет развитие сознания». Далее Нойманн утверждает, что «индивидуальное сознание мыслящей личности должно пройти те же архетипические стадии, которые определяют развитие сознания человечества в целом. В своей собственной жизни индивид должен преодолеть тот же путь, который прошло до него человечество, оставив следы этого путешествия в архетипической последовательности мифологических образов». Из этих слов понятно, какую задачу поставил себе Нойманн при написании «Ребёнка»: он стремился показать, как при развитии индивидуального

сознания ребёнка воспроизводятся архетипические стадии и символические образы, описанные в древних мифах.

Эта идея, хотя и не высказанная открыто, лежит в основе аналитической психологии Юнга, но «Происхождение и развитие сознания» и «Ребёнок» стали первыми попытками иллюстрации этой гипотезы. В ретроспективе видно, что «Ребёнок» естественным образом вырос из «Происхождения и развития сознания». Очевидно, что с самого начала темы этих двух книг были неразрывно связаны в сознании Нойманна.

В предисловии к «Происхождению и развитию сознания» Юнг выразил огромное восхищение (быть может, и с лёгким оттенком зависти) достижениями Нойманна. Книга начинается, по его словам, «именно там, где бы я сам, будь мне дарована ещё одна жизнь, начал бы собирать *disjecta membra* [лат. «осколки, обрывки»] собственных работ, чтобы отсеять все „начала без продолжений“ и собрать их в одно целое». Юнг отмечает, что Нойманн начал «с того самого места, где я давным-давно нечаянно открыл новую землю, а именно с матриархального символизма; а в качестве концептуальной основы своих открытий автор использует символ, важность которого впервые открылась мне при работе над исследованием психологии и алхимии: *уроборос*».

Несомненно, Юнг остался бы не менее доволен и «Ребёнком». Эта работа также развивает концепцию, которую Юнг уже сформулировал, но, увлекаемый своим творческим даймоном, оставил неразвитой: отношения матери и ребёнка как *participation mystique* [мистическое соучастие]. Для Нойманна термины «мистическое соучастие» и «бессознательная идентичность», предложенные Люсьеном Леви-Брюлем, выражают соединение, слияние, характеризующее отношения матери и ребёнка на раннем этапе развития младенца, в уроборической стадии. Он заключает, что «описанная этими терминами психическая ситуация младенца интерпретируется не как акт идентификации, но как бессознательная идентичность, то есть пассивное состояние» («Ребёнок», глава I). Мать, утверждает он, «играет главную роль в первоначальном развитии человека, так же как матриархальный мир, в котором господствует бессознательное, а эго-сознание ещё не успело развиться, доминирует

в психологии примитивных культур». Уроборос, мифологический змей, пожирающий собственный хвост, «Великий круг, в центре которого спрятан зародыш эго, это символ утробной психической ситуации: личность ребёнка, способная взаимодействовать с окружающим миром, ещё не сформировалась полностью. Это неразделённое состояние, характерное для эмбриона в матке, в большой степени, хотя и не полностью, сохраняется и какое-то время после рождения».

Основа архетипической теории Нойманна — природная, инстинктивная ответная реакция матери, характерная не только для человека, но и для млекопитающих вообще. Для Нойманна взаимосвязь между ребёнком и матерью — это «связь между двумя живыми существами, чья инстинктивная тенденция побуждает их искать полноты друг в друге; они ориентированы друг на друга; точно так же мужчина и женщина испытывают инстинктивное стремление соединиться». Однако основой этой первичной взаимосвязи, как утверждает Нойманн, являются именно инстинктивные реакции матери: «Они обеспечивают стабильность и самоочевидный характер привязанности матери к ребёнку». Самка любого животного вида проявляет эту «нежность, готовность пожертвовать собой и стремление защищать детёнышей». Инстинктивная основа такой реакции, по-видимому, обусловлена незащищённостью ребёнка и пропорциями детского тела (в частности, отношением размеров головы к размерам всего тела). Нойманн цитирует Нико Тинбергена: «небольшое лицо по сравнению с крупным лбом, выпуклые щёки». Также имеют значение и неуклюжие телодвижения малыша. Присутствие этих признаков у человеческих младенцев и детёнышей животных вызывает инстинктивную родительскую нежность, а при их отсутствии такой реакции не наблюдается.

Разумеется, не менее важна и врождённая ответная реакция ребёнка. Как в матери констатируется архетип Божественного младенца, так и в ребёнке констатируется архетип матери. В период примерно с первого по третий месяц жизни младенец начинает улыбаться матери, явно отличая её лицо и голос от всех прочих. Разумеется, есть и другие признаки: практически сразу после рождения ребёнок находит материнский

сосок и за считанные дни или даже часы запоминает запах матери. Таким образом, Нойманн имел все основания написать много лет назад:

«Мать констеллирует область архетипа и пробуждает архетипический образ матери в психе ребёнка, где он до того дремал, ожидая пробуждения, чтобы начать функционировать. Этот архетипический образ, в свою очередь, запускает в ребёнке механизм сложного взаимодействия психических функций, который становится отправной точкой развития базовых отношений эго с бессознательным. Эти изменения, как и заложенные в теле ребёнка алгоритмы развития, происходят сравнительно независимо от индивидуального поведения матери, при условии, что она живёт с ребёнком, в соответствии со своей архетипической ролью».

Нойманн стал, вероятно, первым глубинным психологом, которому удалось полностью осознать значение внеутробного периода, то есть первых двенадцати-четырнадцати месяцев жизни новорожденного младенца. Он подчеркивает важный факт, зачастую игнорируемый другими исследователями детского развития: человеческий ребёнок при рождении примерно на год отстаёт в развитии от детёнышей других высших приматов. Чтобы достичь той же степени зрелости при рождении, человеческому ребёнку пришлось бы ещё как минимум год провести в материнском чреве. Эта неотения — задержка развития — связана с эволюцией мозга. К концу третьего триместра беременности мозг зародыша вырастает настолько, что дальше оттягивать рождение уже не представляется возможным. Вследствие «преждевременного» рождения человеческому ребёнку приходится в первый год жизни приобретать те важные навыки, которыми другие приматы обладают уже при появлении на свет — например, умение ходить.

Архетипическое развитие начинается в безопасной, кормящей матке и затем, после рождения, продолжается в так называемой «социальной матке» — так окрестил связь между матерью и ребёнком Адольф Портман. Как физическое

и неврологическое развитие зародыша в матке проходит через определённые стадии, так и связь между матерью и ребёнком запрограммирована на продолжение архетипического развития ребёнка, хотя теперь в игру вступают социальные и культурные факторы. Принимая термин «социальная матка», Нойманн хотел ещё раз подчеркнуть важность этого факта.

Смысл неотении для эволюции, по-видимому, связан с социальной природой млекопитающих. С появлением эмоций — более гибкой инстинктивной системы — начала расти необходимость в адаптации новорожденных к социальной жизни коллектива, от которого зависело их выживание. Более продолжительная стадия детства как раз и предоставляет эту возможность взросления внутри социальной группы. Человеческий детёныш должен усвоить определённые навыки, чтобы подготовиться к дальнейшему развитию — не только «естественному», но и культурному. Нойманн подчёркивает важность неотении для жизни человеческого коллектива:

«На последнем этапе эмбрионального развития мать-природа передаёт младенца на попечение его человеческой матери. Изначальная связь ребёнка с матерью не так уж примитивна, ибо благодаря этой связи человеческая культура начинает формировать ребёнка ещё до его „настоящего“ рождения (то есть до года жизни), поскольку мать живёт в определённой культурной среде, чей язык и ценности бессознательно влияют на развитие ребёнка».

Взяв за основу архетипическую связь матери и ребёнка, Нойманн начал последовательно изучать развитие ребёнка в контексте этой первичной взаимосвязи.

К сожалению, из-за безвременной кончины автора в 1960 году эта книга осталась незаконченной. Редакторы приняли, на мой взгляд, мудрое решение издать первоначальный вариант книги, хотя, безусловно, такой вариант имеет как свои достоинства, так и недостатки. С одной стороны, нам выпала редкая возможность почувствовать весь энтузиазм и энергию автора, характерные для первого, неотредактированного

черновика. С другой же стороны, нам придётся столкнуться с неизбежными повторами и недостаточным раскрытием некоторых тем. Например, в книге ощутимо не хватает более полного рассмотрения специфических особенностей женского развития. Однако редакторы самостоятельно добавили очень краткий и сжатый обзор, сформированный из других работ автора на эту тему. Нойманн прекрасно осознавал всю важность понимания архетипических различий в развитии мужчин и женщин. Он понимал, что отношения с матерью у девочки и у мальчика фундаментально различаются, и планировал развить эту тему: «Отличительные признаки развития девочек мы в дальнейшем рассмотрим отдельно, поскольку следует принимать во внимание особое значение взаимосвязи матери и дочери в первой фазе специфически женского развития».

В связи с тем, что книга осталась неоконченной, читателю, возможно, пригодятся некоторые подсказки и советы, которые в своё время помогли мне самому. Во-первых, несколько слов о том, как читать Нойманна. Используйте не только интеллект, но и воображение. Когда Нойманн пишет, что связь между матерью и ребёнком архетипична, он говорит вам: представьте себе облако психической энергии, протянувшееся между матерью и ребёнком, и подумайте, какие образы эта картина вызывает в вашем сознании. Он побуждает нас вернуться, насколько это возможно, в состояние ума, которое Гастон Башляр называл поэтической мечтательностью — оно наиболее близко к изначальному состоянию (по Нойманну, стадии матриархата), где господствуют Эрос и воображение. Здесь правит фантазия, говорит он, так позвольте проникнуть в сознание своим собственным образам первой стадии взаимосвязи матери и ребёнка.

«Матриархальное сознание ребёнка наиболее ясно характеризуется ролью фантазии и её близкой родственницы — игры. Фантазия ни в коем случае не идентична принципу желаемого внутреннего удовольствия. Скорее это внутренний орган чувств, воспринимающий и выражающий внутренние миры и законы так же, как внешние органы чувств воспринимают и выражают внешний мир с его законами. Мир игры крайне важен, и не только для

детей, но и для взрослых во всех культурах; мы никогда не перерастаем его. Но для детей они имеет особое значение. Только личность, встроенная в символическую реальность игры, может стать полноценным человеческим существом».

Эта цитата обрисовывает глубокое понимание Нойманном неопенимой важности игры и фантазии в жизни ребёнка и взрослого человека.

Нойманн предлагает нам: представьте, какой процесс запускается между матерью и ребёнком? Младенец пробуждает в матери архетип ребёнка, а та, в свою очередь, пробуждает в ребёнке архетип матери. Мать охвачена нежными чувствами к беспомощному очаровательному малышу, а младенец инстинктивно стремится припасть к её соску и пить молоко. Но примерно через один-три месяца жизни на ребёнка снисходит поразительное откровение. Он начинает отличать голос и лицо матери и реагирует на её появление первой улыбкой узнавания. Как мы можем себе представить, для малыша она представляет собой волшебное видение поразительной красоты, визуально-слуховое проявление материнского архетипа, Великой богини, того образа, к которому мы будем вечно стремиться в наших снах. Это откровение говорит о скором завершении уроборической фазы и ведёт ребёнка к следующим стадиям развития.

Важно помнить, что Нойманн считает эту первичную взаимосвязь ребёнка и матери основой любого нормального развития, но также и причиной всех отклонений (не считая, разумеется, таких факторов, как генетические дефекты, травматические события и т. п.). В первых четырёх главах он рассматривает преимущественно развитие ребёнка с момента рождения до двенадцати-четырнадцати месяцев, постепенно приближаясь к моменту констелляции эго и самости (он наступает примерно в два года). Эти главы практически полностью посвящены связи матери и ребёнка — её нормальному развитию, возможным проблемам и постепенному переходу от матриархата к патриархату. Мне хотелось бы обратить внимание читателя на тот факт, что в этих главах описывается не столько развитие эго, сколько «связь не эго, но самости с телом, матерью и матерью

как представительницей всего остального мира». Особенно подробно рассматриваются так называемые «функции самости», то есть аутоморфизм и ось «эго — самость».

О стадиях развития эго Нойманн говорит в пятой главе, в которой частично суммируются первые четыре главы и следует переход к дальнейшим стадиям развития. Для понимания, о чём идёт речь, я бы посоветовал читателю просмотреть краткий обзор стадий развития эго на стр. 88. Полезно было бы указать в этом списке примерный возраст ребёнка, соответствующий каждой из стадий, а также включить в него ранний этап развития, до появления эго. Нойманн даёт понять, что, по его мнению, первая фаллическо-хтоническая стадия, подразделённая на два этапа, охватывает период от рождения до двенадцати-четырнадцати месяцев. Уроборический период следовало бы включить в эту фазу в качестве первого из трёх (в таком случае) этапов. В этом случае у нас получилась бы следующая картина: а) уроборический этап с рождения до двух-трёх месяцев, б) растительный с двух-трёх до шести-семи месяцев и в) животный с шести-семи до двенадцати-четырнадцати месяцев. Что касается остальных стадий, я бы предположил, что магическо-фаллический этап длится примерно с шестнадцати месяцев до четырёх лет, а магическо-воинственный — с четырёх до шести-семи лет. Солярно-воинственная и солярно-рациональная стадия охватывают, соответственно, периоды с семи до двенадцати лет и с двенадцати до четырнадцати-шестнадцати. Я назвал только ориентировочные границы, они могут варьироваться в зависимости от конкретного случая.

Многие термины Нойманн, конечно же, заимствовал из мифологии, а также из археологических и религиозных источников. С одной стороны, они вызывают определённые ассоциации, но с другой — несколько сбивают с толку. К примеру, уроборос обыкновенно изображается в виде змеи, кусающей себя за хвост. Но на фронтиспise «Происхождения и развития сознания» под заголовком «Уроборос» мы видим изображение божественного младенца Вишну, засунувшего в рот палец ноги. Это означает, что младенец, сосущий палец, воплощает мифического уробороса. Этот древний символ представляет «целостное» состояние сознания, в котором «я» и «другой»

слиты воедино, не дифференцированы, то есть состояние, характерное для первоначальной стадии до появления эго. В этом же свете мы можем рассматривать сосание пальца как первую попытку синтеза психе, следующую за грубым выдворением из уютной матки, где младенец пребывал в райском блаженстве, «растворившись» в бессознательном. Палец и рот — внутреннее и внешнее — участвуют в успокаивающем ощущении ритмического сосания.

Вслед за уроборической стадией (с рождения до двух-трёх месяцев) следуют фаллическо-хтонические этапы, где правит Госпожа растений и Госпожа животных. Эти названия сразу вызывают ассоциации с ранним детством, когда ребёнок поначалу пребывает преимущественно в вегетативном состоянии, но постепенно делается всё активнее, начинает садиться, а потом и ходить. Однако сам термин «фаллическо-хтонический», включающий в себя две эти стадии, определённо требует определения и амплификации, которые Нойманн и спешит предоставить. Но даже при наличии объяснения само слово звучит несколько неуклюже и, вероятно, мало у кого сразу вызовет ассоциации с поведением ребёнка на ранней стадии развития. То же касается и магическо-фаллической стадии. «Магическая» часть без труда узнаётся в поведении ребёнка, переходящего от стадии «притворства» (14–16 месяцев) к стадии развития символа (около трёх лет). Как известно, для этого этапа характерно появление «магических» фантазий — к примеру, воображаемого друга. Но смысл «фаллической» части термина, пожалуй, не столь самоочевиден. Однако если проследить за рассуждениями Нойманна, можно с лёгкостью выявить связи между поведением ребёнка и мифологическим образом фаллоса. Вдобавок этот выбор названия можно подкрепить яркими иллюстрациями (самая известная из которых — сон четырёх- или пятилетнего Юнга о подземном фаллосе на золотом троне). Тех невероятных творческих способностей, которые проявляет ребёнок, как только осознает своё воображение, уже с лихвой хватает, чтобы оправдать применение символа плодovitости для характеристики данной стадии развития. Более того, вполне вероятно, что после ознакомления с концепциями Нойманна наше понимание детского поведения значительно углубится. Именно в такие

моменты мы осознаём, как повлияли на позицию Нойманна его исследования мифологических образов, отражающих фило-генетические стадии развития сознания. Самое полезное, что я могу посоветовать читателю, — обратиться к «Происхождению и развитию сознания». Изучение этой работы параллельно с чтением «Ребёнка» может оказаться особенно интересным. Надеюсь, это небольшое введение пролило немного света на одно из наиболее важных свойств этой книги и вообще нойманновского подхода к теме: он старается не дать читателю забыть о том, какое большое значение он придаёт архетипическому подходу и его воплощению в мифологических образах. Но за это усилие над собой читателю воздастся сторицей.

«Ребёнок» предлагает удивительную возможность лицом к лицу встретиться с базовой позицией Нойманна. И награда велика, ибо в этой работе заложен фундамент исчерпывающей архетипической теории человеческого развития. В завершение я могу лишь присоединиться к своему давнему другу и коллеге Герхарду Адлеру, написавшему предисловие к «Творческому человеку» Нойманна: «Тем, что ему удалось сделать, он обязан не одному лишь интеллекту, но и глубокой и живой связи с бессознательным творческим источником».

Луис Г. Стюарт

ПЕРВИЧНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕБЁНКА С МАТЕРЬЮ И ПЕРВЫЕ СТАДИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Мать играет главную роль в первоначальном развитии человека, так же, как матриархальный мир, в котором господствует бессознательное, а эго-сознание ещё не успело развиться, доминирует в психологии примитивных культур.

Одна из основных особенностей, отличающих человека даже от ближайших его родственников среди животных, состоит в том, что человеческий ребёнок, если воспользоваться терминологией Портмана¹, проходит не только внутриутробную, но и внеутробную стадию развития. Детёныши высших млекопитающих появляются на свет уже сравнительно зрелыми; сразу после рождения или спустя очень короткий срок они уже не только внешне напоминают взрослых особей, но и способны вести самостоятельную жизнь без помощи родителей. Чтобы развиться до такой степени, человеческому ребёнку пришлось бы провести в матке около двадцати — двадцати двух месяцев. Другими словами, человеческий младенец достигает уровня новорожденных детёнышей других млекопитающих лишь через год после появления на свет. Таким образом, этот первый год жизни можно также отнести к стадии эмбрионального развития. Получается, что за первой эмбриональной стадией, в течение которой ребёнок психически и физически составляет одно целое с матерью, следует вторая, постнатальная эмбриональная стадия: малыш вступает в человеческий мир и, по мере развития

---

¹ Portmann, Adolf, «Das Tier als soziales Wesen» — Eranos-Jahrbuch XVLL, 1947.

эго и сознания, впитывает его язык и обычаи. Для этой фазы (Портман назвал её «социальным маточным периодом») характерно преобладание первичной взаимосвязи ребёнка с матерью, которая сначала представляет всю его Вселенную, но со временем начинает открывать ему новые грани окружающего мира.

Эта основная особенность, характерная из всех животных только для человека, сразу же помещает развитие ребёнка в социальный контекст. Развитие каждого ребёнка уникально, поскольку на последнем этапе эмбриональной фазы мать-природа передаёт младенца на попечение его человеческой матери. Изначальная связь ребёнка с матерью не так уж примитивна, ибо благодаря этой связи человеческая культура начинает формировать ребёнка ещё до его «настоящего» рождения (то есть до года жизни), поскольку мать² живёт в определённой культурной среде, чей язык и ценности бессознательно влияют на развитие ребёнка. Отношение общества к ребёнку, его полу, индивидуальности и развитию может оказаться вопросом жизни и смерти. Внешность или пол ребёнка, обстоятельства его рождения, наличие близнеца — любой из этих факторов при негативной общественной оценке может стать такой же катастрофой, как психические или физические отклонения.

Таким образом, уже на пренатальной стадии развития мы можем наблюдать явную адаптацию к коллективу, который, со своей стороны, принимает или отвергает новорожденного. Но параллельно с этой тенденцией к адаптации мы с самого начала встречаемся и с аутоморфизмом личности, то есть стремлением индивида воплотить именно свою уникальную сущность в обществе или, если потребуется, независимо от него и даже вопреки ему.

Для того чтобы попытаться сформулировать законы развития личности, аналитическая психология должна разработать новую терминологию, поскольку заимствование терминов у Фрейда и его последователей размывает принципиальные различия между нашими позициями. До сих пор аналитические психологи

---

² Здесь и в дальнейшем мы будем говорить о матери, но в некоторых нестандартных случаях роль матери может взять на себя и другой человек.

игнорировали эту насущную необходимость, и в результате ясность понятий оказалась утеряна. Изменения в терминологии необходимы не только с точки зрения теории: использование некорректных терминов часто приводит к чересчур упрощённым толкованиям психических явлений и, как следствие, к недопониманию, что, как минимум, затрудняет качественный терапевтический подход, а то и делает его вовсе невозможным.

Пытаясь пролить свет на первичную взаимосвязь матери и ребёнка, мы, прежде всего, должны разобраться с основной связью в детской психологии — связью между развитием эго и развитием всей личности в целом.

Любое обсуждение развития личности — а в особенности личности ребёнка — с позиции аналитической психологии следует начинать со следующей предпосылки: вначале появляется бессознательное, и лишь следом за ним развивается сознание. Целостная личность и её направляющий центр, самость, существуют ещё до того, как эго появляется и становится центром сознания; законы, по которым идёт развитие сознания и эго, зависят от бессознательного и целостной личности, представленной самостью.

Мы будем называть психическую функцию совокупности, которая в первой половине жизни, среди прочего, приводит к формированию центра сознания (постепенно это место занимает эго-комплекс), центроверсией³. С формированием этого центра самость создаёт «производную» себя, «начальника» над личностью, роль которого состоит в том, чтобы защищать интересы целостности и противостоять нападениям со стороны внешнего и внутреннего мира. Символически отношения эго и самости можно представить как отношения сына и отца. Самость, если рассматривать её в связи с развитием эго, тесно связана с родительским архетипом. В первой половине жизни преобладает психология эго и сознания, они находятся в центре личности. Но в процессе индивидуации во второй половине жизни акцент смещается от эго к самости. Все эти процессы, а также амплификация и синтез сознания и интеграция личности, входят в понятие центроверсии.

---

³ Эрих Нойманн, «Происхождение и развитие сознания».

Если понятие центроверсии относится к взаимосвязи центров личности, то концепция аутоморфизма⁴ охватывает развитие не столько психических центров, сколько психических систем: сознания и бессознательного. Она касается их связи друг с другом; сюда относится, например, компенсаторное отношение бессознательного к сознанию, а также процессы, протекающие только в сознании или только в бессознательном, но при этом служащие развитию личности как единого целого.

Первичная взаимосвязь матери и ребёнка определяет первые месяцы жизни новорожденного. В этот период формируется или, по крайней мере, начинает формироваться эго ребёнка: ядро эго, присутствовавшее в психе с самого начала, растёт и становится единым.

Эта самая первая стадия существования до появления эго доступна взрослому человеку только как пограничный опыт, поскольку наш опыт — это опыт эго, неотделимый от присутствия сознания, тогда как на ранней стадии, в отсутствие развитого эго, какой-либо опыт представляется невозможным. Лишь когда устанавливается более-менее чёткая связь между эго и самостью, становится понятно, что даже на этой ранней стадии опыт всё-таки возможен и, более того, чрезвычайно важен как для всего человечества, так и для отдельной личности.

Ранее мы уже называли эту стадию развития⁵ мифологической реальностью и пытались рассмотреть связанные с ней символы. Для первой фазы, до появления эго, мы выбрали термин «уроборическая», поскольку символ уробороса прекрасно отражает состояние этой психической реальности, где пока что не существует противоположностей. Итак, уроборос, Великий круг, в центре которого спрятан зародыш эго, это символ утробной психической ситуации: личность ребёнка, способная взаимодействовать с окружающим миром, ещё не сформировалась полностью. Это неразделённое состояние, характерное для эмбриона в матке, в большой степени, хотя и не полностью, сохраняется и какое-то время после рождения.

---

⁴ Подробнее о самости см. далее.

⁵ «Происхождение и развитие сознания».

Пока ребёнок ещё не появился на свет, его мир — это тело матери. Он ещё не наделён сознанием, способным воспринимать и контролировать; эго также пока не сформировалось. Более того, управляющая организмом младенца совокупность, которую мы обозначаем символом телесной самости⁶, пока что, по сути, перекрывается самостью матери.

В то же время те особенности эмбриона, которые мы считаем врождёнными и индивидуальными, развиваются в соответствии с независимой личной самостью конкретного ребёнка; однако это независимое развитие протекает внутри матери, которая для ребёнка представляет вышестоящую реальность. Только по завершении внеутробной эмбриональной фазы можно говорить об установлении полного господства того, что аналитические психологи называют индивидуальной самостью.

Самому раннему биологическому проявлению самости мы дали имя «телесная самость». Это отдельная и уникальная совокупность личности, освободившаяся от заключения в теле матери; она появляется вместе с биопсихическим единством физического тела.

После рождения тесная связь ребёнка с матерью ослабевает, но важность второй эмбриональной фазы, характерной только для человека, заключается как раз в том, что какое-то время после рождения ребёнок остаётся в некотором смысле эмбрионом, то есть частично пребывает в плену своей первичной эмбриональной связи с матерью. Он ещё не стал собой. Процесс формирования «себя» будет протекать в рамках этой первичной взаимосвязи и завершится, в нормальных условиях, примерно через год после рождения.

В раннем детстве, пока эго и сознание только формируются, опыт полярного мира с его дихотомией «субъект — объект» ещё не доступен ребёнку. Детский опыт любого человека — онтогенетическое воплощение первоначальной единой реальности, в которой внешний и внутренний миры, объективная реальность и психе, попросту не существуют. На этой постнатальной эмбриональной стадии ребёнок фактически всё ещё находится

---

⁶ Там же.

внутри матери, хотя физически он уже родился. Становясь собой, ребёнок отделяется от матери и становится индивидуальным субъектом, воспринимающим мир как объект⁷.

Но реальность, объединяющая мать и ребёнка, — это не только психическая реальность, но и унитарная: для ребёнка то, что наше сознание воспринимает как «внутреннее» и «внешнее», полностью идентично. Как для нашего эго, к примеру, существует прямая связь между желанием совершить движение и его исполнением, так и для ребёнка нужда или дискомфорт — например, голод или холод — напрямую связаны с удовлетворением потребности или устранением неприятного ощущения. Это единство, от которого зависит существование ребёнка, заключается в биопсихической идентичности тела и мира, где ребёнок и мать, голодное тело и питающая грудь, едины.

В нормальных обстоятельствах ребёнок спокойно пребывает в этой унитарной реальности. Когда его что-то беспокоит, он сообщает об этом плачем; его желание более или менее быстро выполняются, напряжение спадает, и малыш снова засыпает.

И даже позднее, в первый месяц жизни, хотя эго всё чаще и чаще начинает достигать изолированного сознания — сперва лишь на краткий миг, а потом на всё более долгие периоды — ребёнок всё ещё не отличает себя от матери, которая приносит удовлетворение и устраняет неприятные ощущения. Для эго ребёнка, с его опытом удовольствия и недовольства, опыт мира *и есть* опыт матери, эмоциональная реальность которой определяет его существование. На этой стадии мать для ребёнка — не внешний и не внутренний объект; он не считает кормящую грудь чуждым, внешним объектом и не воспринимает собственное тело как что-то своё, отдельное. Как и во время внутриутробной стадии, мать и ребёнок настолько близки, что практически составляют одно целое — дуальное единство.

Если говорить мифологическим языком, эго всё ещё прячется внутри уробороса, и мать для ребёнка — это содержащий его сосуд и вообще весь окружающий мир.

---

⁷ Эрих Нойманн, «Человек мистический».

Пока не дифференцированный образ тела для ребёнка столь же огромен и безграничен, как космос. Его собственная сфера так сплавлена с миром и, следовательно, со всем тем, что мы считаем внешним, что её можно с уверенностью назвать космической по масштабам. Только с развитием эго ребёнок постепенно начинает отличать собственное тело — и одновременно мир начинает обретать ясность, как объект, противопоставленный эго. Клиффорд Скотт в «Замечаниях о схеме и образе тела» пишет: «Часть телесного образа представляет собой постоянно меняющуюся схему мира, которую ограничивают лишь пределы пространства и времени»⁸.

Дуальное единство матери и ребёнка можно охарактеризовать как космическое и трансперсональное, поскольку ребёнок ещё не обладает ни стабильным эго, ни определённым образом тела. Его мир — всеобъемлющая унитарная реальность, не разделённая на внутреннее и внешнее, на субъект и объект. В условиях первичной взаимосвязи мать также живёт в архетипически обусловленной единой реальности, но лишь частично, поскольку связь с ребёнком — лишь часть её существования. Младенец же полностью поглощён этой реальностью, и мать для него воплощает и тело, и самость.

Однако, приняв тот факт, что мать в эмбриональной фазе представляет также и самость ребёнка, мы сталкиваемся с затруднением: нам приходится заключить, что на первой стадии первичной взаимосвязи существует — с точки зрения нашего сознания — двойная самость. Если мы принимаем всерьёз понятие постнатальной эмбриональной фазы, мы вынуждены признать, что до года, то есть до завершения внутриутробной и внеутробной фаз, ребёнок ещё не обладает индивидуальной совокупностью, самостью. В течение этого периода, поскольку ребёнок пребывает в унитарной реальности, мы наблюдаем ситуацию, парадоксальную с точки зрения нашего сознания.

С одной стороны, существует телесная самость⁹ ребёнка, определяемая его биологическим видом и формирующаяся

---

⁸ Scott, W. C. M., «Some Embryological, Neurological, Psychiatric and Psychoanalytic Implications of the Body Scheme».

⁹ «Происхождение и развитие сознания».

одновременно с его телом; с другой же стороны, мать в рамках первичной взаимосвязи с ребёнком не просто играет роль его самости, но фактически ею и является. Однако для телесной самости также характерна целостность, и её не следует считать просто физическим существованием: в биопсихическом единстве телесной самости уже присутствуют физическая и психическая предрасположенность, совокупность наследственных факторов и индивидуальность.

С точки зрения нашего сознания, структура самости взрослого человека всегда подразумевает отношения «я — ты». Эго воспринимает самость как противоположность, которая внутри психе проявляет себя как центральная самость, а во внешнем мире — как другой человек или проекция архетипа. Это означает, что самость обладает эротическим характером, который определяет всё развитие человека и который можно назвать индивидуацией, отношением или изменением отношения. Так возникает парадокс: самость — это максимально «свое собственное», но в то же время она принимает форму «ты». Для нашего сознания она представляет индивидуальный центр личности, и в то же самое время она обладает общечеловеческими, космическими свойствами. Эта парадоксальная двойная природа самости проявляется в раннем детстве: «собственная» самость ребёнка — это телесная самость, а самость как «ты» воплощена в матери.

Но не следует забывать, что концепция внешнего и внутреннего, заложенная в понятии воплощения, неприменима к космической ситуации ребёнка. И поскольку мы можем описать унитарную реальность первичной взаимосвязи только как связь между двумя людьми — младенцем и его матерью, — наша формулировка не совсем соответствует истинной ситуации.

На ранней, уроборической стадии развития ребёнок ощущает минимум напряжения и дискомфорта и максимум защищённости и благоденствия; «я и ты», самость и мир пока едины, и поэтому эта стадия отражена в мифах как потерянный рай. И, напротив, во взрослом состоянии человек так или иначе страдает. Поскольку взрослое эго как субъект опыта уже не идентично ни с самостью (собственной совокупностью), ни с «ты» (другим человеком и окружающим миром), оно вынуждено непрерывно

пребывать в напряжённом состоянии, разрываясь между противоположными полюсами «ты» и самости.

Напряжение, существующее из-за разделения психических систем — сознания и бессознательного, — нормально для взрослого человека. Его личность имеет два полюса — эго как центр сознания и самость как центр всей психе целиком, включающей сознание и бессознательное; одновременно с появлением этой полярности мир также начинает делиться на внутренний и внешний. Эго встаёт между самостью и миром, и аутоморфное развитие всей личности зависит от отношения эго к внутреннему и внешнему, к самости и к миру.

Но на уроборической стадии, когда эго ещё дремлет, просыпаясь лишь на короткие промежутки времени, этих противоположностей и напряжения между ними ещё не существует. Для эмбриона самость в принципе не может быть противопоставлена миру: ведь мать одновременно воплощает и самость, и «ты». Как и во внутриутробной фазе, ребёнок надёжно укрыт внутри матери, которая для него представляет одновременно самость, «ты» и весь мир. Первичная взаимосвязь ребёнка с матерью уникальна именно потому, что в этой — и только в этой — ситуации не существует напряжения между аутоморфным саморазвитием и отношениями с «ты». Опыт этой фазы, которая налагает свой отпечаток на всё дальнейшее развитие и особенно важна для психологии творческих людей, становится источником постоянной ностальгии, которая может оказывать на взрослого человека как прогрессивное, так и регрессивное воздействие¹⁰.

Только правильно истолковав символизм уроборического «заключения в круге», мы сможем понять, почему к этой фазе неприменим термин «аутизм». Поскольку эго ещё не развито, эротический характер первичной связи проявляется сверхличностно и космически, а не персонально. Именно поэтому среди символов этого далёкого прошлого мы видим рай, дом, круг, океан или пруд. Заключение в этом космическом мире символизирует эмбриональную фазу развития, период, когда эго ещё не появилось. Термин «аутизм», означающий состояние,

---

¹⁰ Нойманн, «Человек мистический».

в котором объект полностью отсутствует, объясним лишь с точки зрения субъектно-объектных отношений, присущих взрослому эго. Как только мы поймём, что такое унитарная реальность эмбриональной фазы развития, нам станет ясно, что здесь этот термин неприменим в принципе. Во внеутробной эмбриональной фазе ребёнок пребывает в состоянии *мистического соучастия*, плавая в «первичном бульоне», где всё ещё перемешано, и противоположностям «эго — самость», «субъект — объект», «личность — мир» только предстоит проявиться. Эта фаза связана с «чувством океана», которое время от времени испытывают и взрослые люди, когда унитарная реальность прорывается наружу и дополняет или замещает повседневную сознательную действительность с её делением на субъект и объект.

В психоанализе противопоставление психической ситуации младенца взрослому эго объясняют при помощи таких понятий, как «идентификация» и «первичный нарциссизм». В отличие от этих терминов, понятия «адуализм» (Болдуин) и «дуальное единство» (Сонди) гораздо точнее выражают первоначальную ситуацию ребёнка. Аналитическая психология оперирует более универсальными терминами: «мистическое соучастие» и «бессознательная идентичность» (Леви-Брюль). Если описывать психическую ситуацию ребёнка с применением этих терминов, станет ясно, что она представляет собой не акт идентификации, но бессознательную идентичность, то есть пассивное состояние, а не активное действие.

Речь об идентификациях и акте идентификации можно вести только тогда, когда эго уже сформировалось. Такие идентификации сопутствуют, к примеру, всем ритуалам посвящения. Тот, кто проводит церемонию, сознательно осуществляет идентификацию посвящаемого с предками, с тотемным животным и так далее. Но, говоря о бессознательных актах идентификации, мы неверно проецируем активность нашего эго на бессознательное, для которого на самом деле характерная изначальная идентичность, то есть идентичность, которая просто присутствует как таковая. В этом смысле дуальное единство первичной взаимосвязи — это констелляция идентичности, а не идентификация несуществующего детского эго с матерью. Это «присутствие как таковое» характерно как

для унитарной реальности, так и для пребывания в несубъективном космическом состоянии.

Следовательно, Эрос этой первичной взаимосвязи (а вся жизнь ребёнка зависит от реализации этой констелляции Эроса, поскольку общество людей подразумевает сосуществование) представляет собой прямую противоположность первичному нарциссизму Фрейда и вообще любому нарциссизму. Какими бы вескими ни были причины, заставившие Фрейда противопоставить нарциссизм объектным отношениям, акценты он расставил неверно, поскольку не смог осознать констелляцию безличной связанности в первичной взаимосвязи. Эта связанность — а именно она заставила Фрейда противопоставить нарциссизм любви к объекту — не является связью, поскольку связь предполагает существование как объекта, так и субъекта. Но на эмбриональной стадии до появления эго ещё нет ни того, ни другого. Именно это отличает первичные отношения от всех прочих видов отношений. При этом соучастие или взаимная связанность (Эрос) сильнее, чем это возможно при любых отношениях, предполагающих существование противоположностей.

В аналитической психологии уроборическая стадия развития ребёнка со всеми архетипическими подтекстами, описанными в моей работе «Происхождение и развитие сознания», соответствует фазе первичного нарциссизма, дообъектному состоянию детской личности. В этой книге я уже не использую термин «нарциссизм» ни в позитивном, ни в негативном смысле, хотя в «Происхождении и развитии сознания» кое-где применял его, но оставляю его для характеристики особенной негативной позиции и развития эго.

В дуальном единстве первичных отношений ещё отсутствует внутриспсихическое напряжение между эго и самостью. Последующее развитие оси «эго — самость», противопоставление и взаимосвязь эго и самости становятся возможны благодаря взаимоотношениям матери как самости и ребёнка как эго. На этой стадии в отношениях матери и ребёнка, самости и эго, преобладает констелляция обоюдной связанности и зависимости от Эроса. Таким образом, когда мы говорим о двойственности самости в этих первичных отношениях, мы пытаемся объяснить сложившийся парадокс с точки зрения нашего поляризующего

сознания. И одновременно мы стараемся пролить свет на динамические отношения матери и ребёнка и на развитие эго и личности ребёнка в контексте этих отношений.

Первичные отношения служат основой для всех последующих связей и взаимоотношений. Поскольку сама природа обеспечивает дуальное единство на утробной эмбриональной стадии, необходимость в нём проявляется сразу после рождения у всех детёнышей млекопитающих, а в особенности у человеческих детей. Поэтому у всех живых существ, чьё потомство зарождается внутри материнского тела, природой заложена зависимость малыша от взрослой особи.

Для нашего сознания проявление двойственности заключается в том, что психобиологическая совокупность, телесная самость ребёнка является аутоморфным фундаментом его развития. Но в то же время существование матери — абсолютно необходимое условие существования младенца, только при этом условии его развитие становится возможным.

Здесь опять следует призвать на помощь концепцию унитарной реальности, выходящей за рамки разделения на тело и психику, внутреннее и внешнее. В этой сфере психе настолько тесно переплетена с телом и миром, что их трудно отличить друг от друга. Таким образом, в первичных отношениях матери и ребёнка всё то, что сознание позднее будет считать противоположностями и стремиться разделить, — психическое и физическое, биопсихическое и объективное — ещё едино. На первый взгляд, мы можем согласиться с Фрейдом в том, что телесная самость представляет организм и его бессознательное, бессознательное представляет организм¹¹, а мать представляет мир как окружающую среду и общество. Но если говорить об изначальной ситуации, такое разделение и классификация просто невозможны. Телесная самость и мир связаны так же тесно, как мать и психе. То, что эго позднее будет воспринимать как бессознательное, в равной степени представляет реакцию биопсихического организма и мир в этой реакции, поскольку они пока неотличимы.

---

¹¹ Фрейд Зигмунд, «Заметки о метапсихологии».

Реально существующая ситуация архаична и потому трудна для понимания. Мы упрощаем задачу, проводя границу между внешним и внутренним, что весьма удобно для нашего сознания. Только к концу постнатальной эмбриональной фазы, когда ребёнок рождается «по-настоящему», он превращается в отдельную личность со своим эго, которое начинает противопоставлять себя миру. Только тогда мать, как мир, становится окружением или бессознательным. Но на этой стадии человек уже обретает целостную самость. Телесная самость и «ты»-самость, воплощённая в матери, сливаются в одно.

В процессе развития самость, воплощённая в матери, или, выразимся осторожнее, функциональная сфера самости, воплощённая в матери, которая в первичных отношениях становится для ребёнка формирующим опытом, должна постепенно «войти» в ребёнка. Независимость ребёнка как личности начинается с завершением внеутробной эмбриональной фазы и совпадает с его выходом из узких рамок первичной взаимосвязи. Личность открывается для других отношений, эго сталкивается с «ты» внутри личности и во внешнем мире. Только тогда, с частичным исчезновением мистического соучастия с матерью, ребёнок из телесной самости превращается в индивида, обладающего полной самостью и способного к различным взаимодействиям.

Рождаясь уже «по-настоящему», человек становится не только одной из особей своего вида, но и частью группы. Ребёнок не просто стал собой: это «само» начинает проявляться внутренне и внешне в виде отношений «я — ты». С этого момента ось «эго — самость», связь эго с самостью, превращается в основной внутренний феномен психе, тогда как внешняя связь «я — ты», «субъект — объект» проявляется в виде отношений с другими и отношения к миру как к противоположности.

Для простоты мы здесь говорим о полной самости, которая формируется лишь с завершением эмбрионального периода. В ней объединяются телесная самость и «ты»-самость, воплощённая в матери. Это не отдельные части, а аспекты целостной самости, присутствующие с самого начала, но проявляющие себя только по мере развития.

Аналитическая психология считает, что самость, как совокупность личности, это данность, присутствующая *a priori* и постепенно

раскрывающая себя в течение жизни. У этой данности имеются такие параллели, как понятия энтелехии, монады или, в астрологии, вера в то, что момент рождения человека определяет его уникальный характер и скрытые возможности.

Эта точка зрения противоположна генетической, эволюционной теории, согласно которой личность — исторически сложившаяся структура, на формирование которой влияют условия среды. Первая позиция концентрирует внимание на некоей данности, которой предстоит столкнуться с внешним миром, вторая же сосредотачивается на формирующем влиянии среды. И обе точки зрения являются односторонними: лишь вместе они более-менее обрисовывают истинную ситуацию.

Если эго ещё не развилось или появилось совсем недавно, невозможно говорить о какой-либо идентификации. Точно так же не стоит путать перемещение самости из матери в ребёнка с процессом интроекции, хотя этот процесс и является прототипом всех последующих интроекций. В реальности интроекция происходит лишь тогда, когда поляризация между «я» и «ты», субъектом и объектом, внутренним и внешним развилась достаточно, чтобы можно было говорить о принятии внутрь чего-то внешнего. Это происходит, к примеру, когда ребёнок с уже развитым эго-сознанием, то есть перешедший в патриархальную фазу развития, перенимает черты отцовской фигуры и интроекцирует их в своё суперэго. Но на ранней стадии всё находится одновременно снаружи и внутри, или же, напротив, ни там, ни там, так что в принципе невозможно говорить об экстернализации или интроекции.

Выход материнской самости из поля унитарной реальности протекает параллельно с постепенным растворением дуального единства первичных отношений. К концу эмбриональной фазы не только самость телесная сливается с «внешней» самостью, но и эго развивается из зародыша и достигает некоторого единства с сознанием ребёнка.

С укреплением эго постепенно начинается развитие сознания, завершающееся в итоге поляризацией взрослого сознания. Но перед этим ребёнок должен пройти архаические фазы, которые прослеживаются во всей истории человеческого сознания. Однако сейчас мы не будем рассматривать

постепенное продвижение от архаико-магического до абстрактного мышления, а займёмся отношениями между развивающимся эго и целостной самостью, образовавшейся при соединении телесной самости и самости, находившейся в матери.

Связь между эго и самостью крайне важна для развития и нормального функционирования психе. Мы называем эту связь осью «эго — самость». Когда мы говорим, что самость — основа эго или что эго — производная от самости, мы тем самым утверждаем, что целостная личность (центром которой и является самость) направляет, контролирует и уравнивает все процессы, ведущие к рождению детского эго и его развитию в эго взрослого.

Стремление ребёнка сохранить дуальное единство первичных отношений практически тождественно инстинкту самосохранения, поскольку младенец ещё полностью зависим от матери. Но дело не только в физической зависимости: как мы уже знаем, здесь речь идёт не только лишь о питании и защите¹². Потеря матери (или заменяющего мать человека) сказывается в первую очередь на психике. Она проявляется в утере контакта с миром, в нарушении аутоморфизма и инстинкта самосохранения ребёнка, а также в разрушении зачатков развития эго.

Первичная взаимосвязь является выражением отношений вообще, что и иллюстрирует поразительный факт: разрыв этой связи может вызвать эмоциональные нарушения, чреватые апатией, идиотией или даже смертью ребёнка. Потеря матери означает нечто намного большее, нежели просто потерю источника пищи. Для младенца — даже если его продолжает кормить кто-то другой — она равносильна потере самой жизни. Наличие любящей матери, которая не может обеспечить ребёнку нормальное питание, куда менее катастрофично, чем равнодушная мать, пусть та и обеспечивает его пищей в достаточном количестве.

Эта связь не имеет ничего общего с кровным родством: роль матери может с успехом играть и другой человек. Иными словами, дело не в конкретной личности: необходимым условием

---

¹² Bowlby, John, «Maternal Care and Mental Health», Monograph Series 2, World Health Organization, 1951.

является просто наличие материнской фигуры. В этой первичной связи мать воплощает «хорошую Великую мать». Это существо, которое оберегает, кормит и согревает ребёнка, и само страстно к нему привязано. Мать — основа не только физического, но и психического существования ребёнка. Она даёт ему ощущение безопасности и делает возможной его жизнь в этом мире. И в этом смысле она безымянна и безлична, то есть архетипична. Её поведение управляется бессознательным, и это позволяет ей соответствовать материнскому архетипу, что жизненно необходимо для нормального развития ребёнка.

Именно по этой причине излишние индивидуальные отклонения от нормы, не важно, в хорошую или в плохую сторону, вредят развитию ребёнка. Недостаточная и излишняя забота одинаково вредны. Болезни, психологические травмы и расстройства, нервные потрясения в жизни матери — всё это отклонения от констелляции архетипа, способные замедлить, а то и вовсе остановить развитие малыша. Физический аспект, к примеру, кормление, не просто символизирует психологический фактор, хотя в этой области любое физическое действие имеет символическое значение; психические факторы, например материнская нежность, также не заменяют физические, хотя каждому психическому фактору и соответствует физический.

Слияние матери и ребёнка в первичной взаимосвязи и космический характер этой связи имеют особые последствия для развития индивидуальной целостной личности ребёнка. Пространство первичной взаимосвязи — система связанности, полюсами которой являются мать и ребёнок; но это пространство до появления его представляет собой реальность, независимую от полюсов. Первичная взаимосвязь, будучи специфической архетипической констелляцией, охватывает мать и ребёнка, которые становятся архетипами друг для друга. Эта базовая архетипическая ситуация обеспечивает правильное функционирование первичной взаимосвязи и формирование личности ребёнка.

Если говорить о космическом характере телесного образа, в котором ребёнок сливается в единое целое с матерью и миром, то можно сказать, что первичные отношения действуют в унифицированном пространстве, где границ тела не существует. Мистическое соучастие между матерью и ребёнком заставляет

каждого участника этой связи ориентироваться на «партнёра». Ребёнок неосознанно «считывает» бессознательное матери, в котором, собственно, он и живёт, а мать — в нормальных условиях — так же неосознанно реагирует на бессознательное поведение ребёнка.

Психе на данной стадии ещё не воплотилась в отдельное тело, а растворена в унитарной реальности, которая содержит в себе нечто в каком-то смысле допсихическое и дофизическое.

Единение с матерью разрушается постепенно, с развитием индивидуальности и эго-сознания ребёнка. К. Г. Юнг возлагает вину за большую часть отклонений в психике ребёнка на психические расстройства родителей. Это говорит о том, что бессознательное единение ребёнка с родителями, в особенности с матерью, частично сохраняется до начала пубертатного периода.

Мистическое соучастие выражается, к примеру, в том, что тревога матери передаётся ребёнку без какого-либо прямого или непрямого контакта. В аналитической психологии констелляция идентичности в первичных отношениях и развитие из неё эго играют важную, едва ли не решающую роль. Салливан концентрирует внимание практически исключительно на передаче беспокойства от матери к ребёнку¹³. Также мистическое соучастие может проявлять себя в ряде не объяснимых иными причинами явлений, о которых врачам сообщали пациенты, страдающие шизофренией.

Если, как теперь нам кажется вероятным, некоторые формы шизофрении означают регрессию до стадии первичной взаимосвязи¹⁴, становится понятно, каким образом шизофреник в возбуждённом состоянии способен вмешиваться во внутренние конфликты окружающих людей¹⁵. Это объясняет, почему такие пациенты, по многочисленным сообщениям, демонстрируют поразительную осведомленность о бессознательной ситуации

---

¹³ Sullivan, Harry Stack, «The Interpersonal Theory of Psychiatry», New York, W.W. Norton, 1953.

¹⁴ Нойманн планировал рассмотреть эту проблему во второй части книги.

¹⁵ Brody, Eugene B., Redlich, Frederick C., «Psychotherapy with Schizophrenics», A Symposium. London, Baily Bros, and Swinfen, 1952, p. 60.

врача и зачастую куда лучше нормальных людей разбираются в символах бессознательного своих собратьев по несчастью¹⁶. Попутно отметим всевозможные парапсихологические феномены, иногда сопровождающие шизофрению¹⁷.

Эти явления, основой которых является мистическое соучастие¹⁸, подтверждают эротический характер данной стадии, на которой формирование психофизической уникальной личности ребёнка ещё не завершено или, как при регрессивных психических расстройствах, на которой это формирование затормозилось.

Дуальное единство — особенная ситуация, когда ещё не ставшее индивидуальностью существо соединяется в едином пространстве с другим существом, функционирующим трансперсонально и архетипично.

Мать с ребёнком вызывает в памяти не образ конкретной женщины с её конкретным младенцем, а архетип, общий для всего человечества. С незапамятных времён этот факт волновал умы людей и считался надличностным. Разумеется, для сознания матери ребёнок представляет собой и нечто индивидуальное, относящееся только к её судьбе. Но в реальности первичной взаимосвязи каждая мать — воплощение материнского образа, любой ребёнок — воплощение архетипического ребёнка, и связь между ними — глобальная первичная связь, «реализуемая» согласно паттернам, предопределённым архетипами.

Тот факт, что контролирование развития ребёнка осуществляет исключительно мать, воплощающая в себе самость, никак не связан с эго и индивидуальностью матери. Именно поведение, характерное для любой матери, по большей части бессознательное и инстинктивное, обеспечивает нормальное развитие эго ребёнка. Говоря о трансперсональной роли матери в первичных отношениях, мы подразумеваем именно

---

¹⁶ Rosen, John Nathaniel, «Direct Analysis», New York, Grune, 1955.

¹⁷ Эту тему планировалось раскрыть подробнее в одной из ненаписанных глав данной книги.

¹⁸ Нойманн, «Психе и трансформация планов реальности». Eranos-Jahrbuch XXI, 1952. Согласно некоторым исследованиям, примерно 85 % случаев спонтанной телепатии из всех зарегистрированных происходили между детьми и матерями.

её бессознательные инстинктивные реакции, а инстинкт является продуктом не личного сознания, а коллективного бессознательного. Первичная взаимосвязь держится на этом прочном фундаменте инстинктивных реакций. Они обеспечивают стабильность и самоочевидный характер привязанности матери к ребёнку и даже у животных проявляются в нежности, готовности к самопожертвованию и стремлению защищать детёнышей.

Реальная мать пробуждает в детской психе образ архетипической матери, и там он ждёт своего часа. Затем этот архетипический образ¹⁹ запускает сложный механизм психических функций, и с этого начинается развитие жизненно важных психических связей между эго и бессознательным. Это развитие, как и рост физического тела, протекает относительно независимо от индивидуального поведения матери, при условии, что мать, в соответствии со своей архетипической ролью, живёт вместе с ребёнком²⁰.

Все эти процессы протекают у человека в соответствии со схемой, преобладающей в животном мире: инстинктивный процесс запускается особым «стимулирующим паттерном».

Так, выяснилось, что родительский инстинкт вызывает, в частности, характерная форма головы младенца. А именно: «маленькое по сравнению с высоким лбом лицо, выпуклые щёки, неуклюжие телодвижения»²¹. Эти черты — у человеческих детей и у детёнышей животных — неизменно вызывают нежные родительские чувства; если же их нет, то не будет и соответствующей реакции. Но, конечно, нам ещё предстоит многое узнать об этих инстинктивных феноменах, выражающих архетипически обусловленные отношения между представителями одного вида.

Итак, если на первой стадии первичной взаимосвязи мать представляет для малыша окружающий и питающий его мир, то на второй стадии материнский архетип уже приобретает определённые человеческие черты. Уточним ещё раз: речь идёт

---

¹⁹ Эвокация архетипа. См. оглавление.

²⁰ Здесь мы не будем отвлекаться на проблемы, связанные с индивидуальным поведением матери, вторжением патриархального канона в первичные взаимоотношения и т. п.

²¹ Tinbergen, N., «The Study of Instinct», London, Oxford University Press, 1951.

именно о матери как об архетипе, о Великой богине-матери, а не о матери как отдельной личности; но в при этом о богине, воплощённой именно в человеческую мать. Те функции, которые раньше выполнял бесформенный, анонимный мир, где «плавал» ещё не отделившийся от него ребёнок, — то есть кормление, согревание, защита, — теперь очеловечены. Сперва время от времени, а потом и постоянно ребёнок начинает воспринимать мать как конкретного человека. Постепенно, с развитием эго-сознания, ребёнок становится субъектом, и мать превращается в объект, в отдельную личность. Но даже и тогда мать остаётся для него всеильной; первичная взаимосвязь пока составляет всю жизнь ребёнка — до тех пор, пока не разовьётся его индивидуальность. Тогда и только тогда возникнут отношения «я — ты».

В космической, безымянной фазе первичная взаимосвязь полностью определяет мироощущение ребёнка, но, когда мать превращается во всеильную личность, ребёнок вступает в фазу социальных отношений. На уроборической стадии мать и ребёнок составляли дуальное единство внутри унитарной реальности, но теперь развитие малыша будет зависеть от способности его эго и самости шаг за шагом выйти из этого единства. На первый план выступает аутоморфное развитие ребёнка, его индивидуальные склонности. Материнский архетип пока доминирует, а это говорит о том, что на данной стадии развитие ребёнка ещё зависит от взаимодействия с матерью. Но ребёнок всё больше выходит из материнской сферы и начинает пускать корни в мире людей.

ПЕРВИЧНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ И РАЗВИТИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ «ЭГО — САМОСТЬ»

Как реальная мать вскармливает физическое тело ребёнка, так и развитие его психики, взаимосвязи между эго и самостью, зависит от психической пищи, предоставляемой материнской фигурой. В этом контексте первичная взаимосвязь с матерью позволяет ребёнку получить четыре базовых вида опыта.

В то время, когда мать и ребёнок ещё составляют неразделимое единство, первичная взаимосвязь заменяет для малыша все другие связи: с его собственным телом, с самостью, с «ты» и с миром. Она выступает в качестве основы развития, в процессе которого ребёнок учится жить в своём теле, жить со своей самостью, жить с кем-то и жить в этом мире.

Как мы заметили, при нормальной первичной взаимосвязи для постнатального эмбрионального периода (когда самость ребёнка ещё воплощена в матери) характерно отсутствие противоречий, полное единение с матерью. Малыш заключён в мягкий безопасный кокон, который одновременно представляет мать, мир, тело и самость. Он пребывает в безмятежной дремоте, почти как в первой, утробной фазе. Этой стадии соответствует символизм тепла, сытости, безопасности и заключения в материнском сосуде.

Мать, представляющая самость, практически мгновенно компенсирует все неудобства и беспокойства, способные пробудить эго, — голод, жажду, боль, холод и так далее, — неизменно восстанавливая мирную сонную гармонию и единство мира-«ты» и тела-самости.

То, как мать взаимодействует (или не взаимодействует) с биопсихическим единством ребёнка, очень сильно влияет

на формирование эго, поскольку независимое сознание ребёнка и позитивные и негативные реакции эго тесно связаны с его телесным опытом. Нежность, удовлетворённость, дремота дают чувство нужности и безопасности, то есть необходимую основу для нормального социального поведения и ощущения безопасности в мире, а также для первого и самого важного подтверждения независимого существования ребёнка. Инстинкт самосохранения, выражающийся в стремлении питаться, это самый основной инстинкт из всех; проявляется он, разумеется, через тело и представляет телесный опыт. У человека он неразрывно связан с матерью, и это формирует неразделимость аутоморфизма и отношений с «ты», характерную для ранних стадий развития.

Изначально на развитие независимой личности ребёнка направляется большой поток либидо — это заложено в самой природе аутоморфизма. Когда эго обретает независимость, оно также ориентируется на это развитие, и это не следует считать инфантильной, а уж тем более патологической тенденцией. Баланс, характерный для нормальной первичной взаимосвязи, до того, как ядро эго и его части соединятся в одно целое, уже содержит в себе, хотя и неявно, то продуктивное напряжение между «я» и «ты», из которого развивается здоровая личность.

Ранее¹ мы уже говорили о важности телесной самости и метаболического символизма уроборической фазы для примитивной психологии, для мифологии и обрядов, и отмечали, что эта филогенетическая фаза имеет онтогенетическое соответствие в раннем детстве человека. Телесная самость, целостное биопсихическое единство, — это регулирующая власть, руководящая в соответствии с интересами целостности. Она отвечает, практически в одиночку, за направление биопсихического развития ребёнка, включая прохождение им архетипически обусловленных фаз. Как мы уже знаем, на ранней стадии мать как воплощённая внешняя самость дополняет телесную самость ребёнка. В унитарной реальности первичной взаимосвязи они ещё не отделены друг от друга.

---

¹ В «Происхождении и развитии сознания».

Одна из основных трудностей развития ребёнка состоит в том, что в уникальном, индивидуальном теле ребёнка это должно постепенно занять своё место. Этот процесс, идущий рука об руку с развитием детского эго, объясняет, почему так важен любой телесный опыт на ранней стадии развития.

Параллельно с этим процессом происходит перемещение самости от матери к личности ребёнка — с окончанием этого развития ребёнок входит в первую стадию автономии; именно после этого образования унитарной самости можно считать ребёнка по-настоящему родившимся². При первичной взаимосвязи опыт детской личности в основном, хотя и не полностью, относится к уровню тела, а точнее, двух тел: матери и ребёнка. Поэтому средоточиями опыта являются основные функции тела: дыхание, крик, глотание, мочеиспускание и испражнение как активные действия, а также пассивные ощущения согревания, заботы, умывания, купания. Поверхность тела с его эрогенными зонами — это основной источник детского опыта себя и окружающих; младенец ощущает всё, так сказать, на собственной шкуре. Кожа, посредством которой ребёнок вступает в контакт с окружающим миром, — это поле его опыта мира, а пищеварительный тракт, от орального «входа» до анально-уретрального «выхода», является полем опыта внутреннего. Эти пограничные зоны, где происходит обмен между внешним и внутренним, крайне активны, и ребёнок начинает осознавать их в первую очередь. На фоне общего ощущения тела и удовольствия от поглощения пищи, которое удовлетворяет основное пищевое влечение и даёт ощущение наполненности, сравнимое с «пищевым оргазмом», постепенно выделяются отдельные зоны тела как точки концентрации опыта.

Поскольку в первой фазе развития ребёнка преобладает инстинкт самосохранения и стремление к саморазвитию, акцент здесь смещён на символизм питания, поскольку еда не просто даёт телу полезные вещества для роста, но и означает жизнь, радость жизни, силу жизни. Материнское молоко, таким

---

² Отметим, что проблемы с перемещением самости в тело ребёнка могут позднее стать причиной развития шизофрении.

образом, — это нечто намного большее, нежели просто пища. Это символ дружелюбного мира и архетипа Великой Хорошей матери (что для младенца одно и то же). Этот архетип воплощает сущность позитивного дуального единства; это питание, утоление жажды, безопасность, тепло, защита, удовольствие, спасение от одиночества, устранение боли и дискомфорта, возможность отдыха и сна, ощущение себя в мире и в жизни как дома.

Особенно выделяя оральную и анальную зоны, Фрейд отмечал важность пищеварительного тракта, его входного и выходного отверстий. Однако он ограничил эту теорию эрогенными зонами и считал желания, связанные с этими зонами, предварительной стадией сексуального развития; этот подход оказался ошибочным. Лишь при условии понимания связи между биопсихическим развитием человека и соответствующим символизмом можно разобраться в связях между архетипически обусловленной фазой с одной стороны и развитием эго и самости — с другой.

«Молоко», конечно же, относится к оральной сфере, но здесь оральное символизирует вообще любой обмен с окружающим миром. Рот обладает космическим и социальным смыслом, выходящим за границы конкретного, материального значения эрогенной слизистой оболочки. Как и всё тело, а в особенности уже выделенные нами зоны, рот на этой стадии — и в большой степени на более поздних стадиях — составляет психологическое единство. Это часть символического мира и символического восприятия мира. Не случайно поцелуй как выражение определённой ситуации между двумя людьми — нечто большее, нежели просто стимуляция слизистой рта. Решающим фактором здесь остаётся базовый символический опыт выхода наружу, в мир, к «ты» — и связь с «ты».

Принятие пищи, дыхание и речь также напрямую связаны со ртом. Оральные действия — это не только сосание и облизывание, но и разговор, пение. Следовательно, если нечто называют оральным, речь идёт не о выражении инфантильного состояния либидо, как привыкли считать психоаналитики, а о проявлении важнейшего архетипического символического мира. Конечно, в младенце этот мир лишь начинает зарождаться и тесно связан с его существованием; однако на протяжении всего человеческого

существования он сохраняет, как в духовной, так и в психической области, огромное символическое значение, которое нельзя свести просто к инфантильному состоянию.

Говоря о пищеварительном уроборосе, мы подразумеваем, что для младенца весь человеческий опыт проявляется на базовом уровне пищевого влечения и символизма. Ещё раз подчеркнём: пища, принятие пищи — как вновь и вновь показывает символизм мифов, языка, снов и сказок, — означают способ интерпретации мира и интеграции в него человека.

Как мы уже знаем, ребёнок, лишённый первичной взаимосвязи с матерью, заболевает — не физически, а психически. Болезнь проявляется в постепенном угасании его интереса к жизни, и её нельзя вылечить просто кормлением — необходимо восстановить первичную взаимосвязь, чтобы малыш получил полноценное «питание». Таким образом, когда мы говорим о символическом и всеобъемлющем «теле» первичной взаимосвязи, мы пытаемся, как можем, описать изначальное единство внутреннего и внешнего, ту реальность, в которой живёт человек на ранней стадии развития (как онтогенетической, так и филогенетической). Именно наше поляризующее сознание впервые пытается — зачастую не совсем адекватно — разделить унитарную реальность на физическую и психическую, на реальные и абстрактные элементы.

Для эго ребёнка, которое поначалу просыпается лишь время от времени и, под действием мощных потоков либидо, медленно выходит из оцепенения, реальность поначалу существует лишь в виде отдельных фрагментов. Эти фрагменты реальности нуждаются в сервёзной «зарядке», поскольку именно этот заряд позволяет эго воспринимать их. На этой ранней стадии выделяются эрогенные зоны, открытые Фрейдом; их можно также назвать гносеогенными, поскольку они отвечают не только за удовольствие, но и за познание реальности³. Лишь рассматривая этот феномен в свете человеческой ситуации как целого, мы можем прийти к правильному пониманию развития ребёнка. В мифах, ритуалах и языке, который сохранил свой

---

³ К. Г. Юнг, «Психические конфликты у ребёнка».

символический характер до наших дней, самое раннее познание мира выражается через символизм тела. Воспринять = съесть, принять в себя; понять = переварить, ассимилировать; отвергнуть = исторгнуть. Можно привести ещё множество примеров телесного символизма, описывающих первоначальное познание мира человеком⁴.

Самое первое познание мира и начало развития эго, в теле и его посредством, происходит в условиях неразрывного единения с матерью — не только с её телом, обеспечивающим тепло, питание и защиту, но и с бессознательной любовью ребёнка к матери и с сознательной и бессознательной любовью матери к ребёнку и его телу. Поскольку на ранней стадии человеческого развития любовь и знание, развитие эго и отношения с «ты» тесно переплетены, первичная связь с матерью и в этом отношении имеет решающее значение. Резкий разрыв этой связи может привести к идиотии ребёнка⁵, тогда как нормальная, позитивная связь обеспечивает основу — не единственную, конечно, — открытости миру, необходимой для последующего интеллектуального развития ребёнка. Вот ещё одна причина того, почему «Великая мать» в позитивном аспекте — не только та, кто дарит жизнь и любовь; в высшем проявлении это София, богиня знания и мудрости⁶.

На этой стадии весь психологический процесс протекает в пределах первичной взаимосвязи и стимулируется матерью как самостью. При нормальном развитии на этом этапе ещё не существует разделения на позитивный полюс головы и негативный, подозрительный и порой даже отвергаемый нижний полюс, включающий анальные, уретральные и позднее генитальные процессы. Пока что все биопсихические процессы, как приятное сосание, так и опорожнение кишечника, — всё это «любовь»; вся телесная самость с её эрогенными и гносеогенными функциями служит для ребёнка живым источником удовольствия и развития.

---

⁴ См. «Происхождение и развитие сознания».

⁵ Джон Боулби, «Материнская забота и психическое здоровье».

⁶ Эрих Нойманн, «Великая мать».

В этой уроборической фазе опыт тела обладает полнотой, которая позднее будет утеряна безвозвратно, поскольку восприимчивость, продуктивность и пассивность, мужественность и женственность переживаются на обоих полюсах тела и связаны с систолой и диастолой, с поглощением и выделением. Здесь главную роль играет оральный полюс — голова, хотя анальный полюс для ребёнка ничуть не менее важен. Унитарная реальность управляется дыханием как связующим звеном между внутренним и внешним, а также первым самоочевидным движением интроверсии и экстраверсии. Второй фактор — крик, подготовка к речи, поскольку именно с помощью крика эго получает опыт окружения, облегчающий дискомфорт. При всасывании и глотании пищи внутренний мир — который, однако, не считается чем-то отдельным, — становится тёплым, приятным, наполненным, так что здесь экстраверсия снова связана с интроверсией, которую в самом полном смысле слова можно назвать удовлетворением.

Как нам стало известно после теории Фрейда, противоположный, анальный полюс также имеет огромное значение. Однако здесь напряжение и расслабление переживаются не только как дискомфорт и удовольствие. Первые ощущения усилия, завершения, создания для ребёнка связаны с актом дефекации, которому матери в нашей культуре уделяют большое внимание, что даёт позитивный источник стимуляции. Хотя матери не так давно начали придавать столь большое значение естественным отправлениям младенцев — и это в большой степени заслуга наших современных познаний в области детского метаболизма, — нежная забота о малыше и, как следствие, усиление анальной стимуляции, несомненно, существовали с начала появления человечества.

Однако анальный полюс также отвечает за созидание. «Выразить свой внутренний мир» на телесном уровне — значит что-то выпустить из себя, создать нечто материальное, кусочек мира. Далее мы ещё поговорим о связи между самовыражением и рождением ребёнка. Связь между творцом и его творением на этой стадии присутствует точно так же, как и позднее, когда связь между выражением и телесной совокупностью будет отражена и на других уровнях.

Эрнст Кассирер объяснил, как примитивный человек получает опыт времени и пространства с помощью положения тела, и поместил развитие речи — у человечества в целом и у ребёнка — в тот же контекст, то есть в зависимость от основного опыта тела, или от того, что мы называем телесной самостью. Кассирер пишет:

«Словно все мысленные и идеальные отношения постижимы для языкового сознания лишь через проекцию на пространство, через аналогическое „отображение“ на нем этих отношений. <...> Уже в первых словах детской речи, в детском лепете четко различаются сочетания звуков с „центрипетальной“ тенденцией и звуков с „центрифугальной“ тенденцией. Звуки m и так же ясно обнаруживают указание на движение внутрь, как разряжающие свою энергию вовне взрывные звуки p и b, t и d свидетельствуют об обратном устремлении. В одном случае звук выражает стремление указать возвратным движением на сам субъект, в то время в другом звук содержит соотнесенность с „внешним миром“, указание на нечто внешнее, дальше, на движение прочь от себя. Если в одном случае звук соответствует жестам, отражающим желание схватить, охватить, привлечь к себе, то во втором — жестам указания и отталкивания. Это изначальное различие объясняет удивительное единообразие первых „слов“ детского языка по всей земле. И если попытаться проследить истоки и наиболее ранний звуковой облик указательных частиц и местоимений различных языков, то одни и те же сочетания звуков обнаруживаются в одинаковой или сходной функции»⁷.

Пиаже также указывает, что опыт мира для ребёнка начинается с тела и телесного символизма.

Нам очень тяжело понять мир ребёнка, а в особенности младенца, именно потому, что его первичная унитарная

---

⁷ Эрнст Кассирер, «Философия символических форм».

реальность столь радикально отличается от нашего поляризованного мира сознания. Мы уже говорили о том, что примитивный человек приравнивает окружающий мир к телу⁸, и на этой стадии женское тело, тело матери, является мировым телом. Пребывание «в мире» изначально переживается как пребывание «внутри чего-то», в лоне Великой матери — и до сих пор мы пользуемся выражением «на лоне природы».

Первичная унитарная реальность не просто предшествует нашему опыту — она остаётся основой этого опыта даже после того, как наше сознание приобретает независимость и начинает формировать свою объективно-научную картину мира.

Мы часто подчеркивали необходимость развития сознания; но мы также указывали, что сознательный опыт, с его неизбежным делением на субъективное и объективное, — это опыт лишь ограниченного сегмента реальности. Другими словами, с помощью нашего ясного сознательного видения мы воспринимаем меньшую часть реальности, нежели та, что доступна психической целостности, которая получает опыт унитарной реальности⁹. Так называемому овеществлению сознания неизбежно сопутствует потеря эмоций и либидо, в результате чего мы можем воспринимать лишь мёртвые фрагменты, оторванные от живого целого¹⁰.

Но ребёнок живёт в мире унитарной реальности, ещё не разделённом сознанием на противоположности. Даже после того, как он появился на свет и его самость переместилась из матери в его собственную телесную самость, он получает опыт мира в рамках и посредством первичной взаимосвязи с матерью. «Он чувствует, — пишет Пиаже, — что вся вселенная подчинена ему и находится „в общности“ с ним»¹¹. Между самостью младенца и окружающим миром устанавливается поистине магическая идентичность, *participation mystique*. Самость ребёнка проявляется в форме телесной

---

⁸ «Великая мать».

⁹ Эрих Нойманн, «Психе и трансформация планов реальности».

¹⁰ «Происхождение и развитие сознания».

¹¹ Жан Пиаже, «Детское представление о мире».

самости как биопсихической целостности, а мир ощущается как единое целое с самим ребёнком.

Для ребёнка, как и для первобытного человека, всё, что наше сознание рассматривает как свойство или функцию, является материальным объектом, веществом, воплощением. Пиаже пишет, что ребёнок «оплодотворяет реальность, и мысль он воспринимает так, как если бы она принадлежала к категории физических, материальных объектов». Только с пониманием этого равенства «тело-мир-природа» и его естественной связи с первичной взаимосвязью становится возможен истинный, а не упрощённый подход к психе ребёнка и примитивного человека.

Изначально мир — это всегда материнский мир, начиная с того момента, когда весь мир ребёнка — тело матери. Мелани Кляйн пишет о детском мире: «внутри материнского тела находится множество вещей»; и об отношении ребёнка к материнской утробе: «Эта часть становится воплощением всей личности как объекта и символизирует одновременно внешний мир и реальность»¹². Речь идёт опять же о равенстве «тело-сосуд-мир», о котором мы уже говорили.

Ошибка Мелани Кляйн, искажившая многие её открытия и заключения, состоит в том, что она принимает конкретистический взгляд на символически-мифологический мир ребёнка и раннего человечества. Конечно же, ребёнок считает свой мир реальным; и тем не менее это символический мир. Поэтому высказывания ребёнка следует всегда воспринимать как символические, а не толковать рационалистически с позиции взрослого сознания¹³. Когда, к примеру, ребёнок выражает желание обладать чем-либо, интроецировать объект в свой внутренний мир, в форме желания съесть, проглотить этот объект, не стоит интерпретировать это как агрессивный садизм. Ребёнок не хочет съесть мать — даже если говорит именно так — он хочет «съесть», то есть принять

---

¹² Мелани Кляйн, «Детский психоанализ».

¹³ Такая интерпретация верна лишь в том случае, если ребёнок не может завершить эту стадию в том возрасте, когда уже должен бы обладать рациональным сознанием.

в себя, понять мир, который на этой стадии ещё не отделён от матери¹⁴.

Символизм первого опыта мира берёт начало в основном в пищевом влечении; он досексуален, догенитален. На этой стадии практически всё выражается при помощи пищеварительного символизма, то есть в оральных и анальных терминах.

Мы уже говорили, что детская психе постигает мир мифологически, категориями, известными нам из мифов. Детский и мифологический взгляды на мир очень схожи, едва ли не идентичны¹⁵, и это сходство особенно заметно в концепциях творения, создания, рождения.

В дальнейшем символизм пищевого влечения сексуализируется; и вот тут-то появляются противоположности. Поскольку проникновение внутрь тела, исчезновение в нём расценивается как поедание, половой акт ребёнок может интерпретировать следующим образом: отец кормит мать, мать поедает его пенис. Подобные толкования, характерные для языка пищеварительного уробороса и совершенно нормальные для этой ранней стадии развития, могут привести к неврозам и психозам: например, к тревожному неврозу, основанному на страхе того, что пенис пациента будет откушен вагиной. К тому же самому уровню пищевого символизма принадлежат и детские (и первобытные) представления о зачатии как о поедании и деторождении как дефекации.

Мы ещё вернёмся к анальному символизму и его связи со смертью, а впоследствии ещё и с грехом. Акцент на тесной позитивной связи между анальной сферой и землёй с её плодородием — основа всех ритуалов перерождения и некоторых

---

¹⁴ Эта изначальная идентификация мира и матери проявляется позднее в детском «магическом» восприятии мира — которое также вырастает из первичной взаимосвязи. Лишь постепенно ребёнок учится отличать практически постоянную реакцию матери на свой «магический» плач (а именно мать представляет для него мир) от гораздо более сомнительной компенсации внешнего мира, который почему-то не спешит сломя голову устранять дискомфорт ребёнка.

¹⁵ Graver, Gustav Hans, Zeugung, Geburt und Tod. Ein psychoanalytischer Vergleich. Bern, Humber, 1930.

ритуалов плодородия. Здесь мы сталкиваемся с основным законом, согласно которому в психическом развитии личное почти всегда рождается из трансперсонального и понимается в терминах его символизма. «Земля не подражает женщине, — пишет Платон, — напротив, женщина подражает земле». Эти слова применимы и к первичной связи между фекалиями и почвой. Как показал Адольф Йенсен, в некоторых матриархальных сельскохозяйственных культах господствует вера в то, что самопожертвование и смерть бога обеспечивает плодородие растений¹⁶. Ядро связи между жизнью и смертью — символизм тьмы, распада, земли, нижнего мира как источника жизни. Разлагаясь, тело «становится землёй», и из этой земли рождаются новые растения — источник пищи. Великолепный символ этой ситуации (изначально выраженный в образе женщины-земли) — тело убитого Осириса, Зелёного бога, из тела которого прорастают колосья. Позднее, в особенности в патриархальном мире, акцент смещается на хлеб, дающий жизнь, связанный с солнцем и золотой пшеницей, но изначально главенство принадлежало тьме, области плодородной земли и матери. В алхимии миф о плодородии снова повторяется в трансмутации через гниение к зелёному цветку и затем к золоту. Человеческое тело также нуминозно: для примитивного человека и маленького ребёнка испражнения, появляющиеся из внутренней тьмы, связаны с символизмом плодородия.

В психе ребёнка, при условии, что нижний полюс не подвергается негативной оценке, верхний и нижний полюс тела равноценны, и эта ситуация характерна для первой фазы первичной взаимосвязи. На этой стадии акцент смещён к хтонически-матриархальным символам и мистериям, а не к небесному патриархальному миру, соответствующему акцентуации (и даже чрезмерной) сознания, которое в следующей фазе будет преобладать.

Каждое ощущение уже само по себе составляет целый мир. Двигательная система выходит за рамки тела и создаёт целый мир технологии, который представляет собой не что иное,

---

¹⁶ Адольф Йенсен (Adolf Jensen), «Hainuwele» и «Das Religiöse Weltbild einer frühen Kultur».

как продолжение первого изобретения — палки, с помощью которой обезьяна «удлинила» свою руку. Точно так же оральный и анальный миры — это точки концентрации всего телесного мира на самой ранней стадии развития. Удовольствие, получаемое на этой стадии, совершенно правильно называется «пищеварительным оргазмом», поскольку это внутреннее удовольствие всего пищеварительного тракта — от рта до ануса. Из этого опыта выделяется сытость — удовлетворение как таковое, и голод — желание как таковое, поскольку постоянно работает связь с материнским архетипом с его эмоциональными, аутоморфными и социальными смыслами. Когда мы говорим о психическом или духовном голоде, мы возвращаемся к той ранней стадии, когда голод ещё един, поскольку тело, душа и дух ещё едины, и все стороны жизни, которые позднее разделятся, пока ещё скрыты в свёрнутых лепестках бутона пищеварительного символа.

Не будет ни преувеличением, ни материалистической конкретизацией сказать, что «молоко» Великой матери включает в себя высший символ, «молоко Софии», пищу философов¹⁷; это утверждение просто выражает символическую реальность, истинную для всех уровней жизни: все живые существа питаются молоком Великой матери жизни, без изобилия которой всё живое обречено зачахнуть. Поскольку поглощение пищи, переваривание и испражнение — основные алхимические условия развития ребёнка и любой его трансформации, сосание и глотание на этой догенитальной стадии превращаются в зачатие, а дефекация — в рождение. Поэтому символизм пищеварительного уробороса лингвистически распространяется на высшие уровни духовной жизни. Понятия ассимиляции, переваривания и отторжения, роста и рождения, как и прочие бесчисленные символы этой зоны, являются неотъемлемой частью любого описания процесса творения и трансформации.

Эта функция тела, крайне важная для первичной взаимосвязи и развития ребёнка, проходит через определённые фазы, характерные для человечества в целом. На самой ранней,

---

¹⁷ «Великая мать».

уроборической, догенитальной стадии преобладает пищевое влечение и его символизм. Истинное сексуальное и генитальное развитие поначалу также включено в этот пищеварительный символизм. По этой причине мы не даём этой стадии имя детской сексуальности, поскольку здесь преобладает совершенно иной символизм, возникающий из другого влечения — пищевого. Как и все остальные, эта фаза всеобъемлюща: она выражает всё в терминах собственного символизма. Когда позднее на первый план выйдут половые органы и господство перейдёт к сексуальному влечению, появится и сексуальный символизм, который, в свою очередь, начнёт воспринимать и истолковывать всё окружающее со своей точки зрения, то есть сексуализировать.

Эта более поздняя фаза не развивается из более ранней. Сексуальность — это не видоизменённое пищевое влечение, и пищевое влечение никоим образом не является первой стадией сексуальности. Для переходных состояний характерно следующее явление: вторая, в данном случае сексуальная, фаза поначалу воспринимается через символизм первой, то есть, в нашем случае, пищеварительной фазы. Точно так же недопустимо толковать первую, оральную фазу как садистскую. Человек, откусывающий кусок пиццы, садист не более, нежели этнологический каннибал. Это касается и того факта, что на поздней, сексуальной стадии развития ребёнка содержание и функции пищеварительной стадии сексуализируются. Еда как поглощение, принятие в себя никак не связана с кастрацией, и образ плохой или хорошей матери, плохой или хорошей груди не возникает из проекции позитивных или агрессивных чувств ребёнка на мать, но является выражением объективной ситуации, не связанной с детской агрессией или садизмом; эти явления всегда имеют вторичное происхождение, являясь функциональным выражением страдающего эго.

Когда Мелани Кляйн пишет: «Таким образом, тело матери — нечто вроде кладовой, где хранится исполнение всех желаний и лекарство от всех страхов»¹⁸, она описывает реально существующий элемент первичной ситуации, а не детскую

---

¹⁸ Мелани Кляйн, «Детский психоанализ».

проекцию. Точно так же образ негативной матери — вторичный тревожный образ опасной стрессовой ситуации, сложившейся в результате неудовлетворительной первичной взаимосвязи, а не проекция детской агрессии.

Только с пониманием того, как протекает развитие на разных стадиях и чем отличается их символизм, мы можем прийти к определённом толкованию нормальных и ненормальных психических проявлений у ребёнка и у взрослого. В фазе унитарной реальности младенец уже постепенно начинает отличать себя от внешнего мира и принимать элементы космоса обратно в себя; естественно, что раннее осознание отдельной личности начинается с ощущения кожи, отделяющей тело от окружающей среды. Однако не только связь ребёнка с матерью, но и его растущая независимость моделируются первичной взаимосвязью. Постоянно возобновляющийся контакт с телом матери постепенно заставляет эго-комплекс осознать существование телесной самости.

Моторные функции человека развиваются постепенно, и так же постепенно полюс головы, обиталище всех чувств и, следовательно, обиталище эго, утверждает своё господство над телом. В нормальной ситуации, за исключением болей при недомоганиях, ощущения от туловища слабее — именно поэтому малыши часто рисуют созданий, состоящих только из головы и ног — тогда как вход и выход пищеварительного тракта чётко ощущаются с самого начала.

Необходимое условие развития детского эго — фигура матери как архетипической Великой матери, дающей не только удовольствие, но и укрытие, ощущение безопасности. Поначалу эго дремлет, пробуждаясь лишь отдельными импульсами, которые постепенно становятся всё более частыми, активными и независимыми по мере отделения ребёнка от матери. В нём идёт процесс интеграции, возможность которого обеспечивает мать, и она же служит примером для нового эго.

Основной опыт этой фазы — ощущение безопасности. Эго абсолютно уверено в себе. Первый поляризующий опыт — например, внешнего и внутреннего или удовольствия и дискомфорта — компенсируется матерью. Таким образом, даже вызвавшие дискомфорт напряжения спокойно переносятся и интегрируются благодаря уверенности — конечно же,

бессознательной, не воспринимаемой эго, — что страдания будут облегчены. Ибо только в редких случаях архетипическая мать не может или не желает успокоить ребёнка, устранить его напряжение и беспокойство.

Все активные и пассивные функции тела встроены в эту ситуацию защищённости, характерную для первичной взаимосвязи, и находятся под присмотром матери. Они сопровождаются не только биопсихическим удовольствием напряжения и расслабления, но и, по крайней мере в нашей культуре (а только её мы здесь и рассматриваем), материнской нежностью: мать как мир и самость обеспечивает внешнюю и внутреннюю безопасность, тем самым закрепляя эти функции.

Однако преобладание чувства безопасности и уверенности проявляется не только в приятном ощущении тела, необходимым для нормального развития целостной личности; оно имеет и другие важные последствия. Например, спокойный и безбоязненный переход от бодрствования ко сну, при котором эго с естественным доверием, основой оси «эго — самость» как у детей, так и у взрослых, прекращает свою деятельность и передаёт управление самости. Даже в состоянии «небытия» эго «дремлет» в безопасной целостности самости и, хотя эго об этом не задумывается, это одно из необходимых условий его существования. Поэтому проблемы со сном (не только у детей) зачастую выражают глубоко спрятанную тревогу, происходящую из нарушения связи между эго и самостью, и недостаток бессознательного чувства безопасности — одного из важнейших условий здоровья.

Первичная взаимосвязь с матерью и нахождение ребёнка «внутри» матери — это основа взаимодействия ребёнка не только с собственным телом, но и с другими людьми. На этой стадии отношения с «ты» пока отсутствуют, поскольку в унитарной реальности ещё не проведена граница между матерью и ребёнком, и они существуют как два полюса единого целого. Итак, это изначальное чувство безопасности — основа эмоциональной связанности, необходимой для любых социальных контактов.

Значение тела в первичной взаимосвязи, как основа всех будущих социальных отношений, выходит далеко за рамки

человеческой сферы. Адольф Портман указывает¹⁹, что базовые функции тела у животных создают основу для социальных взаимоотношений. Органы дыхания превращаются в голосовые органы, тёплая шкура или перья — а на более ранней стадии окраска у рыб — по совместительству выражает настроение животного; моча, испражнения и секреты сальных желез несут важную информацию другим животным. И это не говоря уже о специфических социальных органах, которые служат для направления перемещений группы.

Безопасность первичной взаимосвязи с матерью — первый и наиболее содержательный социальный контекст ребёнка. Он особенно важен на стадии, когда, с консолидацией эго, самость, до этого воплощённая в матери, начинает постепенно возвращаться в ребёнка. Теперь защищённость внутри матери уже не является защищённостью внутри самости, как это было в начале; появляется также «ты» и общество, представляемое этим «ты». Доверие к матери аналогично доверию к обществу, которое она представляет. Общество здесь — это материнский, безопасный мир, и адаптация к матери, к её воспитанию, её приказам и запретам протекает в эмоциональной соностройке с её любовью и чувством безопасности, которое она дарит. Эта базовая матриархальная ситуация является определяющей, независимо от того, принимаем ли мы вместе с Брифолтом²⁰ гипотезу, согласно которой человек развился в особый вид (*Homo sapiens*) в матриархальной семейной группе матери и ребёнка (это не противоречит тому, что нам известно о первобытной семье).

Именно первичная взаимосвязь гораздо нагляднее, нежели любое дальнейшее развитие, демонстрирует, что существование человека неразрывно связано с обществом, поскольку на этой первой стадии общество для ребёнка воплощает мать. Портман пишет о животных: «Влечение к существам своего вида предшествует любой тенденции отвернуться от них; одиночное существование — разрыв

---

¹⁹ Portmann, Adolf, «Das Tier als soziales Wesen».

²⁰ Роберт Брифолт, «Матери».

естественных связей²¹. Несомненно, это верно и в случае человека. Ребёнок подготовлен к жизни в обществе, поскольку обладает основной способностью к эротическим отношениям в самом широком смысле слова; и эта его подготовленность берёт начало в ощущении безопасности в первичной взаимосвязи, которое является основой ощущения себя «дома» внутри социальной группы.

Дальнейшие отношения ребёнка с матерью, основа всех последующих близких отношений и вообще любых взаимодействий с людьми, полностью зависят от первичной взаимосвязи. Только не вызывающее сомнений чувство безопасности под защитой материнской любви позволяет растущему ребёнку терпеть неприятное напряжение в процессе дифференциации и сокращение детского аутоморфизма, которое неизбежно происходит при вступлении в общество и в мир. Только имея опыт того, что дискомфорт компенсируется, умиротворяется вмешательством Хорошей матери, ребёнок получает столь необходимую человеку и столь характерную для него способность: терпеть длительное неприятное напряжение и развивать эго так, чтобы оно выдерживало это напряжение, принимая условия общества. Руководствуясь одним лишь инстинктом, человек стремился бы избежать дискомфорта или, по крайней мере, максимально сократить его. Итак, ненависть не является основой развития человека как социального существа — как бы там ни полагали психоаналитики, которым не удалось увидеть позитивный характер первичной матриархальной взаимосвязи. Настоящая основа — это защищённость. Не тревога и потеря любви, а позитивная взаимосвязь с матерью, в которой господствуют эмоциональная уверенность, чувство безопасности и любовь²². Только через опыт уверенности, безопасности ребёнок получает возможность выдерживать дискомфорт, когда того требуют социальные взаимодействия — другими словами, приносить эротико-социальные жертвы.

---

²¹ Portmann.

²² Далее мы ещё рассмотрим социальные последствия нарушения первичной взаимосвязи и отклонений в развитии эго.

Негативная первичная взаимосвязь, для которой характерна потеря любви и соответствующая тревога, вызывает агрессию. Это наихудшая возможная основа для дальнейшего поведения в обществе. В подобных случаях сильный акцент на совести может помочь развить нравственное поведение, но более глубокий психологический анализ показывает, что любое развитие социального поведения при помощи совести опасно. Ранний опыт искренней любви, напротив, создаёт психическую структуру, способную любить и, следовательно, развивать свои компоненты, отвечающие за отношения с обществом.

Первичная взаимосвязь определяет не только отношения ребёнка с «ты», с обществом, но и его отношения с самим собой. Поскольку в уроборической фазе самость воплощена в матери и, хорошо это или плохо, ребёнок полностью зависит от неё, позитивная жизненная ситуация находит отражение в бессознательном, символическом и мифологическом восприятии ребёнка. Это выражается в любви и привязанности к Хорошей матери, тогда как негативная ситуация влечёт за собой осуждение, неприятие Ужасной матери. Мы уже подчёркивали этот момент, когда говорили об отношении матери к телу ребёнка. Но поскольку тело ребёнка идентично его телесной самости, принятие тела, которое на этой стадии является фактически единственной площадкой, где разыгрываются все события новой жизни, становится и принятием самого ребёнка.

Опыт этой фазы отражён в мифологических образах, которые всегда выражают цельную психе, а не отдельные аспекты сознания. На следующих фазах детского развития эта символическая реальность становится очевидной; в начале развития человека (и человечества) на её существование лишь намекают определённые признаки.

Самоутверждение, положительное отношение к себе, к своей личности, не является врождённым — хотя, по-видимому, определённые формирующие факторы, как позитивные, так и негативные, здесь имеют своё влияние, — а развивается в рамках первичной взаимосвязи, межличностной в самом глубоком смысле слова.

В старой терминологии все положительные чувства, направленные на себя, — самоутверждение, уверенность в себе и так далее, — то есть все аутоморфные отношения, не зависящие

напрямую от «ты», назывались нарциссическими. И, несмотря на все попытки смягчить это впечатление, этот термин неизменно несёт оттенок самолюбования, самообожания. Истинное понимание особенностей человеческого существования возможно только при осознании прочной диалектической связи между отношениями с «ты» и аутоморфизмом, которая делает личность уникальной и позволяет человеку ощущать рост своей индивидуальности как истинный смысл своего существования. Значимость творческого человека для общества в целом показывает, что существует диалектическая связь между необходимостью в собственном аутоморфном развитии и способностью играть плодотворную роль в жизни коллектива²³. С другой стороны, если человек адаптируется к коллективу, не считаясь с собственными нуждами, это не только приводит к его кастрации, но и угрожает обществу. Такая безоговорочная адаптация к коллективу превращает человека в частичку общей массы и делает его добычей любого массового психоза, чему имеется множество подтверждений в истории человечества²⁴.

Основа аутоморфного сознания — прочная ось «эго — самость», изначально бессознательный опыт гармонии индивидуального эго с совокупностью его природы, с его структурой или, в позднем анализе, с самостью. Но в первичной взаимосвязи этот опыт принимает форму гармонии с матерью. Самоуверенность, недостаток которой проявляется при всех невротических и многих психотических расстройствах, практически полностью зависит от первичной взаимосвязи с матерью — и здесь мы снова сталкиваемся с тесным переплетением аутоморфизма и социальных отношений.

Нормальная, позитивная первичная взаимосвязь, с одной стороны, даёт чувство уверенности, доверия к человеческому окружению и к собственному телу, а с другой — безусловное доверие к самости. Это доверие необходимо для стабильности оси «эго — самость», которая служит «спинным мозгом» индивидуального аутоморфизма, а позднее — стабильного

---

²³ Эрих Нойманн, «Искусство и время».

²⁴ «Происхождение и развитие сознания», Приложения 1 и 2.

эго и эго-сознания. Отметим, что стабильное, прочное эго не следует путать с жёстким, ригидным эго — это явление мы рассмотрим подробнее в дальнейшем. Уверенное в своей безопасности эго не боится довериться самости — например, во сне, в творческом процессе или при опасности. Жёсткое эго, с другой стороны — именно непрочное эго, которое в тревоге цепляется за своё место.

Развитие отношений между эго и «ты», между эго и телом и, наконец, между эго и самостью (в первичной взаимосвязи эти компоненты неразрывно связаны) — один из важнейших процессов, составляющих развитие ребёнка. Здоровье человека, его успехи и неудачи в дальнейшей жизни в большой степени зависят от этого процесса. Не только развитие эго, но и вообще жизнеспособность личности изначально зависят от взаимоотношений эго и самости.

Идентичность со своей самостью идёт рука об руку с крепкой связью со своим телом, которая формируется в самом начале психического развития. Соответственно, отсутствие чувства защищённости сопровождается и чувством отчуждения от тела и самости, зачастую с раннего детства. Способность устанавливать контакт проявляется в позитивной связи «эго — самость»; её нормальное развитие базируется на конstellляции Эроса в первичной взаимосвязи. Здесь речь идёт о контакте в самом широком смысле слова — не только о контакте с людским окружением. Устанавливание контактов начинается с идентичности матери-мира-тела с собственным телом ребёнка. Из этого общего клубка постепенно выделяются контакт с матерью как с «ты» и контакт с собственным телом. Контакт с обществом и с миром в целом развивается на основе детского контакта с матерью, а контакт с телом и телесной самостью тесно связан с формированием прочной оси «эго — самость».

Итак, прочная связь с матерью позволяет личности ребёнка установить связь не только с той частью самости, которую мы называем телесной самостью, но и с той, которая поначалу находилась в матери. Как мы уже видели, формирование единой самости («истинное рождение» ребёнка) зависит от позитивного опыта первичной взаимосвязи в первый год жизни. Это нормальное человеческое, то есть архетипически обоснованное

развитие поддерживается Хорошей матерью и доверием к ней, которое развивается постепенно, по мере того, как ребёнок выходит из первоначальной идентичности с ней.

Развитие здорового эго, здоровой единой самости и здоровых отношений между ними зависит от характера первичной взаимосвязи. Эго парадоксальным образом воспринимает самость как нечто собственное и одновременно как чуждое, другое, и этот парадокс развивается из отношений эго с телесной самостью и с матерью как воплощением самости²⁵.

От позитивного контакта, обусловленного первичной взаимосвязью, зависит не только безопасность эго, но и его способность устанавливать контакт с самостью и бессознательным. Бессознательное также сталкивается с эго и сознанием как с «ты». Прочный контакт в первичной взаимосвязи обеспечивает возможность нормальных отношений с «ты» в любой форме (человеком, миром, телом, самостью и бессознательным). И, напротив, недостаток защищённости в первичной взаимосвязи подрывает контакт с «ты», в том числе и с бессознательным, одновременно принадлежащим ребёнку и чужим, другим миром и психической противоположностью.

Психическое развитие отнюдь не представляет собой переход от безобъектной или нарциссической фазы любви к себе к фазе любви к объекту (которая считается показателем психического созревания), как это полагают психоаналитики. Вернее будет сказать, что на пути от первичной взаимосвязи к зрелой способности любить аутоморфные процессы развития (с акцентом на независимое развитие индивидуальной личности) протекают параллельно с гетерономным развитием, где преобладает зависимость от «ты».

По этой причине аутоморфное развитие не следует смешивать с психологией эго. Ось «эго — самость» является центром комплекса параллельных и противоположных процессов,

---

²⁵ Мы не рискуем утверждать, что этот парадокс является результатом зарождения души. Мы считаем, что природа души отражается в её происхождении. Но, вероятно, можно сказать, что нарушения развития самости «проетекают» из человеческой ситуации первичной взаимосвязи.

которые протекают между направляющим центром (самостью) с одной стороны и сознанием (эго) с другой.

Психоаналитики недооценивают важность первичной взаимосвязи и вследствие этого не могут понять такой основной феномен человеческой психики, как любовь или творческий дух. Они отметают столь важную для развития связь ребёнка с матерью, пользуясь формулировками вроде «от заслуживающих доверия источников ожидается нарциссическое удовлетворение»²⁶ или, ещё одно упрощённое толкование, «внешние аффекты или, скорее, нарциссическое удовлетворение»²⁷.

Психоаналитикам недоступно понимание такого критически важного для развития человеческой личности явления, как любовь, поскольку в этой области неприменимы любые противопоставления идентификации и субъектно-объектной связи или «нарциссических и сексуальных потребностей». Даже когда психоаналитик довольно напыщенно, хотя и с показной скромностью, заявляет: «Природа идентификации на высшем уровне, которая и составляет любовь, до сих пор не выяснена»²⁸, он продолжает рассматривать любовь, особенно любовь женщины, с упрощённой точки зрения.

Только осознав, что в первичной взаимосвязи отношения с «ты», аутоморфная активность и приятное «пребывание вне себя» сплавлены воедино, можно понять, что есть любовь взрослого человека и почему идентификация её с материнской любовью, хотя и выглядит правдоподобно, является ошибочной. Именно потому, что уроборическая фаза развития ребёнка — идентификация, «растворение в океане», где нет границ между эго и не-эго, она и служит прототипом опыта любви.

Итак, возможность любви между полами берёт начало в первичной взаимосвязи или, если выразиться мифологически, Великая мать, матриархальный женский архетип, выступает в роли покровительницы всех влюблённых.

Ещё одна частая ошибка при рассмотрении этой ранней стадии развития — приписывать части дуального единства,

---

²⁶ Отто Фенихель, «Психоаналитическая теория неврозов».

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

предшествующей появлению эго, чувство всевластия и считать его основой магического отношения детского эго к миру. На самом деле до появления эго отсутствует какая-либо дифференциация, что точно соответствует «Адуализму» Сонди²⁹; в таких условиях говорить о какой-либо власти попросту невозможно. Понятие и ощущение власти может быть связано только с эго-комплексом и его производными, но ни в коем случае не относится к структуре личности, открытой опыту унитарной реальности.

О власти имеет смысл говорить лишь тогда, когда имеется эго, чей заряд либидо или воля достаточно сильны, чтобы желать власти и добиваться её. Эти условия отсутствуют в уроборической фазе, где не существует ни эго, ни субъекта, ни объекта. Поскольку эта фаза расценивалась как аутоэротическая в смысле безобъектной любви к себе, было вроде бы логичным решением охарактеризовать её как период первичного нарциссизма. Но на самом деле её можно описать только парадоксом, поскольку, пока не образовалось эго, невозможно применять термины субъектно-объектных отношений. Точно так же, если мы говорим о безобъектной любви к себе, мы должны в то же время говорить о бессубъектной универсальной любви и безобъектном и бессубъектном ощущении чьей-то любви. В благодном состоянии растворения до появления эго ребёнок не отличает друг от друга мир, мать и собственное тело.

Мы говорим об оси «эго — самость», поскольку психические процессы, протекающие между системами сознания и бессознательного и между соответствующими центрами эго и самости³⁰, таковы, что эти системы и центры то сближаются, то отдаляются друг от друга. Ось «эго — самость» возникает, когда эго выделяется как производная самости, когда оно отделяется от самости. Кульминация этого отдаления приходится на первую половину жизни, когда психе разделяется на сознание и бессознательное, а эго обретает выраженную независимость. В процессе индивидуации, характерном для второй половины

---

²⁹ Леопольд Сонди, «Experimentelle Triebdiagnostik».

³⁰ В данном случае тот факт, что самость — центр всей психе, а не бессознательного, не имеет значения.

жизни, эго и самость вновь сближаются. Однако в нормальной ситуации ось «эго — самость» постоянно находится в движении независимо от возрастных сдвигов психического центра тяжести, поскольку каждое изменение в сознании отражается на положении этой оси. Не только сны и фантазии, но и любой психический процесс вносит изменения во взаимоотношения между сознанием и бессознательным, эго и самостью.

Однако, передавая управление самости, эго не прекращает существование; оно всего лишь отстраняется, временно перестаёт ощущать себя. Это не означает, что вся личность перестаёт быть субъектом опыта — теперь субъектом становится вся совокупность личности, самость, а не производное от неё эго³¹.

Говоря об эго как о производном самости, мы подразумеваем, что самость существовала раньше, чем эго, и существовала независимо от него. Она появляется прежде, чем развиваются эго и сознание, и продолжает функционировать, когда — как во сне, к примеру, — они приостанавливают свою деятельность. Однако даже после того, как эго становится независимым, а сознание стабилизируется и систематизируется, они не являются ни неизменными, ни абсолютно необходимыми для биопсихической целостности. Ребёнок спокойно живёт без них, как и спящий или «отсутствующий» в результате психического расстройства или состояния экстаза взрослый. Возвращаясь после такого отсутствия в просыпающееся сознание, эго — потенциально — способно вынести какой-либо опыт из состояния, в котором «дремало», то есть не существовало для постороннего наблюдателя.

Возвращаясь из бессознательного состояния в сознание, эго может и не сохранить никаких воспоминаний, как бывает после сна «без сновидений» или гипнотического внушения. Также оно может обладать некими разрозненными воспоминаниями — тогда человек внезапно или постепенно вспоминает отрывки сна. И, наконец, эго может постепенно или практически сразу

---

³¹ Важность этой констелляции в понимании деперсонализации и некоторых парapsихологических явлений очевидна, но мы не будем сейчас на этом останавливаться.

вспомнить сон целиком, таким образом «поднимая» содержимое бессознательного на уровень сознания.

В любом случае, связь между эго и самостью, выраженная в понятии оси «эго — самость», позволяет эго через посредничество самости получать знания и опыт, оставившие отпечаток на целостной личности в то время, когда эго ещё не способно к восприятию — как у ребёнка — или уже не способно, как у спящего взрослого³².

Каждое посещение архетипического поля³³ приводит к *abaissement du niveau mental*, понижению ментального уровня, усилению феномена мистического соучастия, когда границы между субъектом и объектом размываются и унитарная реальность вытесняет нормальную реальность, установленную нашим сознанием. С каждым шагом эго по направлению к самости унитарная реальность проявляется всё сильнее; с каждым движением в обратном направлении она ослабевает.

Опыт унитарной реальности — не только детская первичная взаимосвязь с матерью, но и опыт религиозного экстаза — пока оставим в стороне «Великий опыт» искусства³⁴. Этот феномен становится ещё заметнее в тех религиях, где, как в дзен-буддизме³⁵, нет *unio mystica* с образом Бога, но мистический опыт открывает путь в изменённую реальность. Такой индивидуальный и коллективный опыт характерен не только для мистического, но и для творческого процесса, не говоря уже о том, что почти любой народ в истории человечества так или иначе пытался получить подобный опыт при помощи различных одурманивающих веществ, применявшихся в ритуалах. Основа такой психической констелляции — сдвиг оси «эго — самость»: эго приближается к самости, и нормальное эгоцентрическое сознание «засыпает».

Здесь крайне важно нормальное развитие и стабильность оси «эго — самость» и то, не было ли нарушений в упомянутом выше

---

³² То же касается впечатлений, которые раньше не достигали эго.

³³ Эрих Нойманн, «Психе и трансформация планов реальности».

³⁴ Эрих Нойманн, «Человек мистический».

³⁵ См. работы Дайсэцу Судзуки на эту тему.

развитии единой самости в детстве. Если всё было нормально, то сдвиг от эго к самости происходит внутри интегрированной психе, а эго и сознание, каждую ночь погружаясь в бездну, которую мы зовём бессознательным, утром возвращаются невредимыми. Несмотря на то, то формально сны крайне схожи с психозом, они не являются патологией; они состоят в важной компенсаторной связи с личностью и сознанием и способствуют психической целостности. Но если ось «эго — самость» ослаблена или повреждена — как, например, в случае нарушенного развития объединённой самости в детстве, — результатом будет не только нарушение развития эго и сознания, но и проблемы в отношениях между эго и самостью. Нарушенная первичная взаимосвязь и связанная с ней нестабильность оси «эго — самость» выражаются в негативной фигуре самости и чересчур развитом механизме защиты эго. В этом случае смещение в сторону самости может привести к распаду личности со всеми сопутствующими явлениями, характерными для психоза. Вместо затопления водами бессознательного, нормального при смещении эго к самости, происходит распад личности, разрушение её цельности, выраженное в образе Ужасной матери. Самость здесь не в состоянии выполнить свою обычную компенсаторную функцию. Одно из последствий такой ситуации состоит в том, что сны зачастую теряют свой компенсаторный, ориентированный на целостность характер.

Мы уже упоминали, что первичная взаимосвязь — онтогенетическая основа «бытия в мире». Но только сейчас становится очевидным истинное значение этих слов. Эмоциональная связь с матерью, которая, как мы видели, изначально является не только «ты» и самостью, но и миром ребёнка, позволяет развивающейся личности почувствовать себя в ясном и активном мире.

Как нам известно, у каждого живого существа есть множество окружений разных видов и размеров; то, что мы называем «мировой структурой», всегда зависит от конstellации психе, а в человеке в основном от конstellации оси «эго — самость». В зависимости от того, кто доминирует: эго или самость, поляризующая сила сознания или стремление самости к единству, на первый план выходят разные аспекты реальности. Но сам факт того, что мы воспринимаем *упорядоченную*

реальность — не застывшую композицию из несвязанных вещей, но ткань, в которой переплетаются нити субъективного и объективного, связанные между собой, определяется эротическим характером либидо, который впервые проявляет себя в первичной взаимосвязи.

В отличие от психоанализа, аналитическая психология занимает монистическую позицию. Её теория либидо не подразумевает противопоставления Эроса и Танатоса, а, напротив, считает либидо изначально единым, а его поляризацию — вторичным явлением. Либидо «охватывает» всё объективное и субъективное содержание и привязывает его либо к эго-центру, либо к совокупности личности (самости). Как в первичной взаимосвязи позитивная любовная привязка — это базовое явление, так и либидо служит основой любого жизненного опыта и любого расширения этого опыта. Лишь когда нарушение первичной взаимосвязи вызывает ослабление или полную потерю либидо, мы сталкиваемся с такими вторичными эффектами, как опыт страха и смерти, которые при позитивной первичной взаимосвязи сдерживаются самостью, матерью и детским эго, которое следует за ней.

Сравнивая либидо с «психическим интересом», Юнг проясняет и его характер связанности, и его связь с первичной взаимосвязью. Именно интеграция ребёнка в живое архетипическое поле первичной взаимосвязи позволяет ему развить связанность, охватывающую его отношения с телом, с самим собой и со своим окружением. Рост интереса к жизни, к себе и к окружению, характерный для человеческих детёнышей, подпитывается интересом к матери, чья любовь и нежная забота служат психическим молоком, от которого зависит не только физическое, но и психическое и духовное существование ребёнка. Поэтому разрушение первичной взаимосвязи ведёт к психическому и духовному упадку и разрушению личности ребёнка. Либидо, переливающееся из матери в ребёнка, оживляет и активизирует особые каналы и склонности, характерные именно для людей: через них ребёнок перенимает человеческую модель поведения в мире.

Как человеческий опыт начинается с бессознательного понятия о мире как о «Великом шаре», так целостность первичной взаимосвязи и единства матери и мира — определяющий фактор

жизни ребёнка. Как мы видели, мать для ребёнка воплощает не только мир, но и самость. Так ребёнок обнаруживает себя в упорядоченном мире, где можно жить и развиваться. Его ощущение защищённости, безопасности — это выражение существования в упорядоченном мире. С другой стороны, чувство незащищённости — всегда симптом того, что такой упорядоченный мир не существует или разрушился. Эта упорядоченность — как мы подробнее рассмотрим дальше — обязательно антропоцентрична и самоцентрична в самом истинном смысле слова; другими словами, ощущается она так, будто бы центр всего мирового порядка — сам ребёнок. На самой дальней периферии находится культурная структура той группы, которая через посредство матери с самого начала оказывает сильное влияние на жизнь ребёнка, устанавливая свои нормы поведения в области заботы о младенцах: кормление, часы сна и т. п. Но в основе этого первостепенного мирового порядка лежит мир чувственных интересов и структур, которые, оставаясь неизвестными как для ребёнка, так и для его матери, заставляют малыша воспринимать мир как упорядоченное, объединённое целое. Всё развитие ребёнка — от отсутствия эго к его появлению, от безмолвия к речи, от пассивного и беспомощного младенца до подвижного активного ребёнка, — протекает в рамках этой живой связи с матерью, интерес которой формирует и определяет интерес ребёнка и его направления.

«Мировой порядок» сохраняет свой чувственный характер, независимо от того, кто воспринимает его — современный или примитивный человек, ребёнок или взрослый. Даже современный взрослый человек придерживается в основном антропоцентрического взгляда на мир. Ощущение единства мира, полученное в унитарной реальности первичной взаимосвязи, предполагает свободный поток либидо между ребёнком (бессознательным) и миром (матерью). Из сосуществования, содержания и зарождающейся дифференциации, характерной для первичной взаимосвязи ребёнка с матерью, развивается аналогичная взаимосвязь с миром в целом. Несмотря на антропоцентрический акцент, этот мир детского эго открыт для коллектива, поскольку при нормальном развитии оно характеризуется связанностью, мешающей развитию солипсизма и нарциссизма.

Эта связь между миром и матерью объясняет, почему в мифологии архетип Великой матери принимает образ паучихи, плетущей свою сеть (то есть разнообразную структуру мира и жизни). Осмысленная упорядоченность мира и отношения личности с этим миром зависят от чувственно-эротического интереса к миру, который формируется первичной взаимосвязью. Соответственно, и Великая мать изначально — не просто мать с ребёнком, но и мать любви и плодородия, поскольку именно через взаимоотношения полов взрослый человек наиболее ясно ощущает универсальный эротический характер человеческой и внечеловеческой психе.

Говоря об упорядоченности этой матриархальной стадии, нужно понимать, что этот порядок не схож с порядком более позднего патриархального Логоса, но принадлежит более раннему матриархальному принципу Эроса; это опыт порядка и смысла, определяемых в основном чувством. Если воспользоваться мифологическими терминами, отец-солнце соответствует патриархальному духу логоса, а луна, представляющая другой духовный принцип, соответствует первоначальному матриархальному миру³⁶.

В греческой мифологии древний бог Эрос как космогонический принцип считается духовным принципом матриархальной стадии. Древнегреческий писатель оставил нам следующее описание изначального положения вещей: Ночь была «птицей с чёрными крыльями». Древняя Ночь зачала от Ветра и снесла серебряное Яйцо на колени Тьмы. Из Яйца вылупился сын порывистого Ветра, бог с золотыми крыльями. Он зовётся Эрос, бог любви, но это лишь одно из его имён, прекраснейшее из всех имён, что он носит.

«Другие имена бога, те, что известны нам, звучат очень умно, но даже и они относятся лишь к отдельным деталям древней истории. Имя Протогонос (Перворождённый)

---

³⁶ Вопрос о том, предшествовала ли лунная мифология солнечной или они существовали бок о бок с самого начала, несущественен с психологической и архетипической точки зрения. С психоисторической позиции бессознательное и соответствующая ему женская психе «старше», чем сознание и мужской принцип логоса.

означает всего-навсего то, что он был „первенцем“ среди богов. Имя Фанес в точности описывает, что он сделал, вылупившись из яйца: он открыл свету всё то, что прежде было спрятано в серебряном Яйце, — то есть весь мир»³⁷.

Серебряное яйцо Ночи — это Луна, и ей соответствует крылатый ночной бог, а фаллическому солнцу, в свою очередь, соответствует дневной бог. Лунный дух — Эрос — рождённый женским ночным аспектом, соответствует матриархальному сознанию³⁸.

Матриархальное сознание — не просто предшественник нашего патриархального сознания; это форма сознания, более близкая к бессознательному и эмоционально окрашенная, это «свет», рождающийся из сильной эмоции, из чувственно окрашенных констелляций бессознательного. Этот переменчивый, непостоянный эмоциональный свет контрастирует с ровным сиянием логоса-солнца. Матриархальное сознание — это сознание близости, его высшая форма — мудрость, противоположная объективной, абстрактной мудрости патриархального логоса, глядящего на вещи с расстояния. Она зовётся «мудростью бессознательного, инстинктом жизни и связанности». Именно поэтому высшая форма Великой матери — София, чья материнская мудрость охватывает все живые существа.

Эротический характер инстинктивной бессознательной мудрости всегда касается *отношений* между живыми существами. Он определяет первичную взаимосвязь и направляет, как Добрый дух и Хорошая мать, раннее развитие ребёнка, который с его помощью и через его посредство входит в мир и в жизнь. Интеграция ребёнка предполагает порядок, и мать — великий упорядочиватель жизни, сознательно и бессознательно направляющий детское либидо и определяющий связи, в которые ему нужно вступить.

Хотя мы считаем этот «материнский» мировой порядок параллельным пищеварительной или телесной стадии, ребёнок

---

³⁷ Карл Кереньи, «Боги Греции».

³⁸ Эрих Нойманн, «Луна и матриархальное сознание».

воспринимает его как общий миропорядок, как первую форму окружающей Вселенной. Подчеркнём ещё раз, что это хтонический, телесный мир; он символичен в своей воплощённости; все духовные и физические элементы воспринимаются как материальные, вещественные, осязаемые. Соответственно, на этой стадии дух — ещё не абстракция, поскольку даже взрослому нужен материальный образец для абстракции, — это живая и животворящая реальность. Без этой реальности дух вызывает ужас; на этой стадии неосязаемый дух воспринимается как «призрак».

Филогенетически для первых людей и онтогенетически для ребёнка матриархальный мир — это символический мир, который для матриархального сознания представляет собой истинно духовный мир. Внешняя реальность ещё не отделилась от внутренней реальности души и духа; пока они воспринимаются как одно целое, как нечто не просто существующее, но и значимое, то есть связанное с чем-то ещё. К примеру, символический опыт молока означает, что молоко сразу же воспринимается как комплекс важных взаимосвязей, чьё значение выходит далеко за пределы обычного смысла молока как внешней реальности, как пищи.

Когда в «Происхождении и развитии сознания» мы говорили о мифологической апперцепции примитивного человека и ребёнка, мы подразумевали этот же контекст. Опыт мира в символах — например, опыт матери как Великой матери — и есть мифологическая апперцепция. На этой стадии не существует объективного внешнего мира. Потоки либидо — или связанности — изливаются из центра, где находится ребёнок, на все объекты мира, которые представляют собой осмысленные символы. Так это содержание наполняется душой и духом, нуминозными частями мира взаимодействий. Схожесть анимистического, магического взгляда на мир первобытного человека и ребёнка — известный феномен; я лишь хотел бы ещё раз подчеркнуть, что он основан на эротическом характере матриархальной реальности.

Однако то, что существование на этой стадии подчинено материнскому порядку, не означает, что ребёнок воспринимает весь мир только через образ Хорошей матери. Великая мать объемлет

жизнь и смерть; но из ночной тьмы поднимается рассвет, и эта великая матриархальная сила неизменно заслуживает доверия. Даже пугающая и убивающая Великая мать — всё равно вечная мать, которая оживляет то, что было убито, и продолжает вечный круг жизни, подчинённый нерушимому порядку.

Страх, боль и отторжение встроены в первичную взаимосвязь, но их перевешивает «хороший» материнский аспект — поэтому, несмотря на негативные ощущения, ребёнок не утрачивает чувство защищённости, которое рождается из ощущения встроенности в высший порядок.

Этот упорядоченный мир, способный интегрировать негативные факторы, характерен для здоровых людей — как детей, так и взрослых. Его зависимость от нормальной первичной взаимосвязи заметна по тому, что случается, когда эта взаимосвязь нарушается. Нарушения или полное разрушение первичной взаимосвязи — по-видимому, одна из главных причин психоза, известного как шизофрения. Это расстройство часто начинается с явления, которое пациент воспринимает как конец света. В видениях и снах пациента, а позднее и в его сознательном восприятии единый мир разлетается на куски. Мир исчезает, отмирает, распадаясь на безжизненные отдельные фрагменты, а если часть его всё же остаётся, гибель мира проявляется в сражениях между враждебными силами и сущностями.

В нормальном случае мир состоит из динамических, упорядоченных, живых связей, составляющих единство жизни, в котором, как в оптической перспективе, вещи располагаются рядом или одна за другой, то есть относительно друг друга. Они подчиняются определённой иерархии. Все эти связи и порядки оживляет либидо, полученное от психе, находящейся в бессознательной идентичности с миром. Но при нарушении первичной взаимосвязи, независимо от причин этого нарушения, у ребёнка констеллируется архетип Ужасной матери, и это ведёт к проблемам раскрытия (столь важного) связанности ребёнка с телом, самостью и другим во всех его аспектах.

Именно это разрушение мира-«ты» проявляется в шизофрении с её регрессией в мир Ужасной матери. Символическая унитарная реальность, которая при шизофрении населяется видениями и галлюцинациями, распадается, что влечёт за собой

конец света. Он может наступить в виде хаоса — то есть растворения, превращения в бессмысленную мешанину аморфных, несвязанных фрагментов — или же в виде пустого принудительного порядка, жёсткой мёртвой системы, сравнимой с системой координат без живого содержимого, которое, собственно, она и должна бы координировать.

Архетип Ужасной матери связан со смертью, обречённостью, засухой, голодом и бесплодием; он обретает господство над миром шизофреника там, где этот мир слишком резко отдален от базовой плодородной материнской силы или даже настроен к ней враждебно. Этот распад мира и личности через переворот принципа Эроса противоположен естественному развитию личности ребёнка, при котором принцип Эроса проявляется в превосходстве Хорошей матери над Ужасной, в интеграции всех отношений между эго ребёнка и «ты» в виде тела, самости, другого человека или мира в целом.

Нормальное развитие ребёнка, обеспеченное прочной первичной взаимосвязью, завершается формированием цельного эго, которое постепенно проявляется, когда ребёнок живёт в идентичности с Хорошей матерью и обладает способностью ассимилировать негативный опыт или разряжать его. Постепенно образуется полюс эго, а на другом конце оси находится самость — почва, в которой коренится психе.

Вообще человеческая ситуация так уравнивается и компенсируется взаимодействием естественного биопсихического поведения и социальных реакций, представленных матерью, что процесс взросления протекает нормально сам по себе — если только какие-либо необычные обстоятельства не нарушают эту констелляцию.

Развитие цельного эго начинается с первой уроборической фазы первичной взаимосвязи, но лишь во второй, матриархальной фазе, где главенствует материнский архетип, эго начинает занимать центральное положение. Другими словами, лишь спустя примерно год после физического рождения ребёнка (и уже после его «истинного рождения») развитие эго и антропоцентрической позиции выходит на первый план.

НАРУШЕНИЯ ПЕРВИЧНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Решающий шаг в развитии детской личности в рамках первичной взаимосвязи — формирование позитивного цельного эго, способного ассимилировать и интегрировать даже негативные, неприятные свойства внешнего и внутреннего мира — боль, лишения и т. д. Мать как компенсаторная самость следит — насколько ей позволяют жизненные обстоятельства — за тем, чтобы негативные факторы не преобладали и как можно быстрее перекрывались позитивными. Эта компенсация распространяется не только на такие объективные факторы, как холод, голод и фрустрация, которые младенец воспринимает как внешние влияния, но и на тот негативный опыт, который приходит изнутри ребёнка, хотя и ощущается поначалу как давление извне: страх, гнев и боль. С помощью материнской компенсации и умиротворения ребёнок вкладывает в собственное эго позитивную интегральную тенденцию, примером которой служит мать, воплощающая её снова и снова при контактах с ребёнком. Таким образом рождается позитивное целостное эго, способное к интеграции позитивных и негативных факторов так, чтобы личность оставалась единой и не распадалась на противоборствующие фрагменты. Если сформулировать вышеизложенное кратко, эго формирует терпимость к негативным факторам, основываясь на доверии к матери; оно способно принимать мир и себя благодаря постоянному позитивному опыту терпения и принятия, получаемому от матери.

В условиях нормальной первичной взаимосвязи и уверенности в материнской любви с развитием позитивного цельного эго и прочной оси «эго — самость» антропоцентрический опыт

ребёнка постепенно входит в сознание; это значит, что ребёнок начинает воспринимать себя как центр не только своего мира, но и мира как такового. Этот антропоцентризм, не имеющий ничего общего с чувством магического всемогущества (оно появится позднее), — необходимая основа развития любого человека. Это выражение аутоморфизма с акцентом на важности личности для развития всего человечества.

Акцент на антропоцентризме — отличительный признак человека, выделяющий его среди остальных животных. Не только его господство над миром, но и способность к формированию культуры основывается на этом опыте самости, на вере в то, что он создан по образу и подобию Божьему — эта вера говорит не о патологическом нарциссизме, а о том, что человек отдаёт себя под опеку самости; она представляет реализацию оси «эго — самость», лежащей в основе любого психического развития.

Человеческое существование определяется не слепым повиновением инстинктам, а собственными интерпретациями человека, основанными на антропоцентрическом акценте на человеческой группе и индивиде. Там, где позитивный акцент делается на отдельной личности, мы неизменно обнаруживаем связь между личным фактором (эго) и трансперсональным фактором (самостью). Эта трансперсональная самость часто воспринимается через проекцию, как самость предков или группы, и в этом случае связь между эго и группой формирует, с помощью ритуалов и обрядов посвящения, идентичность человека с трансперсональной самостью. С древнейших времён и до наших дней эта взаимосвязанность аутоморфизма и отношений с «ты» отражалась в связи отдельной личности с группой.

Антропоцентризм ребёнка не следует путать с эгоцентризмом. На этой фазе развития личности и самости ещё нет изолированного эго, способного взаимодействовать с самостью, миром, людьми или бессознательным как с «ты». Антропоцентрическая констелляция встроена в первичную взаимосвязь, и даже на поздней стадии, когда самость возвращается из матери в ребёнка, эго всё ещё остаётся одним целым с самостью. На этой стадии эго и самость уже не связаны как мать и ребёнок, однако, хотя ребёнок уже обладает собственными корнями, мать и самость — это почва, в которой прорастают эти

корни, и ребёнок не может отличить, что здесь часть его самого, а что нет. С усилением эго и развитием личности между эго и «ты», между ребёнком и матерью могут возникать серьёзные и продолжительные конфликты, однако корни ребёнка при этом не «выкорчёвываются». Таким образом, фаза развития, во время которой личность ребёнка обретает сравнительную независимость, а эго начинает бодрствовать постоянно, а не просыпаться урывками, крайне важна, поскольку именно в это время эго начинает воспринимать аутоморфизм личности.

Однако сравнительная независимость эго в то же время становится основой растущего осознания ребёнком своей независимости, и это основная проблема, влияющая на отношения ребёнка с матерью и с окружающим миром.

Уроборическое существование, охватывавшее внутренний и внешний мир, было райским и суверенным, поскольку, благодаря идентификации ребёнка с матерью и миром, он не мог осознать свою зависимость от них. Это отсутствие опыта зависимости — основа ситуации, которую интерпретируют как ощущение всевластия; но на самом деле это целостность без эго и, следовательно, без власти. Именно эта первоначальная гармония между свободой бытия и полностью принятой самостью — та самая констелляция, которую взрослое эго воспринимает как «Дао», но точно не как всемогущество.

Поскольку изначально самость привязана к матери, она, как источник чувства безопасности, становится первой моделью для детского опыта самости. Благодаря матери компенсируются все сложности и кризисы развития ребёнка (если говорить о нормальной ситуации). Даже физическое отделение от матери (отнятие от груди), необходимое для дальнейшего развития, и психическая сепарация при формировании детского эго компенсируются любовью и неизменным признанием матери, которая отдаляется от ребёнка (или от которой отдаляется сам ребёнок). На самом деле эта сепарация попросту увеличивает поле любви между матерью и ребёнком; это необходимый шаг, никак не нарушающий их связь.

Хасидский текст, в котором роль матери, конечно же, играет Бог (Отец), даёт следующее толкование слов из Ветхого Завета «Ной ходил пред Богом»:

«Ной был столь предан богу, что ему казалось, будто Бог направляет каждый его шаг, будто он идёт рядом и указывает, куда ставить ногу, как отец учит маленького сына ходить. И когда Отец оставил Ноя, тот понял: это для того, чтобы я научился ходить сам»¹.

Этот отрывок описывает не просто наивную детскую веру в Бога, как может показаться на первый взгляд. Тогда эта фраза звучала бы как «Бог ходил пред Ноем». Но мы видим акцент именно на нерушимой любви Ноя к Богу. Здесь не может быть никаких сомнений, поскольку всеобъемлющая вера Ноя не зависела от присутствия или отсутствия Бога. Ной принимает даже те моменты, когда Бог полностью отворачивается от него. Он продолжает идти в одиночку, он независим и не нуждается в опеке, для него даже одиночество и забвение содержат скрытое божественное руководство — и потому ему удаётся преодолеть кромешную тьму божественного забвения. Его самость, сформированная связью с Богом, служит ему неугасимым светильником.

Вот ещё одна хасидская история. Молодой раввин пожаловался цадику: «В те часы, что я посвящаю занятиям, я ощущаю свет и жизнь, но когда я закрываю книгу, это чувство пропадает. Что мне делать?». Цадик ответил: «Представь, что человек идёт тёмной ночью через лес. На какое-то время к нему присоединяется ещё один человек, с фонарём, но затем они расходятся в разные стороны, и первый человек вынужден снова нащупывать свой путь во тьме. Но если бы у него был собственный светильник, ему не пришлось бы больше бояться темноты»².

Религиозная ситуация, описанная в этой притче, это очевидная констелляция первичной взаимосвязи, перенесённая на Бога. Религиозная позиция Ноя находится на высшем уровне, это позиция целостного эго, установившего, в рамках безопасной первичной взаимосвязи, прочную связь с самостью.

---

¹ Martin Buber, *Des Baal-Schem-Tow Unterweisung im Umgang mit Gott*. Berlin, Schocken, 1935.

² Martin Buber, *Die chassidischen Bücher*, Hellerau, Jakob Hegner, 1928.

Мать, которая обычно и учит ребёнка ходить, в патриархальной еврейской культуре заменена Богом.

Чувство безопасности, приобретённое в успешной первичной взаимосвязи, позволят это интегрировать кризисы естественных фаз трансперсонального развития, а также индивидуальные расстройства, угрожающие естественному ходу развития. В среднем это происходит независимо от источника проблем: идут ли они из сферы матери или самого ребёнка, или же речь о внешних событиях. В любом случае положительная первичная взаимосвязь обеспечивает почти большую вероятность того, что ребёнок справится с неприятностями.

И это приводит нас к теме избалованных детей, которую некоторые исследователи детской психологии считают не менее важной, чем тема страхов, возникающих в ходе первичной взаимосвязи. На самом деле избыток материнской любви — куда меньшая проблема, нежели негативная связь с матерью и недостаток или отсутствие этой любви.

Нелюбящая или Ужасная мать может разрушить или серьёзно повредить сами основы существования ребёнка. С другой стороны, избалованность не вызывает серьёзных расстройств до тех пор, пока не придёт пора ослабить узы связи с матерью — вот тогда излишняя избалованность ребёнка может помешать этому процессу. Она может стать причиной всевозможных невротических расстройств, вызванных чрезмерной привязанностью ребёнка к матери. Но, как правило, нормальная первичная взаимосвязь способствует формированию здоровой личности, имеющей все шансы справиться с подобными расстройствами. Здоровая личность = нормальная ось «эго — самость»; она гарантирует, что компенсаторная взаимосвязь между сознанием и бессознательным, которая при серьёзных расстройствах резко ухудшается, всё же продолжит хоть как-то функционировать.

Более того, само понятие избалованности сильно зависит от культурного контекста. Если мать проявляет сильную привязанность к сыну в соответствии с материнским архетипом, в пуританском обществе будет считаться, что она его слишком балует, а там, где преобладает патриархальная тенденция «закалять» ребёнка с малолетства всевозможными садистскими методами, её даже обвинят в том, что она «сделает из него бабу». Отклонения

от нормальной первичной взаимосвязи, обусловленные культурной средой, нельзя не учитывать, так что «нормальная» первичная взаимосвязь — это некий идеал из области фантастики. Следовательно, говоря о подлинной избалованности, мы подразумеваем отклонение не только от культурно обусловленного стандарта, но и от того, что условно считаем нормальной первичной взаимосвязью.

Причину таких отношений с ребёнком обычно следует искать в индивидуальной констелляции или ситуации матери. К примеру, мать единственного ребёнка, вдова, нелюбимая мужем или сама его не любящая женщина, женщина, вышедшая замуж за мужчину намного старше себя, — всё это зачастую не совсем нормальные случаи. Лишённая других отдушин, такая женщина просто затапливает ребёнка своей любовью; в итоге мы имеем подлинную избалованность, причиной которой стала чрезмерная привязанность. Она может затормозить или вовсе остановить развитие ребёнка, но совсем не обязательно так и произойдёт. Подобную констелляцию мы обнаруживаем у немалого числа творческих личностей: сильная материнская любовь, ощущение себя любимым ребёнком, напротив, привели к росту уверенности и усилению ощущения жизни. В дальнейшем — хорошим примером стал Гёте — такой ребёнок неизменно чувствует себя одарённым, «рождённым в воскресенье» из старинной потешки, он уверен в себе и во внешнем мире, что приводит к общей творческой открытости.

Но даже подобная позитивная ситуация таит в себе опасность того, что мать накрепко «вцепится» в ребёнка. Здесь решающим фактором будет индивидуальная констелляция и зрелость её личности (вне зависимости от биологического возраста). Сможет ли она отпустить своего драгоценного ребёнка или предпочтёт «поглотить» его — зависит от конкретной личности. Обычно считается (и порой это действительно так), что мать, которая ни в чём не могла отказать ребёнку, сильно усложняет его взросление. Он оказывается не подготовленным к жизненным трудностям, которые неизбежно становятся перед ним, и эта слабость может стать причиной провала. Однако опасность подлинной избалованности сильно преувеличена, поскольку положительная первичная взаимосвязь сама по себе формирует целостное эго,

способное бороться с трудностями благодаря доверию к матери-самости и, позднее, к собственной самости.

Усиленный аутоморфизм, результат слишком позитивной первичной взаимосвязи, приводит к конфликту с «ты», воплощенным в обществе, но в итоге творческая открытость миру становится полезной коллективу, поскольку своими творческими достижениями такой человек привносит в коллектив нечто, чего этому коллективу не доставало.

Но когда мать проявляет бурную привязанность к ребёнку, за её излишней любовью скрывается и нечто другое. Такая «ложная» привязанность подобна ведьме, которая заманивает ребёнка в леденцовый домик, а когда тот войдёт, превращается в Ужасную мать и «пожирает» его. Однако в этом случае мотив такой матери — отнюдь не избыток любви при отсутствии других объектов; дело в её стремлении властвовать, которое подменяет собой любовь и выдаёт себя за чрезмерную заботу.

Бывают матери, у которых способность любить неразвита, атрофирована или изуродована — в попытке компенсировать свою неполноценность такая мать набрасывается на ребёнка, но не с целью излить на него излишки любви, а для того, чтобы заполнить им собственную пустоту. Это не настоящее, а ложное балование. Такая мать не может отпустить «обожаемого» ребёнка, поскольку в этом случае она останется не с переполненным, как в случае истинного балования, а с жаждущим сердцем. Такая собственническая любовь матери всегда предъявляет требования к ребёнку. Она преподносит свою любовь как подарок и ждёт за это благодарности, её любовь требует платы и служит средством давления. Часто она подталкивает ребёнка в сторону собственных неудовлетворённых желаний, которые тот должен исполнить из любви к матери. То, что под личиной такой любви скрывается «ужасная» мать, доказывает тот факт, что в результате вред наносится аутоморфизму ребёнка, и формируется не просто нетворческая, но и слабая, фригидная личность.

Сталкиваясь с избалованными детьми, неспособными любить, мы можем с уверенностью заключить, что тут постаралась Ужасная мать, оправдывающая свои действия беззаветной любовью к чаду. Это ещё одно доказательство того, о чём мы уже говорили и будем говорить: отношения ребёнка с «ты» почти

полностью определяются, хорошо это или плохо, первичной взаимосвязью с матерью.

Как и степень балования, запреты, неизбежно налагаемые на ребёнка в первичной взаимосвязи, обусловлены культурной средой; они являются частью всевозможных жизненных неприятностей, которые начинаются с самой ранней фазы развития.

«Ребёнок, — пишет Карл Меннингер, — как и любое четвероногое, рождается примитивным асоциальным несдержанным каннибалом»³. Хотя этой точки зрения придерживаются многие психологи, она однобока и абсолютно неверна. Человеческий детёныш — не четвероногое, не каннибал, и он никоим образом не асоциален. Он живёт в первичной взаимосвязи, а она в высшей степени социальна. Да, действительно, ребёнок во многом «поливалентен»; он изначально способен выучить любой существующий язык и стать полноценным членом любого человеческого сообщества. В отличие от животного, полностью подчинённого инстинктам, унаследованным реакциям и поведенческим шаблонам, ребёнок способен принять любой групповой шаблон поведения. Вопреки утверждениям Мелани Кляйн, ребёнок — не больше каннибал, чем первобытный человек. Насколько нам известно сегодня, все практики каннибализма у первобытных людей происходили в рамках ритуалов, то есть были социально обусловлены, и никогда не были следствием естественных устремлений человека. Действительно, ребёнок примитивен настолько, что онтогенетически и филогенетически он доисторичен, в том смысле, что ему ещё предстоит встроиться в историческое общество своей группы. Правда и то, — и это важный момент, — что он ничем не сдержан, поскольку любой запрет, налагаемый на него, исходит от группы, от общества, к которому принадлежит его мать. С другой стороны, мы можем с той же уверенностью сказать, что только человек предрасположен к тому, чтобы повиноваться запретам, придумывать их и даже нуждаться в них для своего развития.

---

³ Weiss, Edward and English, Oliver Spurgeon, «Psychosomatic Medicine», London, Philadelphia, Saunders, 1943, p.23.

Существует множество доказательств тому, что недостаток ограничений так же вреден для ребёнка, как и избыток. Склонность налагать запреты и подчиняться им — одна из базовых тенденций человеческой психе. Не существует ни одного человеческого общества, в котором запреты и формальности не играли бы важной роли в ритуалах и обычаях — в пример можно привести экзогамию, то есть запрет инцестов. Способность и необходимость в выстраивании социальной культуры — важнейшее свойство человека; эти тенденции работают в любой человеческой группе. Культура предлагает одобрение или запрет определённых свойств личности. Тот факт, что только в крайних случаях люди неспособны принять культуру своей группы, доказывает, что изначально любой ребёнок рождается с чисто человеческой способностью подчиняться запретам и быть полноценным членом группы. Ограничительные тенденции, дающие возможность устанавливать границы личности и аутоморфизма, формируют отношения между группой, в которой растёт ребёнок, и его собственной индивидуальностью. Эти запреты во многом определяют формирование и развитие того, что мы называем психе.

С помощью приказов и запретов примитивное общество с самого начала указывает индивиду его место и положение: человек в таком-то возрасте должен вести себя так-то, у женщины есть такие-то обязанности, отношения между членами группы должны принимать такие-то формы. Благодаря таким правилам личность отличается от других членов группы. Эта дифференциация необходима коллективу и встречается также у коллективных насекомых — например, у пчёл и муравьёв. У первобытных людей запреты, придающие форму изначальной поливалентности ребёнка, до некоторой степени компенсировались тем, что существование первых людей было более многосторонним, чем у современного человека, часто ограниченного одной специализацией. Первобытный человек был одновременно воином, художником, поэтом, певцом, танцором и членом совета племени. Он имел все возможности для выражения своей индивидуальности в рамках коллектива.

Ограничения, налагаемые любой культурой на личность и поливалентность ребёнка, обычно начинают ощущаться уже в первичной взаимосвязи, с первых лет после рождения. Однако

здесь крайне важно, происходит ли это ограничение плавно и незаметно, или же ребёнка грубо «втискивают в рамки», так, что он осознаёт это.

Если в условиях положительной первичной взаимосвязи развилось цельное эго, ребёнок способен терпеть любые ограничения без сильного сопротивления — или, по крайней мере, без длительных переживаний — и может адаптироваться к требованиям, которые предъявляет к нему общество. Нормальная ситуация для человека — когда некоторое психическое содержание остаётся в бессознательном, чтобы не влиять на развитие личности; иными словами, сама по себе бессознательность некоего содержания не сделает ребёнка или взрослого невротиком. Сегодня, когда нам доступны для изучения всевозможные варианты культур и ограничений, мы можем утверждать, что ребёнок способен переносить некоторые ограничения без всякого вреда: они не мешают ему вести полноценную жизнь не только внутри собственной группы, но даже и в сильно отличающемся от неё окружении.

Большая часть идей о том, что считать невротическим, также обусловлены культурной средой. То, что мы зовём неврозом, может состоять из слишком сильного или слишком слабого акцента на тех чертах, которые в другой культуре могут сойти за норму или даже возвысить человека над другими. Даже внутри нашей культуры эти границы колеблются: черты характера, необходимые во время войны, в мирное время могут расцениваться как преступные.

Наша западная культура выделяется среди других частотой (а то и самим существованием) психических расстройств, которые мы называем неврозами и психозами. Мы не будем углубляться в вопрос о том, существовали ли подобные расстройства у первобытных народов, однако, по-видимому, можно с уверенностью сказать, что в нашей культуре напряжение между сознанием и бессознательным выражено особенно заметно, и все психические расстройства, характерные для нашей культуры, происходят от неспособности выдержать это напряжение.

Как мы уже говорили, способность ребёнка относительно легко подчиняться запретам зависит от его способности к интеграции, от того, как развивалось эго и ось «эго — самость».

Это развитие начинается с позитивной первичной взаимосвязи и затем расширяется; другими словами, на протяжении первичной взаимосвязи можно наложить множество запретов и ограничений, не нанеся критического вреда детской психе. Но, с другой стороны, в условиях негативной первичной взаимосвязи самые благоприятные внешние условия не смогут предотвратить психические расстройства. В этом случае общественные запреты могут привести к опасным психическим заболеваниям. И сейчас настало время немного поговорить о том, когда расстройство становится смертельно опасным.

Любая культурная адаптация — это адаптация к набору внешних и внутренних требований, которые должны обязательно вступить в конфликт с определёнными индивидуальными склонностями. Важно налагать ограничения именно там, где индивидуальная склонность не вписывается в требования культуры. Напряжение между аутоморфизмом и культурной адаптацией существует с самого начала. Если мы считаем, что воображение означает внутреннюю реальность, а требования общества — внешнюю, то индивид вынужден распознавать эти реальности и учиться их уравнивать. Это относится как к экстраверту, ориентированному на внешнюю реальность, так и к интроверту с его ориентированностью на субъективный и объективный внутренние аспекты психе.

Опасность затопления психе снаружи или изнутри предупреждает центроверсия, то есть тенденция к установлению центров или авторитетов, обеспечивающих существование дифференцированной личности. Она служит целостности личности и является важным компонентом аутоморфизма. Центроверсия — универсальная тенденция, присутствующая в любой психе; она ведёт к формированию эго и оси «эго — самость», к акцентуации эго-центра в первой половине жизни и к изменению направления во второй половине. Под аутоморфизмом, с другой стороны, мы понимаем особую и уникальную склонность любой личности к реализации своего потенциала. Чем более строгие и однобокие требования предъявляет общество к ребёнку, тем больше на него будет налагаться запретов и тем больше будет напряжение между его сознанием и бессознательным. Это напряжение, несомненно, благоприятствует

культурной адаптации, однако не способствует творческим достижениям, которые могли бы принести пользу культуре, поскольку творчество всегда зависит от признания личности, от аутоморфизма, для которого опасна излишняя адаптация к культурному контексту.

В нормальных условиях воспитание ребёнка всегда вызывает конфликт между его естественным аутоморфизмом и необходимостью адаптации. Этот конфликт становится опасным, а часто и критическим, если первичная взаимосвязь нарушает способность ребёнка к интеграции. Способность действовать аутоморфно охраняет уверенность человека в себе перед лицом требований мира и ударов судьбы, которым он неизбежно подвергается. Мелкие неудачи и разочарования и крупные несчастья, болезни, смерти — это испытания, которыми проверяется не связь с другим, а связь с самостью, способность человека быть собой и быть самостью. Способность человека преодолевать критические ситуации предполагает неповреждённый аутоморфизм, способность к интеграции и прочную ось «эго — самость».

Антропоцентрическая позиция ребёнка в мире тесно связана с преобладанием цельного эго, которое препятствует негативному эго (той части эго, которая по своей природе или в ответ является агрессивной и разрушительной) захватить лидерство. Запреты, налагаемые негативной первичной взаимосвязью, становятся опасны, когда серьёзно нарушена связь эго с самостью и с «ты»; в этом случае невозможна ни социокультурная адаптация, ни компенсаторное аутоморфное развитие.

Как мы уже знаем, связь эго с самостью и развитие связи с «ты» зависят от первичной взаимосвязи с матерью. Антропоцентрический акцент на личности, основанный на отношениях эго с самостью и с внешним и внутренним «ты», — это основа творческого развития аутоморфизма и любого позитивного социального поведения. Только личность, серьёзно воспринимающая себя как одну из целей творения, имеющая человеческое достоинство, способна серьёзно воспринимать достоинство другого человека и считать его значимым центром мира. Любовь и терпение в первичной взаимосвязи делают возможной терпимость, позволяющую человеку любить и принимать себя и ближнего со всеми достоинствами и недостатками.

Благодаря переплетению аутоморфизма с позитивной первичной взаимосвязью цельное эго всегда выражает позитивную, свободную и творческую ось «эго — самость», соответствующую намерению ребёнка творчески относиться к «ты», к самости и к миру.

Эта «основа уверенности» всей личности, представленная цельным эго, даёт возможность формирования открытой психической системы, в которой не существует невыносимого напряжения между миром и эго или между бессознательным и эго. Эго открыто со всех сторон, оно воспринимает, наблюдает, выражает себя⁴. На этой стадии преобладает «матриархально воспринимающее» сознание и процессы, берущие начало в бессознательном. Господствует цельное эго, и опыт эго — всегда в то же время опыт всей личности, поскольку недавнее разделение сознания и бессознательного как чётко определённых систем ещё не влияет на отношения эго и самости. Поэтому реакции нормального эго, ещё не напуганного внешним вмешательством, необычайно сильны.

Наиболее ясно характеризует матриархальное сознание ребёнка роль фантазии и её близкой родственницы — игры. Фантазия ни в коем случае не идентична принципу желаемого внутреннего удовольствия. Скорее это внутренний орган чувств, воспринимающий и выражающий внутренние миры и законы так же, как внешние органы чувств воспринимают и выражают внешний мир с его законами. Мир игры крайне важен не только для детей, но и для взрослых в любой культуре; мы никогда не перерастаем его⁵. Но для детей он имеет совершенно особое значение. Только личность, встроенная в символическую реальность игры, может стать полноценным человеческим существом. Одна из основных опасностей, скрытых в нашей современной западной патриархальной культуре с её перегибами в сторону рационального сознания и односторонней экстравертной

---

⁴ Сонди считает, что эго на этой стадии, не идентичное самости, «не занимает никакой позиции». Но, по нашему мнению, любая реакция и любое независимое выражение приравнивается к «заниманию позиции».

⁵ Йохан Хейзинга, «Homo Ludens» («Человек играющий»).

адаптацией к реальности, состоит в том, что она стремится повредить, а то и вовсе уничтожить этот символический мир детства. Полная встроенность в этот магическо-мифический символический мир игры и фантазии — как минимум не менее важное выражение открытости личности ребёнка, чем его способность воспринимать впечатления от внешнего мира и общества. Эти две формы открытости идут рука об руку и в нормальной ситуации взаимно уравниваются. Для нормального развития процесс «врастания» в сознание и опыт объективной реальности, характерный для культуры человека, не менее важен, чем процесс «врастания» в религию, искусство, законы и ритуалы, как бы они ни менялись в зависимости от группы.

Мы не будем здесь пытаться определить, при каких условиях нарушения развития оставляют долго заживающие раны, а при каких они проходят бесследно; достаточно отметить, что укоренение ребёнка в обществе всегда идёт под влиянием правил общества, в котором живут мать и семья ребёнка. Хотя ребёнок начинает осознавать это влияние лишь со временем, когда эго уже сравнительно развито, оно оказывает решающее воздействие на первичную взаимосвязь и на формирование эго и оси «эго — самость».

К примеру, очень важно, каким считается пол ребёнка в данном обществе — желанным или нежеланным — и какие права и обязанности он даёт. Подавление и обесценивание женщины в патриархальном обществе может сказаться на чувстве собственного достоинства матери и ослабить её ось «эго — самость» — в этом случае она может не справиться с выполнением своей функции в первичной взаимосвязи. Или же она может испытывать сознательный или бессознательный протест против патриархального обесценивания. Любая из этих констелляций скажется на первичной взаимосвязи и с самого начала повлияет на отношение матери к полу ребёнка. Мать, чья самооценка изуродована патриархатом, по-разному будет относиться к сыну и к дочери. Она может предпочитать сына и отвергать дочь; или, напротив, из чувства протеста выражать свою солидарность с дочерью и позитивно или негативно идентифицировать сына с его отцом. Такие отношения могут принимать самые различные формы, всё зависит от конкретного случая.

Однако, по сути, эти конкретные случаи — лишь разные варианты констелляций, подчинённые общим законам; и поскольку они в основном типичны для определённых культурных ситуаций, можно сказать, что они обусловлены трансперсонально. Основное различие между патриархальным и матриархальным, между ориентацией на сознание и на бессознательное, подводит базу не только для понимания взаимосвязи матери с ребёнком, но и для постановки диагноза нашей культуре и разработки плана лечения.

Разъяснение положения женщины в рамках данного культурного канона и последствий этого положения для первичной взаимосвязи имеет первостепенное значение для развития западной цивилизации. Однако прежде чем мы обратимся к влиянию культурного канона на ход первичной взаимосвязи, следует попытаться обрисовать последствия её нарушения.

Как мы уже говорили, при нормальной, позитивной первичной взаимосвязи мать, воплощающая в себе мир и самость, компенсирует все негативные ощущения, неизбежно сопровождающие развитие ребёнка. Поскольку позитивный опыт включает отторжение со стороны эго, позиции эго, соответствующие этому опыту, постепенно становятся привычными, то есть развиваются отдельные структуры внутри эго. При нормальном развитии, как мы видели, формируется вышестоящая часть, цельное эго, способное принимать и синтезировать позитивный и негативный опыт.

Возможно, такие позиции и структуры являются врождёнными, а не просто возникают как реакции; пока мы не можем провести чёткую границу между структурами врождёнными и появляющимися в ходе индивидуального развития. Как позитивные, так и негативные реакции выглядят беспорядочными. Один ребёнок обладает необыкновенной способностью интегрировать любой опыт, а другой не справляется даже с относительно мелкими неприятностями — это снова и снова заставляет нас говорить о врождённых факторах, потому что других объяснений в голову не приходит. Но если оставить в стороне явно пограничные случаи, влияние первичной взаимосвязи на развитие ребёнка, на его психическое состояние, невозможно переоценить.

Оценив позитивный эффект первичной взаимосвязи, мы не увидим ничего удивительного в истине катастрофических последствиях её нарушения или полного разрушения. Однако негативное развитие первичной взаимосвязи на самой ранней и критически важной стадии существования ребёнка далеко не всегда происходит по вине его матери как личности. Здесь очевидна решающая роль материнского архетипа в урборической фазе.

Негативная констелляция первичной взаимосвязи складывается не только тогда, когда мать недостаточно эмоционально привязана к ребёнку, но и если ребёнок «теряет» мать, основу своего существования. Такая потеря обычно происходит из-за психической неадекватности матери или её физической смерти, болезни или разлуки с ребёнком; но дело может также быть в крайне негативном переживании ребёнка, не имеющем ничего общего с его матерью. Это может быть недостаток пищи или любой другой негативный фактор на телесном уровне, и прямой вины матери здесь может и не быть. Но поскольку на такой ранней стадии не только мир и «ты», но и собственное тело и самость ребёнка располагаются в матери, поскольку она воплощает всё это, любой подобный негативный опыт сказывается на первичной взаимосвязи. Таким образом, то, как «складывается судьба», на мифологическом плане относится к области материнского архетипа.

«Хорошая» настоящая мать для ребёнка может стать «Ужасной» матерью из-за преобладания негативных трансперсональных факторов — например, при болезни ребёнка. И наоборот, врождённая прочная, гибкая психика в какой-то степени «заменяет» счастливую судьбу, хорошую мать и позитивную первичную взаимосвязь и соответственно влияет на развитие ребёнка. Поэтому анамнез, ограниченный только личностными факторами, никогда не даст полного понимания здорового или нарушенного развития. Главный фактор — архетипический опыт ребёнка, а не объективные данные, и в этом и есть важность мифологического восприятия ребёнка и архетипической интерпретации, характерной для аналитической психологии.

Между личной человеческой реальностью и миром архетипических детерминантов существует постоянный раскол.

Пока человеческая среда архетипически управляется инстинктом и работает нормально, она выполняет свою функцию. Архетипические компоненты, воспринимаемые через образы «Хорошей», «Великой» или «Ужасной» матери, остаются высшей реальностью. В мифологической апперцепции этой фазы истинными источниками благ или невзгод являются трансперсональные силы. Земное же воплощение этих образов, то есть мать ребёнка, идентично высшему божеству.

Находясь в материнском «сосуде», ребёнок зависим и беззащитен, он существует пока лишь частично; мать — это жизнь, пища, кров, безопасность и компенсация негативных ощущений. Поскольку целостная реакция у ребёнка перевешивает эго-реакцию, его опыт, с нашей точки зрения, не имеет границ. Поэтому преобладание позитивных факторов создаёт образ позитивной матери, и наоборот, избыток негативных переживаний порождает негативный материнский образ. Избыток негативного опыта затапливает ядро эго и растворяет его или сообщает ему негативный заряд. Мы называем отмеченное таким образом эго «страдающим эго», поскольку его опыт мира, «ты» и самости несёт отпечаток страдания, обречённости. Таким образом, в мифологической апперцепции ребёнка позитивная первичная взаимосвязь отражается в архетипическом образе рая, а негативная — в образе ада.

Для переворота райской ситуации характерен частичный или полный переворот естественной ситуации первичной взаимосвязи. В неё вторгаются голод, боль, пустота, холод, беспомощность, полное одиночество, утеря безопасности и защищённости; это стремительное падение в бездну забвения и пустоты.

Центральный символ такого состояния — голод. В символизме пищеварительной стадии голод и боль «грызут» и «пожирают». Когда первичная взаимосвязь так или иначе нарушается, беспомощность и беззащитность конструируют ужасную негативную мать, которой и в мифах сопутствуют те же символы и атрибуты, что и в данной ситуации ребёнка. Она превращается в ведьму, дьявольскую мать боли и страданий. Она отвергает ребёнка, обрекая на одиночество и болезнь, пыгает несчастное создание, которое хорошая мать бросила её на растерзание, голодом и жаждой, жарой и холодом. Если такая констелляция устанавливается слишком

рано, до появления эго, она приводит к апатии и упадку. Если же она проявляется, когда эго уже достигло определённой стабильности, она усиливает негативное эго и приводит к развитию страдающего, негативизированного эго.

Если эта фаза оказалась негативной, то есть целостное эго не сформировалось или было «придушено» в зародыше, подавление детского эго усугубляет тяжесть ситуации. Затем появляется агрессия; она может принимать форму самозащиты или тревожного сигнала, когда голод, боль или страх нарушают благополучие ребёнка. Или же она может проявляться как неизбежная реакция на новые, хотя и предопределённые фазы психического развития — например, частичный и постепенно растущий разрыв первичной взаимосвязи или конфликт, возникающий, когда начинает определяться пол ребёнка. Когда ребёнок интегрирован с Великой матерью или, позднее, со своей человеческой матерью, он справляется и с интеграцией своей агрессии. Чувствуя, что мать принимает его агрессию и в то же время ограничивает и направляет её, он учится принимать, ограничивать и направлять собственную агрессию, то есть подчинять её целостному эго.

Один из важнейших факторов в интеграции ребёнка — встраивание детской агрессии в психическую структуру; таким образом агрессия превращается в положительный компонент психодинамического единства. Эмоциональная реакция на любые неприятности в виде крика и дрыгания конечностями — нормальное поведение любого ребёнка, и любая нормальная мать воспринимает его именно как естественное. Даже если по какой-либо причине (например, из воспитательных соображений) её ответ на эти действия не будет открыто позитивным, её реакция, как правильно, всё же позитивна по сути — она жалеет малыша и старается его успокоить.

В некоторых культурах — как примитивных, так и современных — коллектив не одобряет эту естественную реакцию матери⁶. Этот случай как раз и представляет культурно

---

⁶ Абрам Кардинер, «Индивид и его общество». Маргарет Мид, «Пол и темперамент».

обусловленное отклонение от нормы. В результате у выросших в подобном обществе людей неизменно обнаруживаются отклонения, и они остаются отклонениями, пусть и расцениваются как норма в обществах, где они преобладают. Бескомпромиссное изучение некоторых культур и их понятия базовой личности (то есть той формы, которую они придают психической структуре ребёнка) невозможно, если только у нас не хватит смелости сравнить такое развитие с идеальным типом человеческого развития. Мать, отвергающая своего ребёнка до такой степени, что оставляет незаживающую рану на всю жизнь, должна считаться ненормальной, даже если в её культуре это вариант нормы, поскольку она не выполняет свою архетипическую роль: не способствует развитию специфически человеческих качеств ребёнка.

Конкретные фазы и формы динамического распределения агрессии между цельным эго, суперэго, тенью и самостью мы рассмотрим позднее. Агрессия, доступная цельному эго, необходима, поскольку она обеспечивает утверждение эго во внешнем мире, а внутри проявляется в виде самокритики и самоконтроля. Динамическое взаимодействие самости, суперэго и бессознательного меняется с каждой новой констелляцией. Агрессия, направляемая самостью, так же полезна для развития аутоморфизма или личности в противопоставлении внешней среде и культуре, как доступная суперэго агрессия, которая, напротив, ограничивает адаптацию личности к культуре и окружению.

В естественном процессе дифференциации ребёнка от матери встаёт конфликт между личным аутоморфизмом и первичной взаимосвязью — и здесь возникают ненависть и агрессия, как необходимое оружие в начинающейся борьбе за независимость. Эти вторичные негативные реакции естественным образом компенсируются и интегрируются в первичной взаимосвязи. Лишь нарушение первичной взаимосвязи и сопровождающее его более или менее выраженное нарушение аутоморфного развития способно повлечь за собой неправильное развитие эго.

Если в результате негативной первичной взаимосвязи сформировалось негативизированное эго, эта агрессия не интегрируется, и мы получаем явление, к которому полностью применим термин «нарциссизм».

Для детского страдающего эго характерны бессилие и ярость, чередование беспомощности и тревожных сигналов — то есть реакции на стресс, угрожающий жизни. Если ребёнок не впадает в апатию, его эго, находящееся во власти нуминозных сил Ужасной матери, беспокоится, и эта тревога вызывает компенсаторные реакции. Патологическая ситуация ребёнка, брошенного один на один со своей зависимостью и беспомощностью, заставляет его буквально взрываться яростью и агрессией, или, в терминах пищеварительного символизма, пробуждает в нём садистское, каннибалистическое желание пожрать собственную мать.

Здесь, как и во многих других случаях, психоанализ впадает в заблуждение из-за излишней озабоченности психическими болезнями. Неверно, что «ненависть предшествует любви»⁷ или что младенец — садист и людоед с самого рождения. Точно так же и недоверие ребёнка⁸ — не врождённое свойство, а реакция на страдания. Такие вот неверные толкования заслоняют позитивную, творческую сторону бессознательного и естественного развития человека, которую аналитическая психология ставит на первый план психической реальности. Патриархальное следствие такого невротического мышления — тайный или открыто признаваемый культурный пессимизм.

Когда эго оборачивается страдающим эго, чей опыт мира, самости и «ты» характеризуется голодом, незащищённостью, беспомощностью, Хорошая мать превращается в негативную Ужасную мать. Если на этой стадии эго уже обрело некоторую стабильность и независимость, в качестве компенсации за эту ситуацию заброшенности и несчастья ему преждевременно передаются полномочия. В нормальной ситуации эго развивается под защитой первичной взаимосвязи и может спокойно положиться на заботу Хорошей матери. Но при нарушении первичной взаимосвязи страдающее эго вынуждено преждевременно полагаться на себя; оно пробуждается слишком рано, и вся эта ситуация голода и тревоги принудительно тащит его к независимости.

---

⁷ Мелани Кляйн, там же.

⁸ Erik Erikson, «Wachstum und Krisen der gesunden Persönlichkeit», Stuttgart, Klett, 1953.

Естественно, что сильно нарушенная первичная взаимосвязь — как во многих неврозах и психозах — выражается в основном в ощущении «меня никто не любит». Часто его сопровождает почти невыносимое желание (нередко лежащее в основу невроза) компенсировать этот недостаток любви в первичной взаимосвязи интенсивным опытом другой любви.

Райской ситуации первичной взаимосвязи по природе недостаёт чётких контуров, и потому её нельзя воспринимать в категориях взрослого сознания. Поэтому её космический характер легко принять за неумеренность, а её открытость — за бесцельность. Однако нормальное развитие приводит к формированию аутоморфизма, коммуникабельности, цельного эго и адаптации к окружающей среде. Это развитие не подгоняется принудительно негативным изъятием любви, а, напротив, направляется любовью и доверием. Только страдающее эго, лишённое опыта защищённости — основы любой веры и доверия, — из-за своего недоверия и тревоги вынуждено развивать нарциссизм — выражение эго, ограниченного лишь собственными ресурсами.

Именно заброшенность приводит к образованию ожесточённого эго — эгоистичного, эгоцентричного и нарциссического. И хотя такая реакция понятна и необходима, она всё же является патологией, поскольку контакт такого эго с «ты», миром и самостью нарушается, а в крайних случаях даже полностью разрывается.

Нарушения первичной взаимосвязи на ранней стадии, когда эго ещё не сформировало свою независимую структуру, приводит к ослаблению эго, и здесь возникает опасность затопления бессознательным и растворения сознания. Однако с негативизированным эго ситуация другая. Оно отражает более позднее нарушение, когда консолидированное эго и систематизированное сознание вокруг эго выставляют защиту по всем фронтам, застывают и отгораживаются от мира и самости. Эта тенденция негативизированного эго закрыться от мира усиливает у ребёнка чувство заброшенности и незащищённости. Возникает порочный круг: агрессия, негативизм, ригидность эго сменяются ощущениями заброшенности, недостатка любви, унижения — и эти наборы чувств усиливают друг друга. Это одна из основных причин садомазохистских реакций и часто им сопутствующей патологической нарциссической ригидности эго.

Негативизированное эго нарциссично, но не антропоцентрично, поскольку основа антропоцентризма у ребёнка и у взрослого — прочная ось «эго — самость» и, как следствие, укоренение личного эго в безличном элементе, универсальной для человечества самости. В отличие от нарциссизма, антропоцентрическая позиция отражает успешную первичную взаимосвязь. Именно на её основе у человека развивается антропоцентрическое чувство защищённости, которое позволяет ему не только считать свою жизнь осмысленной, но и формировать связи с другими людьми.

Стабильность эго при нормальном развитии позволяет личности идентифицироваться с эго-комплексом и центром сознания. Это продолжение цельного детского эго, способное соединять положительное и отрицательное содержание в продуктивное и прогрессивное целое. Задача эго — быть представителем всей личности при столкновениях с внутренним и внешним миром, действовать — по крайней мере, в первой половине жизни — как исполнительный орган центроверсии. Оно выполняет две функции, на первый взгляд взаимоисключающие. С одной стороны, эго с помощью систематизации и интеграции должно создать единство сознания и сохранять его при помощи защитных механизмов. Оно должно предотвращать затопление и растворение сознания. Эта функция подразумевает усиление эго и защиту от бессознательного — и потому относится к фазе патриархата и патриархального развития эго. Но, с другой стороны, эго и сознание должны всегда оставаться открытыми к потоку изменчивых впечатлений и влияний, льющемуся из бессознательного и из мира. Только такая открытость позволяет быть в курсе окружающей ситуации и адаптировать к ней личность. Эта позиция эго соответствует матриархальному сознанию; и без живого, гибкого взаимодействия двух этих позиций эго и сознание не могут эффективно функционировать⁹.

---

⁹ Эта сложная двойственная ситуация несколько облегчается коллективом, который помещает личность в рамки культурного канона, таким образом задавая ей направление и избавляя от некоторых важных проблем и конфликтов.

Живое функционирование эго снаружи и извне, в патриархальном и матриархальном аспектах, — это необходимая основа продуктивной интеграции сознания и открытой личности, способной к прогрессивной трансформации и росту. В отличие от стабильного эго с его способностью к интеграции, негативизированное эго чрезмерно развивает защитные механизмы, становится ригидным. Но поскольку эта ригидность затрудняет развитие личности, вытесненное содержимое и влечения бессознательного накапливаются и в конце концов прорывают защитный барьер, затопляя сознание. В этом случае колеблющаяся двойственная ориентация цельной личности сменяется чередованием ригидности и хаоса, типичным для некоторых психических расстройств.

Даже у среднего взрослого это содержание остаётся бессознательным. Однако анализ здоровых и не очень здоровых людей неизменно выявляет важные связи между (1) нормальной первичной взаимосвязью и стабильностью оси «эго — самость», (2) открытостью для мира и бессознательного и (3) коммуникабельностью. Также анализ показывает, что нарушение первичной взаимосвязи угрожает всем этим качествам, формируя незащищённую, замкнутую, необщительную, асоциальную личность¹⁰.

Однако само по себе нарушение первичной взаимосвязи и то, что ребёнок голоден, одинок и несчастен, ещё не даёт достаточных оснований для прогноза. Необходимо оценить масштаб нанесённого ущерба, продолжительность негативной ситуации,

---

¹⁰ Самоочевидно, что асоциальные черты и негативизированное эго ещё не делают так называемое «социальное поведение» невозможным. Компенсация, социализация и сублимация могут помочь вернуть баланс. Более того, то, что сегодня сходит за социальное поведение, это вовсе не то же самое, что подразумевает под этим термином психология. К примеру, развитие агрессии с её стремлением к соревнованию и подавлением аутоморфизма во многих обществах считается социальным идеалом. В таких обществах ещё нет понимания того, что подобные тенденции воспитывают патологические формы личности, акцентуация которых ведёт к милитаристическим идеологиям или к прикрывающемуся философией нигилизму — выражениям изолированного негативизированного эго, потерявшего доступ к миру и самости.

то, как это нарушение было компенсировано окружающим миром, и — последними, но не в последнюю очередь, — врождённые факторы. Если катастрофа произошла не слишком рано и в ранней фазе жизни первичная взаимосвязь была позитивной, вполне возможен компенсаторный опыт Хорошей матери как безличного архетипа природы или как дерева, леса, сада, дома или неба. Здесь следует помнить, что ребёнок живёт в символическом мире мифологической апперцепции. Его мир или, по крайней мере, части этого мира близки унитарной реальности, и сад перед домом, ближайший лес или какое-то дерево могут стать для него воплощением укрытия, где он может спрятаться. Здесь вступает в свои права первичный, архетипический опыт мира, и лес, сад или дерево, символизировавшие Великую мать, в самом деле становятся Великой матерью, готовой принять ребёнка в свои объятия.

Подобные мифологические миры живут в детстве каждого человека. Будучи центрами детских снов и фантазий, они полны тайн. Это таинственный источник жизни; ребёнок окружает его секретными ритуалами и обычно скрывает его существование от взрослых, если только они не вступают в этот мир в качестве его товарищей по играм. Почти навязчивое желание слушать истории, рассказываемые в точности теми же словами, что и в прошлый раз, показывает необходимость ритуала, позволяющего ребёнку вступить в другой мир, который он также воспринимает как реальность. Вот почему вечер, время, когда ребёнок идёт в кроватку, — это время матери. Мать с её сказками, колыбельными, нежностью и защитой превращается в Великую мать первичной взаимосвязи. Она приносит чувство безопасности, защищённости, воплощая Мать ночи и богиню Внутреннего мира, в который входит ребёнок. В нашей культуре Бог-отец (и ежевечерняя молитва ему) присвоил себе роль, прежде безраздельно принадлежавшую матери.

Иногда уже подросший ребёнок возвращается к материнскому архетипу, воплощённому в природе. Это может оказаться полезным и в некоторых случаях даже стать для ребёнка спасением, и частично это совместимо со здоровым развитием. Когда отношения с «ты» не переживаются

через реальную мать, а становятся зависимыми от материнского архетипа, эта связь с человеческим «ты» может быть нарушена. (Разумеется, это относится лишь к тем случаям, когда опыт природы полностью замещает связь с матерью, а не существует параллельно с ней.)

Интенсивная ранняя активация материнского архетипа возможна также при творческой предрасположенности, для которой характерен активный мир архетипических образов. Как мир детства остаётся миром творческой одержимости — мы помним его как символический мир и как опыт унитарной реальности, — так и внутренний образ материнского архетипа занимает значительное место в психическом мире ребёнка и взрослого человека. Однако при неблагоприятных условиях активация коллективного бессознательного, компенсирующая потерю реальной матери, может быть чревата психозом. Это происходит, в частности, если отсутствует возможность творческого выражения этого мира внутренних образов.

Негативное страдающее эго ребёнка — это выражение патологически усиленного эго; оно принудительно было введено в это состояние и теперь должно держаться в нём на собственных ресурсах, хотя на данной стадии развития природа ещё не снабдила его необходимыми силами. За таким насильственным самоутверждением всегда прячется страх, заброшенность и недостаток доверия ко всему, что в нормальном случае заключено в первичной взаимосвязи, то есть по отношению к «ты», к миру, самости и бессознательному. Особенность этой опасности в том, что компенсаторное действие психе, которое в нормальной ситуации (с помощью оси «эго — самость») создаёт равновесие между отклоняющимися тенденциями эго и его способностью к адаптации, более или менее теряет свою силу.

Негативизированное эго — это эго, основы которого подорваны. Так что эго страдания вполне понятны. Его тревожность и фундаментальная неуверенность — это выражение изоляции, потрясающей основы аутоморфного развития и расшатывающей корни эго в самости, то есть в его собственной природе.

Целостная самость рождается в тот момент, когда самость, ранее воплощённая в матери, возвращается в ребёнка и создаёт

связь между природной и социальной функцией, уже активизированной в первичной взаимосвязи.

Последствия нарушенной первичной взаимосвязи показывают, что архетип (к примеру, архетип самости) не стоит воспринимать как естественный механизм, функционирующий автоматически. Психическая активация архетипов или, по крайней мере, какой-то их группы — например, Матери, Отца, Мудрого старца — предполагает первичную эвокацию архетипа, соответствующую текущей стадии развития ребёнка, через опыт во внешнем мире.

Эвокация архетипов и связанное с ней высвобождение скрытых психических разработок — не чисто внутриспсихические процессы; они протекают в архетипическом поле, охватывающем внутреннюю и внешнюю сферы и всегда предполагающем внешний стимул — мировой фактор.

«Дети-маугли», воспитанные животными, развиваются совсем иначе, чем это характерно для рода человеческого; материнский архетип коллективного бессознательного у них не появляется, чтобы компенсировать потерю реальной матери — как следовало бы ожидать, если бы компенсация архетипом была природным, врождённым процессом. Также требует объяснения отсутствие бессознательной компенсации, наблюдаемое при некоторых неврозах. Это довод против упрощённой гипотезы о том, что бессознательное или же личность в целом неизбежно оказывает компенсаторное воздействие. Однако случаи отсутствия компенсации становятся понятны, если мы принимаем тот факт, что в критические моменты психического развития личный внешний фактор архетипа (то есть реальная мать или отец) должен быть правильно пробуждён и активирован. В некоторых случаях личный пробуждающий фактор отсутствует или искажается каким-либо образом, и потому функционирование архетипической структуры психе серьёзно нарушается.

Когда мы говорим, что у архетипа «две ноги», мы подразумеваем, что архетип включает не только внутриспсихическую предрасположенность, но и мировой фактор. Когда мы говорим, что архетип включается эвокацией, мы подразумеваем, что архетипическая способность психе должна быть

высвобождена с помощью соответствующего мирового фактора.

Мы оставим открытым вопрос о том, применима ли эта интерпретация ко всем архетипам, и на данный момент ограничим обсуждение теми архетипами, где в центре символического канона стоит человеческая фигура, как в случае с архетипами отца, матери, старика, старухи, *pater aeternus*, анимы, анимуса и архетипа ребёнка. Все они присутствуют как латентные образы и связанные с ними символы. Мир, возникающий в связи с человеческими архетипами, — это во всех смыслах человеческий, социальный мир. Однако этот человеческий социальный элемент не следует путать с личным, частным; он трансперсонален и архетипичен. К примеру, первичная взаимосвязь между матерью и ребёнком универсальна для всего человечества, она коренится в коллективном бессознательном. Это одно из важнейших условий человеческого существования. Действительно, для постнатального эмбрионального существования мать — первая межчеловеческая, социальная связь, но, как мы видели, этот социальный элемент, воплощённый в матери, впервые проявляется анонимно, через архетип. Как показывает символизм материнского архетипа, этот архетип первоначально имеет размытый, всеобъемлющий характер, в соответствии с характером первичной взаимосвязи. Лишь со временем, с развитием детского эго и личности материнский архетип приобретает общечеловеческие, а ещё позднее — уже индивидуально человеческие черты.

Но именно потому, что любой человеческий младенец влияет на собственное постнатальное эмбриональное развитие с помощью и через посредство матери (это условие не выполняется лишь в редких патологических случаях), понятно и самоочевидно, что врождённый психический образ материнского архетипа нужно высвободить с помощью мирового фактора — реальной матери.

Первичная взаимосвязь — это взаимосвязь двух живых существ, чья инстинктивная тенденция¹¹ побуждает их искать

---

¹¹ Портман, там же.

полноты друг в друге; они ориентированы друг на друга; точно так же мужчина и женщина испытывают инстинктивное стремление соединиться. Биологи обнаружили, что в животном мире один инстинкт дополняет другой, как ключ подходит к замку. Это утверждение подходит и к человеческой жизни, хотя и в несколько в другом смысле. Здесь важно не только подчеркнуть трансперсональный, универсальный для человечества характер этой связи, но и понять, что она является одной из основ архетипической реальности.

Именно в первичной взаимосвязи наиболее ясно прослеживается архетипический контекст, выходящий за пределы психе и личности. Поэтому именно здесь мы вероятнее всего сможем что-либо узнать о происхождении архетипов.

Мы не подвергаем сомнению ни автономию бессознательного, ни спонтанное возникновение архетипических образов. И никоим образом — чтобы предотвратить возможное недопонимание — мы не считаем, что архетип во взрослой, то есть полностью развитой психе, нужно пробуждать извне. Однако спонтанность психе и возникновение в бессознательном спонтанных архетипических образов ничего нам не говорят об архетипе как таковом. Изначально аналитическая психология толковала его как соответствие внешнему опыту — как путешествие по ночному морю или путь солнца по небу — или как категорию опыта, первичный опыт, делающий возможным опыт вообще.

До настоящего момента большинство аналитических психологов довольствовались описанием компенсаторного воздействия архетипа на психе.

Юнг неоднократно — и совершенно правильно — указывал, что в некоторых стрессовых ситуациях может пробуждаться архетипический образ, помогающий матери, вызывая таким образом реакцию во всей личности, а в самых благоприятных случаях даже формируя новую ориентацию. Иными словами, аналитические психологи говорили почти исключительно об архетипических образах и первичных образах психе и коллективного бессознательного. Поначалу мы ограничивались только человеческими архетипами и были далеки от того, чтобы предполагать, что мы сможем разрешить этот необычайно сложный комплекс проблем, но,

по крайней мере, надеялись, что наш вклад позволит сформировать основу для дискуссии.

Мы уже говорили, что архетип связан с миром и имеет «две ноги» — поскольку у любого психического образа должны быть свои мировые факторы. Это означает, что архетип как таковой — это живое, динамическое поле связанности в унитарной реальности, от которого лишь значительно позже отделяется то, что мы называем психе. Если архетипический образ — представитель этой связи и освободитель всевозможных психических реакций, то архетип как таковой и есть сама связанность.

Подобная связанность — к примеру, в первичной взаимосвязи — это архетипическое поле, которое мать и ребёнок в нормальной ситуации заполняют своим физическим и психическим поведением. Оно в равной степени присутствует в кормлении и согревании ребёнка матерью, в сосательном инстинкте младенца и в эмоциональной связи между ребёнком и матерью. Материнское молоко — такая же часть архетипа (если мы можем вообще говорить здесь о частях), как и улыбка матери и её любящая забота. Для младенца молоко равно матери. И между всеми функциями материнства, которые наше сознание делит на психические и физические, существуют отношения соучастия, смешения, выраженные образами и мифологической апперцепцией психе как символический канон архетипа Великой матери.

Именно это архетипическое поле, выходящее за пределы психе, при нормальных условиях обеспечивает существование почти парадоксального феномена — живого психофизического симбиоза двух существ, соединившихся в этом поле, как это требуется для выживания и развития вида. В этом смысле архетипическое поле — и это верно для человеческих архетипов в общем, не только для первичной взаимосвязи, — выражает тот факт, что человечество есть психосоциальное единство¹². Ни один человек не может существовать и развивать специфически человеческие

---

¹² Вероятно, это верно и для нечеловеческих организмов, обитающих в архетипическом поле, с их инстинктивным, чуждым нам знанием.

свойства в изоляции. Существование человека возможно единственно в форме социального существования. Следовательно, человеческие архетипы — это выражение отношений между людьми. Этот социальный фактор допсихичен; постепенно отделяясь от унитарной реальности, психе начинает формировать образы, выражающие это допсихическое положение вещей и делающие его понятным для сознания. Только когда унитарная реальность представлена в образах, психе может развиваться, дифференцируясь от тела; с появлением сознания унитарная реальность становится полярной, разделяясь на субъект и объект.

Когда два человеческих существа столь сильно связаны, их обоюдное влечение формирует двустороннюю связь между ними, высвобождая соответствующие архетипы в психе друг друга. Итак, для запуска этих трансперсональных факторов архетипов требуется два человека. Более того — таким образом они участвуют в унитарной реальности, превосходящей не только индивидуальное, но и просто психическое (я говорю «просто», поскольку внешняя реальность архетипического влечения, существующая за пределами психического и физического, выходит за его пределы). Когда мы осознаем эту межчеловеческую реальность и «двуногость» архетипа, нам станет ясно, что архетип невозможно пробудить каким-либо спонтанным процессом в психе — иначе материнский архетип проявлялся бы и у детей, брошенных матерями, и они могли бы нормально развиваться, а не превращаться в идиотов или даже гибнуть.

Отношения матери и ребёнка — великолепный пример ситуации симбиотического поля, необходимого для высвобождения архетипического образа. После того, как архетип успешно пробудится и завершатся первые стадии первичной взаимосвязи, архетип может стать автономным и функционировать как независимый орган. Тогда он проявляется через все трансперсональные символы и свойства, характерные для него — а не только для высвободившей его реальной матери.

Центральный симптом нарушенной первичной взаимосвязи — *изначальное чувство вины*. Оно характерно для психических расстройств западного человека. Как бы это

странно ни звучало, необходимость нейтрализовать недостаток любви (результат нарушения первичной взаимосвязи) заставляет ребёнка не обвинять мир и людей, а чувствовать вину за собой. Этот тип чувства вины проявляется на ранней фазе развития; его не следует путать с более поздним ощущением вины, связанным с разделением Мировых родителей и проявляющемся в эдиповом комплексе, — а тем более не стоит пытаться связать эти ощущения между собой. Очевидно, что изначальное чувство вины — не результат сознательной рефлексии, однако оно ведёт к убеждению, что ребёнок сам виноват в нелюбви к нему, он ненормальный, больной, «прокажённый» и прежде всего «обречённый». Это убеждение будет в дальнейшем играть определяющую роль в существовании и развитии ребёнка.

«Мифологическая апперцепция» ребёнка, пока ещё не сопровождаемая эго-сознанием, не ощущает дезертирство реальной матери как несправедливость; напротив, мифический характер матери, составляющий суть архетипа, и формирует опыт отвержения. Поскольку мать — это «ты», мир и самость в одном лице, её отступничество погружает мир в хаос, в ничто, «ты» исчезает, оставляя ребёнка в полном одиночестве, или же превращается во врага и преследователя, тогда как собственная самость ребёнка становится воплощением Ужасной матери. В этой мифологической ситуации сама жизнь, в образе Великой матери, отворачивается от ребёнка, и не остаётся ничего, кроме смерти. Как для опыта ребёнка «отсутствие» и «смерть» равнозначны, так и отсутствие матери означает для ребёнка его смерть. Великая мать первичной взаимосвязи — это богиня судьбы, от милости или немилости которой зависит жизнь или смерть, позитивное или негативное развитие; более того, её отношение к ребёнку — высший суд, и потому отвержение для ребёнка идентично неизвестной, но несомненной вине.

Ощущение первоначальной вины восходит к стадии до формирования эго. Поэтому взрослому эго кажется, что это чувство вины терзало его с самого рождения. Изначальная вина заставляет ребёнка связывать нарушение первичной взаимосвязи с его собственной виной или первородным грехом.

Поскольку самость ещё толком не сформировалась, независимой оси «эго — самость» ещё не существует, а мать, отвернувшаяся от ребёнка, столь величественна и божественна, что невозможно и помыслить об оспаривании её приговора, её осуждение воспринимается как высший суд. И на этой фазе ребёнок возлагает вину за все несчастья на единственное существо — себя самого. Часто бывает, что дальнейшее развитие отношений ребёнка с отцом компенсирует ущерб. Иначе это чувство вины превращается в комплекс, всю жизнь медленно разрушающий личность, если позднее он не разрешается, поднявшись в сознание или ассимилировавшись.

Ощущение вины в матриархальной фазе, вырастающее из нарушенной первичной взаимосвязи, соответствует формуле: «Быть хорошим значит быть любимым своей матерью; ты плохой, потому что мать не любит тебя». Негативная первичная взаимосвязь в раннем детстве вызывает даже не частичное, а полное расстройство; ребёнок, исключённый из первичной взаимосвязи, исключён и из естественного миропорядка и начинает сомневаться, оправдано ли его существование.

В примитивной психологии у болезни или несчастья всегда должна найтись причина; однако не такая, которую мы называем естественной, а моральная либо логическая. Обвинить нужно какое-то зло — злого волшебника, злых духов или же проступок самого пострадавшего. И такое соответствие несчастья, страдания и вины не ограничивается Книгой Иова; оно уходит глубоко в религиозное сознание человека, как древнего, так и современного. Разумеется, позднее это первоначальное ощущение вины рационализируется и включается в развитие негативизированного эго, а ещё позднее — эдипова комплекса. Однако анализ показывает, что это чувство вины, будучи неанализируемым элементом психе, сопротивляется всем попыткам объяснить его или поднять на уровень сознания. Похоже, что единственный способ избавиться от этого чувства вины и его последствий в первой половине жизни — создать ситуацию переноса, воспроизводящую первичную взаимосвязь, и таким образом восстановить повреждённую ось «эго — самость». Если же структурные повреждения не так серьёзны, можно рассмотреть возможность внутриспсихического процесса,

в котором появляется Великая хорошая мать и побеждает негативный элемент, возникший в результате нарушения первичной взаимосвязи¹³. Но как правило, такой процесс может иметь место уже во второй половине жизни.

Последующее развитие эго или рационализации неспособны — или способны, но с огромным трудом, — заглушить первоначальное чувство вины. Так происходит потому, что нарушение первичной взаимосвязи наносит серьёзный ущерб личности и даёт толчок патологическому развитию, которое — несмотря на отсутствие объективной вины ребёнка — приводит к образованию негативизированного эго и включает неестественно высокую эмоциональность, сильные неинтегрированные агрессии, а также эгоцентричную, нарциссическую, асоциальную позицию, осознаваемую эго. Такое эго, лишённое любви и терпеливости первичной взаимосвязи и потому неспособное к интеграции, терпимо к себе не больше, чем к кому-либо другому. Там, где в нормальном случае развивается суперэго, здесь появляется агрессия, направленная на себя же, вдобавок ко всем прочим агрессиям, осаждающим эго.

Пытаясь достичь понимания психической структуры и её внутренней динамики с позиции аналитической психологии, мы сталкиваемся с проблемой одновременно структурной и генетической. Сейчас мы должны попытаться пролить свет на отношения эго с самостью с одной стороны и эго с суперэго с другой, поскольку проблему тревожности и вины, столь часто занимающих центральное место в расстроенной психике, невозможно решить без понимания этих контекстов.

---

¹³ Здесь я лишь мимоходом упомяну ещё один, более удачный способ преодолеть негативную первичную взаимосвязь ещё в детстве — а именно усиленную компенсаторную связь с отцом. Это развитие характерно для героических мифов. Хороший пример — миф о Геракле, которого богиня, Ужасная мать, попыталась убить, послав к нему змей. Но благодаря тесной связи с отцом Зевсом Геракл побеждает: он душит змей и тем самым ещё в колыбели вступает в героическую борьбу с могущественной Ужасной матерью. Но из мифа ясно, что только вмешательство богов помогает освободить героического ребёнка из негативной сферы Ужасной матери.

Суперэго рождается и становится важным, когда ребёнок выходит из первичной взаимосвязи или, иными словами, матриархальной фазы психического развития и вступает в патриархальную фазу, в которой доминирует отцовский архетип. Тогда как матриархальной фазой управляет в основном природа, патриархальная фаза несёт с собой систематизацию сознания, разделение сознания и бессознательного и доминирующее влияние «Отцов», то есть преобладающего культурного канона, являющегося выражением отцовского архетипа, соответствующего текущему времени и культуре.

Мы выделяем два уровня вины, соответствующие двум этим фазам. Даже при нормальном развитии уже на сравнительно ранней стадии возникает патриархальное чувство вины. Однако это чувство вины, реакцию ребёнка на ту роль, которую культурный канон играет в его воспитании, следует считать вторичным; его причины и последствия определить сравнительно легко, как и нейтрализовать его. А вот изначальное чувство вины, предшествующее ему, матриархально; иррациональность, которую оно вызывает в эго на ранней стадии развития, трудно понять и излечить.

Фрейд пишет о «негативной терапевтической реакции» и о «чувстве вины, которое находит удовлетворение в болезни и не желает отказаться от наказания в виде страданий». «Приведённое описание, — продолжает он, — применимо к самым крайним случаям этой ситуации, но в большинстве случаев также следует считаться с этим фактором, хотя и в меньшей мере — например, во всех сравнительно сложных случаях неврозов»¹⁴. По-видимому, здесь он как раз описывает «изначальное» чувство вины.

Фрейд совершает ошибку, производя суперэго от эдипова комплекса и вообще от отца; он считает его авторитетом, источником которого является интроекция. Как это часто случалось с Фрейдом, это заблуждение возникло из-за того, что он хотел одновременно подвести филогенетическую основу суперэго, которая — как предполагают его размышления о тотеме

---

¹⁴ Фрейд, «Я и Оно».

и отцеубийстве — предполагает наследование повторяющегося индивидуального опыта. Более того, Фрейд видел женщин в довольно странном свете, с его точки зрения они, строго говоря, не имеют ничего общего с зарождением морали¹⁵. (Ниже мы увидим, что открытия Фрейда приобретают новое значение, если их рассматривать не с личностной позиции.)

Если проследживать мораль назад к истокам, к матриархальной фазе, мы столкнёмся не только с изначальным чувством вины, родившимся из нарушения первичной взаимосвязи, но и с позитивным фактором, соотносящимся с этим негативным развитием. А именно: если первичная взаимосвязь успешна, первичный этический опыт матриархата соответствует филогенетическому этическому опыту матриархальной фазы развития человечества. Опыт самости через посредство матери в первичной взаимосвязи и формирование целостного эго заставляют ребёнка почувствовать не только собственную слабость, зависимость и беспомощность, но одновременно и защищённость, безопасность в упорядоченном мире. Тот факт, что опыт самости, продуктом которой является эго, мы получаем через мать, доверяясь ей в унитарной реальности, — это основа веры человека не только в себя и в «ты», но и в согласованность, упорядоченность мира. Гармония с этим естественным миропорядком и есть первичный этический опыт матриархальной эпохи — и она же, что характерно, является этическим стандартом взрослой женщины.

Детская формула: «Каким тебя любит мать, таким ты и должен быть» — и, при успешной первичной взаимосвязи, — «таким ты и являешься» — это основа опыта мира, в котором антропоцентрическое ощущение существования ещё

---

¹⁵ Там же: «По гипотезе, изложенной в «Тотем и табу», они (религия, мораль и социальное чувство) филогенетически приобретались в отцовском комплексе; религия и моральное ограничение — путем преодоления прямого эдипова комплекса; социальные же чувства вышли из необходимости побороть соперничество, оставшееся между членами молодого поколения. Во всех этих этических приобретениях мужской пол шел, по-видимому, впереди; но скрещенная наследственность сделала их и достоянием женщин».

не отделено от естественной встроенности во всеобъемлющую реальность. Внутренний закон инстинктивного порядка — это (бессознательно) направляющая мораль. Аутоморфизм формирования себя, направляемого бессознательным, основанный на успешной первичной взаимосвязи с её эротическим компонентом взаимной любви, находится в гармонии с внутренним и внешним этическим законом. Если применять формулировку Фрейда, религия, мораль и социальные чувства пока остаются одним целым, и их общий корень находится в первичной взаимосвязи; от её успешности зависит развитие этих основных составляющих высшей жизни человека. Филогенетически порядок и мораль Великой матери обусловлены опытом собственного тела ребёнка, а также мирового ритма дня, ночи и времён года. Этот ритм определяет жизнь всего органического мира, и основные ритуалы человечества настроены с ним; быть встроенным в этот ритм означает, на матриархальной стадии, быть, в общем и в частности, в порядке.

В нормальных обстоятельствах то же самое происходит и онтогенетически через связь ребёнка с матерью, при условии, что она не нарушает естественный ритм ребёнка, а подстраивается под него. С помощью гармонии между ритмами ребёнка и матери — а последний в первичной взаимосвязи воспринимается ребёнком как идентичный его собственному — образ матери становится представителем внутреннего и внешнего порядка. Пока мать чувствует нужды ребёнка и действует соответственно, врождённый порядок ребёнка согласуется с порядком, претворяемым матерью. Опыт любви и гармонии с высшим порядком, который одновременно соответствует собственной природе ребёнка — это первая основа морали, не принуждающей человека, а позволяющей ему неспешно развиваться. И вновь мы видим основу мирового порядка, охватывающего внешний и внутренний мир, к которому ребёнок принадлежит, в котором он укрыт, как в матери, содержащей его.

Корень самой ранней и основной матриархальной морали следует, таким образом, искать в гармонии между ещё не расколотой целостной личностью ребёнка и самостью, находящейся в матери. Этот базовый опыт гармонии с самостью и есть основа аутоморфизма. Во второй половине жизни он появляется снова

в виде моральной проблемы индивидуации. Стать и оставаться целостным возможно, лишь находясь в гармонии с мировым порядком, с тем, что китайцы называют Дао. Тот факт, что эта матриархальная мораль основана не на эго, а на целостной личности, отличает её от вторичной эго-морали патриархальной стадии сознания.

Этот первичный матриархальный опыт порядка формирует ребёнка и становится позитивной основой его социального чувства, которое Бриффолт первым сообразил производить от связи матери с ребёнком, поскольку оно существовало на протяжении всей истории человечества¹⁶. И здесь Фрейд был снова введён в заблуждение своими патриархальными пред-рассудками и излишним вниманием к отцовскому архетипу. «Даже сегодня, — пишет он, — социальные чувства появляются в индивиде как сверхструктура, выстроенная на импульсах ревности и соперничества с братьями и сёстрами»¹⁷.

Действительно, часть социального сознания, основанная на сдерживании и подавлении негативных импульсов, появляется именно таким образом, но «мораль совести», то есть адаптация эго к запретам общества, не имеющая ничего общего с социальным чувством, — это уже вторичное явление. Ей предшествует истинное социальное чувство, которое развивается в позитивной первичной взаимосвязи и служит основой всех отношений индивида с окружающими. Оно соответствует первичному опыту порядка и сверхструктурой не является.

Здесь может возникнуть вопрос, связан ли вообще опыт порядка матриархальной стадии каким-либо образом с моралью и не является ли он просто естественно гармоничным, но находящимся за пределами морали чувством бытия. Но поскольку искажение позитивного опыта порядка в первичной взаимосвязи неизбежно вызывает изначальное чувство вины, мы определённо можем говорить о моральном опыте.

По мере развития сознания и перехода от материнского архетипа к отцовскому, от унитарной реальности к поляризованному

---

¹⁶ Бриффолт, «Матери».

¹⁷ Фрейд, «Я и Оно».

миру сознания, эго постепенно обретает независимость. Оно становится самостоятельным, выбираясь из безопасных объятий первичной взаимосвязи и самости. На первой стадии, под прикрытием первичной взаимосвязи, самость переместилась из матери в ребёнка, и сформировалось целостное эго. Теперь же начинается новый процесс развития, ведущий к постепенному разделению систем и противопоставлению эго самости.

Пока эго содержится внутри материнской самости, эта самость играет роль упорядочивающего принципа и единственного морального авторитета. Только с возникновением конфликтов между эго и самостью в процессе дифференциации возникает и конфликт между различными типами моральных авторитетов внутри личности. Эти конфликты играют критически важную роль как при нормальном, так и при патологическом развитии эго.

В «Происхождении и развитии сознания» доказывалось, что эго — не просто «представитель внешнего мира», делающий внешний мир доступным для бессознательного и Ид с его слепой ориентацией на принцип удовольствия, как считал Фрейд («Ид получает опыт внешнего мира только через посредство эго»¹⁸). С позиции аналитической психологии, целостная психическая система, частью которой является бессознательное, не отрезана от внешнего мира, но рождается в контакте с ним и развивается в этом мире и через его посредство. Как и у животных, наш инстинктивный мир бессознательного с его реакциями и правилами — «от мира сего». Он не ведёт уединённое, отдельное существование, которое следовало бы адаптировать к реальности при помощи эго и сознания. Постоянная адаптация инстинктов к миру — неперенное условие и основа как человеческого, так и животного существования.

Роль эго-сознания заключается в том, чтобы привести коллективные реакции бессознательного с их ориентацией на внешний мир в гармонию с разнообразными требованиями, налагаемыми уникальной объективной и субъективной ситуацией индивида. Коллективное сознание культурного канона,

---

¹⁸ Там же.

то есть набора ценностей и требований, предъявляемых коллективом, следует также считать частью объективной ситуации. Чтобы выполнить свою синтезирующую функцию, эго должно добиться равновесия между конфликтующими внешними и внутренними запросами коллектива и личности соответственно.

Принимая свою роль в этом мире, эго попадает в конфликт, который будет оказывать на него глубокое влияние на протяжении практически всего его существования. Если бы эго было всего лишь представителем оси «эго — самость» и исполнительным органом аутоморфизма, оно вступало бы в конфликт только и единственно с природой. Эго существование — по крайней мере, сознательное существование — как и у животных, не имело бы других целей, кроме самосохранения и самоутверждения перед лицом окружающего мира. Но наша ситуация существенно усложняется и обогащается социальной констелляцией человека.

Человеческое эго с самого начала растёт в человеческой среде, и даже бессознательные архетипические факторы, частично определяющие его развитие, также изначально специфичны для человека. Говоря о коллективном бессознательном и об архетипах, формирующих и определяющих человеческие реакции, мы в значительной степени подразумеваем факторы, характеризующие человеческий род как таковой, то есть отличающие человека от животных. Эго человека должно вращаться в определяющую его коллективную культуру, и это само по себе специфическая черта развития человека. Должны реализоваться некоторые предрасположенности; личности родителей активируют и помогают сформировать архетипическую ситуацию, но не создают её с нуля. Человеческая природа сама определяет архетипически обусловленное развитие на первой стадии жизни, когда доминирует материнский архетип; на второй стадии преобладает архетип отца. Эту архетипическую ситуацию обычно воплощают и, как мы уже видели, частично формируют реальные родители; однако эти стадии развития включают не только семейную историю ребёнка, но и выходят далеко за её пределы, охватывая развитие человечества с существования

в природе до существования в природе и культуре. Покидая первичную взаимосвязь и входя в социальное окружение, каждый ребёнок сталкивается с необходимостью пройти тот же путь психического развития, что и всё человечество в целом, выйти из-под покровительства бессознательного и вступить в двойственную природу взрослой человеческой психе, одновременно сознательной и бессознательной.

ОТ МАТРИАРХАТА К ПАТРИАРХАТУ

Развитие, в результате которого ребёнок выходит из первичной взаимосвязи и достигает большей самостоятельности, в нашей культуре совпадает с переходом от психологического матриархата с преобладанием материнского архетипа к психологическому патриархату, где доминирует архетип отца.

В «Происхождении и развитии сознания» мы показали, что этот переход неотделим от естественного развития сознания. Но там мы сделали акцент на общечеловеческом и символическом аспектах. Сейчас же мы попытаемся выделить несколько онтогенетических процессов в психике ребёнка, соответствующих этому переходу.

Развитие сознание у обоих полов можно рассматривать в общем, поскольку переход от матриархата первичной взаимосвязи к патриархату происходит как у мальчиков, так и у девочек. Освобождение ребёнка мужского пола от матери подробно описывается в «Происхождении и развитии сознания». Мы как минимум затронем отличия в развитии девочки далее в этой книге, поскольку связи матери с дочерью на первой стадии специфического женского развития следует придавать особое значение.

В уроборической фазе первичной взаимосвязи мать проявляет параллельно активные и пассивные, порождающие и зачинающие черты. Они предшествуют тому, что ребёнок будет в дальнейшем воспринимать в конфликте между отцом и матерью. Так, поток молока из материнской груди может восприниматься и как отцовский оплодотворяющий поток, тогда как её объятия означают единство, содержание внутри матери. Поэтому самое раннее восприятие матери, если бы его можно

было поднять до уровня сознания, показало бы нам некое первобытное двуполое существо. Не только материнский и отцовский аспекты, но и женский и мужской содержатся в уроборическом Великом круге матери; ребёнок получает не только их символический опыт через бессознательную мифологическую апперцепцию, но и физический — через действия матери.

Аналитическая психология рассматривает человека как двойное существо, в котором всегда присутствуют элементы противоположного пола — в форме анимы у мужчины и анимуса у женщины¹. Этот основной факт, относящийся также и к матери в первичной взаимосвязи — то есть присутствие в её психе мужского принципа, анимуса, — играет важнейшую роль не только в первичной взаимосвязи, но и на той стадии, когда ребёнок вырастает из неё.

Патриархальный уроборос и женщина

В «Психологии переноса»² Юнг показывает, что отношения двух взрослых характеризуются конstellацией кватерности (четверичности); иными словами, их связь четверична. В психике взрослого человека с отдельными системами сознания и бессознательного мужское сознание и женское бессознательное мужчины и женское сознание и мужское бессознательное женщины взаимосвязаны и оплодотворяют друг друга. Так рождается перекрёстная четверичная взаимосвязь. Ребёнок, в котором ещё не сформировалась структура с противопоставлением мужского и женского, сознания и бессознательного, учится различать противоположности на основе материнской «двуполой» структуры. Другими словами, ребёнок *в соучастии* первичной взаимосвязи развивает собственные активный и пассивный, мужской и женский способы реакции через отношения с женским и мужским аспектами матери. Ещё до встречи с мужским принципом, воплощённым в отце, он знакомится с мужским принципом

---

¹ К. Г. Юнг, «Отношения между эго и бессознательным».

² К. Г. Юнг, «Психология переноса».

в бессознательном аспекте матери. Тогда как в сознательной ориентации женщины на мир и мужчину (если только она не идентифицируется полностью с миром мужских ценностей) преобладает в основном принцип эроса, её бессознательный мужской мир представляет принцип логоса и номоса (закона), духа и морали, который в аналитической психологии называется миром «анимусов».

Анимус женщины состоит из бессознательных заключений, позиций, толкований и мнений, вырастающих (если только они не относятся к её бессознательной структуре, благодаря которой её женский дух отличается от мужского духа) из культуры, к которой она принадлежит. В нашей культуре женщина бессознательно впитывает патриархальные ценности своего окружения ещё в раннем детстве. И поэтому в процессе развития она сталкивается с непростой задачей: ей нужно отбросить предрассудки, обрушенные на неё ценностями патриархальной культуры, и перебороть патриархального анимуса, чтобы получить доступ к духовному аспекту, специфичному именно для женской природы. Это означает, что культурный канон (в нашем случае патриархальный) определяет не только сознание матери, формирующее своими суждениями, ценностями и убеждениями детское эго, но и самый верхний уровень бессознательного с его бессознательными суждениями и оценками. Эта позиция приходит через личный опыт женщины, через интроецированные фигуры и представления о ней мужского мира.

Незаметно для женщины её отец, брат, дядя, учитель и муж формируют её способ реакции. Скрываясь под маской материнских суждений и предрассудков, все эти мужские элементы играют свою роль в воспитании ребёнка, подготавливая его таким образом к адаптации к господствующей культуре.

Но под этим уровнем анимуса, сформированным патриархатом, лежит, даже у современной женщины, мир матриархального сознания, в котором преобладают, с одной стороны, мужские силы, заключённые в материнском архетипе, а с другой стороны, «патриархальный уроборос», мужской духовный аспект, характерный только для женщин. Здесь мы можем проследить иерархическую структуру. На верхнем уровне, ближе всего к сознанию, находятся анимусы, относящиеся

к преимущественно патриархальному культурному пласту. «Старика», архетип смысла, нельзя причислять к женским анимусам, поскольку это универсальный для всего человечества архетип. Однако же он представляет не смысл как таковой, а смысл в его мужской форме. «Старуха» — также универсальный архетип смысла, активный в мужчине и в женщине, но с акцентом на женском. Фигура Старика ближе к мужской самости, а Старухи — к женской. Духовные силы Старухи, воплощающей человеческую стадию матриархально определённого существования, также маскулинны, это анимусы матриархального слоя; они относятся к духовному аспекту женского и, подобно ему, сильно перекрываются и подавляются патриархальными анимусами. Эти матриархальные анимусы сопровождают Старуху, часто принимая облик мудрых животных, наделённых магическими силами, или же гномов, гоблинов, чертей и демонов — символов женской мудрости, идущей от природы и инстинктов.

Образ патриархального уробороса ограничивает бесформенное. Он принадлежит к самому глубинному архетипическому слою мужских сил, действующих в женщине, и тесно связан с природой. Но этот природный дух принимает вселенские масштабы. В нижнем своём аспекте он может принять облик животного — змеи, птицы, быка или барана. При этом как для демонического или божественного духа, врывающегося в женщину и оплодотворяющего её изнутри, для него характерны символы ветра, бури, ливня, грома и молнии. В высшей форме он является как сверхъестественная музыка, несущая опьянение, экстаз, переполнение чувств, как волшебство высшей ясности и гармонии, *coniunctio* с бытием, охватывающее женщину. В словах «наполнена», «побеждена», «растворение в экстазе» язык сохраняет могущественные образы сексуального символизма, связанные с вторжением в женщину патриархального уробороса. Но, несмотря на этот маскулинно-патриархальный аспект, символизм патриархального уробороса выходит за пределы сексуального символизма и включает противоположности, соединяя их в одно, как музыка включает женскую минорную и мужскую мажорную гаммы.

Великая мать связана с этим трансперсональным мужским принципом, оплодотворяющим повелителем, как с духом, который берёт над ней верх и вещает внутри неё. Этот патриархальный уроборос, лунный дух — низший хтонический мужской принцип, или, говоря языком мифологии, фаллический повелитель сексуальности, желаний, роста и плодородия, и в то же время высший духовный принцип, в форме экстазов и видений переполняющий пророциц и муз, провидиц и одержимых. Как и все мифологические силы, этот лунный дух продолжает действовать и в современном человеке. Это основная психическая констелляция женщин, детей, а также тех глубинных слоёв мужской психе, в которых властвуют базовые женские силы.

Если, как в первичной ситуации, этот мужской принцип всё ещё неразрывно связан с женским и не проецируется вовне, на носителя духа, женщина воспринимается как партеногенная, «мать собственного отца», как прародительница мужчины.

Пока женский принцип остаётся Великой матерью, мужской духовный принцип, лишённый формы, равен ей, но в воплощениях обычно ей подчиняется. Так, невидимый как ветер или видимый как луч света, мужской принцип может оплодотворять не только физически, но и духовно. Однако в дальнейшем великая богиня, в чьём ведении находятся жизнь и смерть, обзаводится спутниками. Это творящий, фаллический мужской принцип как бог жизни и вооружённый убивающий мужской принцип как бог смерти. Луна — наиболее частый образ, совмещающий оба аспекта. Как символ патриархального уробороса, она одновременно является тем, кто рождается от женщины, и духовным принципом, рождающим от женщины. Это фаллический бык и изогнутый полумесяцем меч героя, но одновременно это и дух, наполняющий экстазом пифию, и дух безумия, сопровождающий разрушительную, лишающую разума Великую мать, превращающую своих жертв в «лунатиков».

Женщина воспринимает этот лунный дух патриархального уробороса как нечто мужское, проникающее, побеждающее, нечто, чему открывается принимающая, пассивная женская психе, нечто заполняющее психе, как неизвестная бессознательная сила. Эта сила проявляется в женщине в форме стремления, направляющего и принуждающего её личность, но одновременно это

и духовное содержимое, инстинкт, который направляет и оплодотворяет её в форме образа и интуиции, вдохновляющего чувства и настроения или настойчивой необходимости.

Интуитивное знание, инстинктивные, основанные на чувствах и эмоциях, природные и бессознательные свойства, столь часто приписываемые женщинам, — далеко не просто проекция женского аспекта мужчины на женщину; они рождаются из базовой констелляции, а именно близости женщины к своему бессознательному, а в особенности к духовному аспекту. Эта близость, эта сравнительно большая открытость вторжению бессознательного — основа большей иррациональности женщины. Такая открытость всему подряд, если она не контролируется сознанием, будет скорее недостатком. Женщины обычно считаются более суеверными, впечатлительными и некритичными, нежели мужчины; это неизбежная тёмная сторона их повышенной чувствительности, внутренней восприимчивости и интуиции.

Это внутреннее духовное влияние бессознательного проявляется в женщине как позиция веры и знания, как представления и ценности, часто определяющие её жизнь независимо от, а то и вовсе противоположно её сознательным убеждениям. В виде мужского духа, с которым созвучно женское эго, они всплывают с более глубинного слоя, нежели те духовные позиции, которые, как анимусы патриархального мира, доминируют в сознании женщины. Фигуры анимусов обоих слоёв появляются в снах и фантазиях в виде комплексов, захватывающих бессознательное женщины. Они принимают облик мужчины, поскольку одно из их основных свойств — способность к настойчивому проникновению в женскую личность и сознание.

Именно по этой причине женщины во всех культурах и во все времена нередко становились жертвами «одержимости», и захвативший их дух неизменно считался мужским. Сюда относятся одержимость провидиц и жриц богов или духов предков, ведьм и шаманок, женщин с истерией, одержимых диббуком или сатаной, а также женщин-святых или медиумов. Примечательно, что даже когда одержимость выражает исключительно духовное или психическое содержание, оно часто демонстрирует сексуальный символизм с акцентом на «проникновении», «принятии

в себя» и «зачатии». Но в то же время патриархальный уроборос приносил откровения высшего духовного порядка, высшего смысла, которые заявляли о себе, несмотря на страх и сопротивление женщины. Однако такой инсайт, принесённый патриархальным уроборосом, это высшее откровение, смысл которого становится ясен лишь со временем, когда женщина подчиняется принципу, воплощённому в мужчине, и начинает следовать его указаниям.

Указания эти, однако же, не принимают форму логического знания; скорее это мудрость Эроса. Следуя путём Эроса, женщина не столько удовлетворяет свои нужды, сколько осознаёт свой женский дух — это и есть тайна, явленная ей патриархальным уроборосом. Так, бок о бок с эротическим аспектом, патриархальный уроборос одновременно принимает творящую форму логоса, которая, в соответствии со своим мужским символизмом, оплодотворяет женский принцип.

Итак, патриархальный уроборос — первый образ принудительного направления, поднимающийся из бессознательного и утверждающий своё направление не только вопреки всем прочим инстинктивным склонностям, но и преодолевая сопротивление сознания, если таковое возникает. Для него характерны не только внезапная атака бессознательного содержимого и сопровождающий её поток непреодолимых эмоций, но и тот факт, что благодаря своей активной и определяющей силе направления он является бессознательным упорядочивающим духовным принципом. Любая ранняя культура основывается, сперва бессознательно, а затем и сознательно, на этом порядке, отражённом в ритуалах и обычаях. Поскольку этот порядок также отделяет святых от невежд, разрешённое от запрещённого, хорошее от плохого, он является предпосылкой того, что на более поздней стадии развития проявляется как мужской принцип логоса, сознание и мужской дух.

В патриархальной культуре сознания влияние этого бессознательного духовного аспекта, ориентированного преимущественно на природу и универсальные повторяющиеся конstellации жизни, постепенно уменьшается. Мужчины больше заняты уникальными, изменчивыми факторами бытия и развитием абстрактного сознания, науки и технологии.

Соответственно, в патриархальной культуре акцент делается на развитии сознания и активной магии, которая в древние времена шла с ним рука об руку. Однако в первичной взаимосвязи сохраняется матриархальный «акцент на жизни», поскольку у людей, как и у прочих млекопитающих, мать должна быть открыта бессознательному, чтобы успешно вырастить потомство, необходимое для выживания вида. Эта ориентация на бессознательное зависит от развития Эроса или принципа связности, посредством которого эго одновременно принимает участие во внешнем мире и мире бессознательного. Это соучастие и открытость совершенно необходимы, если нужно вывести на первый план духовный аспект инстинктов и усилить его направляющее влияние.

У животных и тех людей, в чьей жизни преобладает бессознательное, этот бессознательный духовный принцип проявляется в инстинктивном руководстве, неожиданных настроениях или вдохновениях, указывающих верный путь. Рудиментарные формы этой настройки на бессознательное встречаются и у животных, чьё поведение при уходе и выращивании потомства зависит от появления или отсутствия определённых настроений. В мире животных, где самец, в отличие от человека, не специализируется на развитии сознания, бессознательный дух равно доминирует в обоих полах, так же, как у примитивных племён преобладает матриархальная психическая ситуация, управляемая бессознательным.

Ребёнок и мужской принцип в матриархальной фазе

На самой ранней стадии первичной взаимосвязи преобладает типичная матриархальная ситуация, поскольку психологическая ситуация ребёнка зависит от присутствия и постоянного потока жизненной энергии прочной эротической связи. Чувство, настроение — это атмосфера, в которой живёт ребёнок и развиваются его сознания и эго. Находясь внутри этого Эроса первичной взаимосвязи, ребёнок постоянно ощущает «вмешательства», выражающиеся в форме негативных и позитивных направляющих стимулов. Великая мать в своём эротическом аспекте появляется в виде женщины, матери, но, выполняя функцию вторжения

и стимулирования, она поворачивается мужской стороной своей природы, являясь в виде патриархального уробороса и анимуса. Сознательная позиция матери, а также содержимое её личного и коллективного бессознательного играют свою роль в этих вмешательствах и вторжениях в безмятежное существование ребёнка. Убеждения и позиции логоса и морали, а также бессознательные внушения и оценивающие анимусы матери передаются ребёнку и направляют его развитие. Поскольку все эти эмоционально заряженные вторжения, независимо от слоя, с которого они приходят, проявляются через мужской символизм, проблема ребёнка состоит в том, до какой степени ему следует открыться и принять эти вмешательства.

Для младенца анимус матери, воплощающий принцип номоса, порядка, поначалу представляется частью Ужасной матери, поскольку нарушает покой ребёнка и ассоциируется с вторжением, угрозой существованию. Как отметил Фрейд — и это совершенно верно для данной стадии, — для существа, ещё не развитого психически в полной мере, любое ограничение может показаться отвержением, лишением любви. Но, сопротивляясь вторжению, ребёнок вступает в конфликт с принципом социальной адаптации, представителем которого является мать.

В дальнейшем ребёнок приобретает как позитивный, так и негативный опыт этого мужского аспекта Великой матери, который теперь, одновременно или последовательно, приносит и удовольствие, и дискомфорт или боль. Бессознательно и сознательно ребёнок приписывает удовольствие «хорошей» матери, а неприятные ощущения — «ужасной» матери.

В человеческом развитии противоположностям мужского и женского предшествует разделение на более общие противоположности — активное и пассивное, стимулирующее и стимулируемое, вызывающее страдания и страдающее. Всё, что нарушает изначальный покой детской психе, — внешние лишения или внутренняя боль, внезапное пробуждение или аффект, вызванный любыми причинами, неприятный голод или радость движения, питания, испражнения, — всё это так или иначе беспокоит, нарушающее общее благосостояние ребёнка и подавляющее его пока ещё слабое эго. Для ребёнка благополучие означает защищённый, но изменчивый баланс между ним

самим и окружающей средой, а также между эго и бессознательным. На ранней стадии развития тело ребёнка представляет собой одновременно часть окружения эго и воплощение того, что мы называем бессознательным. Именно такое промежуточное положение тела служит причиной того, что все психические факторы, а также взаимодействие ребёнка с миром выражаются через символизм пищеварительного и метаболического уробороса, то есть динамического символа тела.

На этой ранней стадии, пока у эго маловато либидо, подавление эго может проявляться в усталости, за которой следует сон; эта усталость говорит об истощении детского эго и сознания.

Поначалу любое беспокойство является ребёнку в одном из двух аспектов: позитивная стимуляция, которая может привести к приятному подавлению эго, и негативная стимуляция, ведущая к аффектам и тревожному подавлению эго. Таким образом, уже в матриархальной стадии первичной взаимосвязи, до того, как появляются принципы противоположностей в виде символов мужского и женского, уже возникают ранние формы того, что в дальнейшем явится в форме ужасного мужского принципа.

Когда сознание ребёнка дифференцируется настолько, что раздражающий фактор начнёт отражаться не только в симптомах, но и в психических образах, становится очевидно, что детская психе интерпретирует любое нарушение своего равновесия, независимо от эго типа, как идущее от мужского принципа. В детских снах — да и во взрослых тоже — негативный стимул часто воплощается в страшных животных, разбойников, грабителей. Но в любом случае значительная часть детских страхов (вне зависимости от того, сопровождается ли она соответствующими психическими образами) связана с этим феноменом мужского вторжения. Ранняя форма этого вторжения — то самое нарушение состояния психического покоя и равновесия, реакция на которое одна — страх. Разумеется, сама констелляция равновесия зависит от фазы развития ребёнка: чем более развита и дифференцирована психе, тем больше противоположностей она сможет компенсировать и интегрировать. Архаичная психе, выражающая себя в образах, воспринимает эти возмущения как идущие от конкретной личности, мужского архетипа или фигуры комплекса.

Хотя любой ребёнок испытывает подобные вторжения на протяжении своего развития, не только интенсивность самих воздействий, но и интенсивность психических реакций на них в высшей степени различны. Как врождённые факторы, так и внешние обстоятельства могут неестественно усилить этот опыт «вторгающегося мужского» или же, напротив, ослабить его, поскольку этот опыт сочетает в себе элементы, происходящие из самого ребёнка с идущими от внешних событий и обстоятельств.

Изначально сильное бессознательное, врождённая склонность к аффектам, атакующим ребёнка изнутри, и неразвитое (не важно, по каким причинам) эго усиливают вторгающийся фактор. То же касается всех серьёзных нарушений развития ребёнка — например, нарушений первичной взаимосвязи, проблем в окружении, психических недостатков, голода, болезней или анимусной позиции матери (которая, к примеру, может не обращать внимания на плачущего от голода ребёнка «из принципа»). Ребёнок воспринимает всё это как одну и ту же беду: враждебную, подавляющую, вторгающуюся силу, то есть трансперсональный мужской фактор, связанный с уроборической матерью.

В первичной взаимосвязи ребёнок считает все эти стимулы и расстройства идущими напрямую от матери — и не важно, действительно ли они вызваны матерью или же иным фактором бессознательного или внешнего мира. В дуальном единстве первичной взаимосвязи, где ещё не разделены внешнее и внутреннее, моё и твоё, не только внутренние стимулы (боль, голод или удовольствие), но и все внешние — свет, тьма, голоса, звуки — включены во всеобъемлющий мир Великой матери. И напротив, внутренние стимулы матери, её нежность или раздражение, позитивные и негативные настроения ребёнок воспринимает как нарушения своего равновесия, охраняемого материнским мировым единством, в котором он обитает.

Независимо от содержимого, любой вторгающийся фактор переживается эмоционально. В связанном характере первичной взаимосвязи этот эмоциональный компонент имеет такое огромное значение, что от него зависит любое понимание и направление. Даже подросший ребёнок продолжает ощущать намерения матери как эмоциональные выражения привязанности

или отторжения, позитивного или негативного чувства. Эрос, компонент связности, первичен: сознание и логос появляются позже и развиваются под руководством эроса.

Эта формирующая сила первичной взаимосвязи не только направляет развитие детского сознания, но и определяет его позицию по отношению к внешнему миру. И, не в последнюю очередь, она внушает духовные и религиозные ценности, заложенные в ребёнка культурной средой, и он принимает их как должное. В нормальных условиях эти ценности не подвергаются сомнению, ребёнок бессознательно разделяет их. Таким образом, ещё в раннем детстве, в первичной взаимосвязи силы и демоны обрядов и ритуалов, Бог и дьявол, а также родная деревня, город или земля ребёнка — короче говоря, всё, что составляет духовный мир группы, — занимают своё место в детской психе. И только в особых обстоятельствах эти элементы могут быть подвергнуты сознательному критическому рассмотрению.

Номос — моральный компонент — с самого начала включён в первичную взаимосвязь с Великой матерью. Именно через мать, воплощающую самость, общество и мир одновременно, ребёнок впервые получает опыт порядка, ограничения, утверждения и отрицания. Этот компонент номоса, это «нельзя» или «хватит», встающее перед ребёнком как высший закон, также является вторжением, беспокойством, на которое ребёнок естественным образом отвечает аффектом, возбуждением, но одновременно он учится управлять своим поведением и адаптировать его к законам окружающего мира.

Запреты и ограничения, налагаемые матерью, приходят не из её сознательного мира, но из мира её анимусов, её бессознательного маскулинно-духовного и феминно-духовного фона. Таким образом, те анимусы женщины, что находятся ближе к сознанию, вкладывают в ребёнка, гораздо в большей степени, нежели её сознательная позиция, требования его культурной среды — запреты, ограничения, дисциплину, а также те ценности, суждения и привычки, которые приобретут важность позднее, когда ребёнок выйдет за пределы психологического уровня основных жизненных функций. Любые ритуалы и обычаи, влияющие на физиологическое существование младенца — в вопросах кормления, гигиены и т. п., — представляют собой

вторжение общества в его жизнь. Но эти «порядки» достигают гораздо более глубоких уровней психе, поскольку формирующий принцип материнских анимусов — это продолжение формирующего принципа, уже проявляющегося в инстинктивном поведении животных — например, в воспитании детёнышей, основанном на чётко выверенных действиях.

Итак, если принцип связности, Эрос, ассоциируется в детской психе с женским аспектом матери, то её формирующий принцип связан с мужским миром. Он выражает себя в мужском символизме, поскольку активно вмешивается в психику, направляет, определяет, указывает, подавляет, но также и потому, что он пытается сознательно установить порядок, необходимый для рационального, духовного мира. Он обладает атрибутами, которые позднее, после разрыва первичной взаимосвязи, будут однозначно относиться к отцу и вообще к мужчинам. Пока женщина, как Великая мать, владеет этими атрибутами, они проявляются как её мужские качества и составляют двупольный, уроборический характер Великой женственности.

Мать в первичной взаимосвязи представляет одновременно коллектив и индивида, требования бессознательного и эго, входящего в общество. Эта позиция, нуминозная в своём превосходстве и амбивалентности, позволяет её интегрировать противоположности³, и потому (как мы уже объясняли) она поначалу представляет детскую самость, по образу которой развивается интегрирующая функция детского эго.

Итак, детская психе подкрепляется преобладанием опыта Хорошей матери. Принимая также дискомфорт, страдания и ограничения от Ужасной матери, она развивается в цельную структуру, способную интегрировать как хорошее, так и плохое, приятное и неприятное. Таким образом, детская психе бессознательно содержит образ Великой матери, мира и себя в упорядоченном и осмысленном единстве.

Через связь с Великой матерью ребёнок присоединяется к осмысленному порядку психической жизни как целого,

---

³ Spitz, Rene Arpad, «Die Entstehung der ersten Objektbeziehungen», Stuttgart, Klett, 1957.

как последовательной иерархии психических сил и авторитетов. Тот факт, что мать выступает в качестве самости ребёнка, является базовым опытом упорядоченности для его бессознательной структуры. В духовном порядке, проявляющемся в матери как самости, сознание и бессознательное, тело и душа, внутреннее и внешнее, мир и человек соединены в компенсирующее целое. Эта упорядоченная структура, частью которой является ребёнок, пробуждает его врождённую архетипическую склонность к порядку. И вновь мы видим, что архетипический процесс запускается в ребёнке опытом реальной матери, связанной с архетипами.

На этом этапе мы уже встречаемся с предвестником будущего конфликта между личностью и культурным каноном — а именно с конфликтом между желаниями ребёнка с одной стороны и миром анимусов матери, пробуждающим и запускающим внутренний врождённый порядок, с другой. Конфликт между порядком и упорядочиваемым, матерью и ребёнком, протекает и внутри детской психе как противостояние стремлений ребёнка его же собственным упорядочивающим силам.

То, что в первичной взаимосвязи воздействует на ребёнка как бессознательный духовный аспект матери, — это пока недифференцированный универсальный фактор, не привязанный ни к какому особенному качеству или действию со стороны матери. Поскольку ребёнок пребывает в недифференцированной психической ситуации, сначала он воспринимает мир анимусов Великой матери как единое целое, враждебное, тревожное, агрессивное. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом, довольно характерным для человеческой психе; психе воспринимает высший упорядочивающий принцип как подавление, вторжение, нападение, и реагирует страхом, но этот страх представляет собой именно боязнь хаоса, беспорядка.

Если первичная взаимосвязь протекает позитивно, ребёнок может вытерпеть и принять это вторжение, поскольку его ощущение безопасности столь велико, что, если говорить мифологическим языком, ребёнок может «умереть» в святой уверенности, что мать «воскресит» его, так же, как спокойно засыпает, не сомневаясь, что проснётся. Эта капитуляция перед патриархальным уроборосом Великой матери — предварительная форма «брака со смертью» для ребёнка любого пола. Благодаря

превосходству принципа эроса психе — несмотря на страх — открывается негативной силе и даёт ей победить.

Способность сдаться при вторжении превосходящей силы — важное следствие положительной первичной взаимосвязи. Оно крайне важно для дальнейшего развития личности, в особенности для ощущения безопасности и отношений человека с миром, «ты» и бессознательным.

Очевидно, что, хотя это развитие протекает на той стадии и на том уровне, где ещё нет осознания собственного пола и различий между полами, оно важнее для девочки, чем для мальчика. Но в любом случае оно тесно связано со способностью открываться миру и собственной психе. Независимо от пола, поначалу ребёнок занимает пассивно-принимающую позицию. Даже на этой ранней стадии он уже имеет собственную спонтанную активность по отношению к матери и миру, но она также встроена в положительную первичную взаимосвязь и не проявляется в форме защиты или неповиновения, а уже тем более агрессии. Но при нарушенной первичной взаимосвязи страдающее эго⁴, преждевременно пробуждённое инстинктом самосохранения, заменяет собственной защитной активностью и агрессией ту защищённость, которой оно лишилось в результате негативной взаимосвязи с матерью.

Растущая независимость эго и возникновение конфликтов

В ранней уроборической фазе первичной взаимосвязи едва ли возможно вести речь о какой-либо активности эго. Но с «рождением» самости и эго в конце первого года жизни растущая независимость личности ребёнка начинает провоцировать конфликты с матерью. Во второй фазе первичной взаимосвязи преобладание матери как материнского архетипа всё ещё подавляюще велико; но на следующей стадии начинает проявлять себя то, что мифологически называется «разделением Мировых родителей», то есть поляризация мира, разделение противоположностей.

---

⁴ Там же.

Появляются противоположности — я и ты, самость и мир, мужчина и женщина, а также возникает разница между открытостью и закрытостью, принятием и отрицанием. Хотя психические функции противоположностей присутствовали и на более ранней стадии, сейчас, на стадии разделения Мировых родителей, они начинают играть особенно активную роль в развитии детского эго. До сих пор противоположности были столь тесно сплетены, что как мы говорим об уроборической Великой матери, так можно было бы назвать уроборическим и поведение ребёнка. Как мальчики, так и девочки поначалу проявляют женскую, пассивно-принимающую реакцию, и для младенца-девочки так же естественно относиться к матери в мужской манере, как для мальчика реагировать на анимус матери в пассивно-женской манере.

Развитие личности несёт с собой рост амбивалентности, подготавливая почву для необходимых конфликтов между матерью и ребёнком. Разделяя образ Великой матери на Хорошую и Ужасную мать, детская психе даёт начало поляризации мира, разделению Мировых родителей внутри материнского «Великого круга». Постепенно обретая независимость, ребёнок начинает воспринимать мать как бросающую, отвергающую не реже, чем как принимающую, защищающую. И в то же время, пока ещё под властью материнского архетипа, хорошее и плохое, дружественное и враждебное, приятное и неприятное, эго и не-эго, сознание и бессознательное — все эти противоположности начинают проявляться так же, как мифологические противоположности — день и ночь, небо и земля, свет и тьма. Это разделение происходит внутри материнской сферы и первичной взаимосвязи, в безопасном уюте детского существования.

Но растущая независимость неизбежно означает незащищённость, и каждый шаг в сторону от позиции защищённости переживается как одиночество. Однако, хотя на этой стадии развития ребёнок поворачивается от матери к миру и затем воспринимает мать как плохую, отвергающую, это не подрывает основы базового ощущения безопасности, если оно уже было успешно заложено первичной взаимосвязью.

Итак, уникальная личность ребёнка отделяется всё больше, и образы персональной матери, мировой матери, матери как мира и ночной матери, матери как бессознательного, постепенно

разделяются, конфликтуют друг с другом и сменяют друг друга. В нормальном случае чувство уверенности, приобретённое в первичной взаимосвязи, переносится и на отношение ребёнка к ночной матери, бессознательному; ребёнок, надёжно защищённый в первичной взаимосвязи, бесстрашно доверяется сну, стирающему его сознание; он засыпает с чувством защищённости, которое переходит и во взрослую жизнь, хотя, будучи взрослым, он может испытывать тревогу по отношению к другим способам «выключения» сознания. Такое позитивное отношение к персональной матери и ночной матери также выражается в отношении ребёнка к миру, который он воспринимает как мировую мать и взаимодействует с ним с той же изначальной уверенностью.

Мировая мать, удовлетворяющая растущее любопытство ребёнка и стремление его эго к расширению, — это «хорошая» мать. Однако она превращается в плохую, когда ребёнок устал или разочаровался в мире. Затем, когда мировая мать становится тёмной и враждебной, ребёнок, как само собой разумеющееся, обращается к реальной матери или к хорошей матери ночи и сна, связанной с реальной. И напротив, когда реальная мать почему-либо становится «плохой», ребёнок стремится к миру и его удовольствиям, доверяя ему так же, как своей реальной матери.

Итак, на этой стадии развития ребёнок перемещается в материнскую область между реальной матерью, которая ассоциируется с частью внешнего мира и становится матерью постели, комнаты, дома, и матерью внешнего мира. Эти два полюса попеременно притягивают и отталкивают ребёнка, и через них он испытывает «да» и «нет», хорошее и плохое, то есть противоположности.

Эта амбивалентность — первое проявление отношения человека к внутреннему и внешнему, необходимого для восприятия мира как целого, — позднее это отношение превратится в привычные интровертную и экстравертную позиции. На первой стадии нормальной первичной взаимосвязи мать помогала интегрировать необходимые отрицания, отторжения с помощью своего позитивного влияния. Теперь, с развитием эго, «ужасное» отношение матери усиливается, даже если в реальности, то есть объективно, мать остаётся всё тем же позитивным интегрирующим авторитетом. Только таким образом

ребёнок может развить необходимое сопротивление матери, которое в конце концов закончится тем, что отвернётся от неё и от матриархального мира. Это мифологическое «убийство матери» делает возможным переход к отцовскому архетипу.

В фазе первичной взаимосвязи, когда преобладает пищеварительное влечение и символизм метаболического уробороса, привязанность ребёнка к матери по большей части локализована в его теле. Тело ребёнка и мать как самость — это полюсы унитарного поля, в котором первоначально реализуется первичная взаимосвязь. Унитарное ощущение тела определяет вегетативное существование ребёнка; его кожа и оральная зона — а позднее и анальная зона — это акцентированные области восприятия, чьи многочисленные грани пока не развиты. Но это унитарное ощущение тела по природе поливалентно, поскольку содержит телесные, психические и духовные, индивидуальные, аутоморфные и социальные факторы.

На этой стадии Великая мать появляется в основном в облике «Госпожи растений», богини роста и питания. Мир и отведённое ему время определяются голодом и его утолением, а пара противоположностей «приятное — неприятное», лежащая в основе многих других полярностей, ощущается в основном на опыте пищеварительного влечения. Пищеварительный ритм также определяет часы сна и бодрствования, и поначалу этот порядок перекрывает даже смену дня и ночи, отпечатывающуюся в психике ребёнка лишь позднее. Насколько нам известно, тёмная фаза внутриутробного эмбрионального периода не прерывается периодами бодрствования или сознания. Эта полярность устанавливается только с рождением, когда под влиянием голода сознание начинает спорадически пробуждаться.

Ребёнок связывает опыт насыщения, теплоты, бодрствования, сознания и света с матерью, и эта связь становится основой ощущения безопасности, которое он приобретает в первичной взаимосвязи. На этой стадии мать, тепло, насыщение, удовольствие и ощущение мира с собой тесно связаны с опытом света и бодрствования. Но поначалу Великая кормящая мать мифологически и символически связана с луной, с ночным светом. Так происходит, поскольку, выходя из тьмы внутриутробного эмбрионального периода, ребёнок не попадает сразу в полярный

мир дня и ночи, он дремлет в мире постоянных сумерек, и его дремоту в определённом ритме прерывает только мать-свет, несущая пищу, тепло и безопасность. Ребёнок, спящий всю ночь и почти весь день, ещё не вступил в суточный ритм взрослого мира. И именно пищеварительное влечение нарушает его сумеречный сон и заставляет его войти в поляризованный мир.

Голод, беспокоящий и будящий ребёнка, — первый стимул сознания. Пробуждение и сознание — первый опыт поляриности для ребёнка; как следствие, они связаны с дискомфортом. Во внутриутробном эмбриональном периоде сытость, сон, уютная тьма бессознательного были одним, теперь же ребёнок вступает в мир, и даже в унитарной реальности первичной взаимосвязи принцип противоположностей начинает оказывать своё влияние. Задача матери — смягчить неизбежные последствия в виде пробуждения, появления сознания и голода. Именно мать позволяет ребёнку провести ассоциацию, столь характерную для человека, между удовольствием и сознанием, поскольку именно она связывает опыт света, бодрствования и сознания с опытом насыщения, удовольствия, тепла и безопасности, перевешивающим дискомфорт пробуждения и голода.

Ощущение безопасности и защищённости во тьме бессознательного — первичный человеческий и дочеловеческий опыт; проваливаясь в сон, ребёнок возвращается в изначальное состояние, погружается в уроборическую тьму. Иначе говоря, проблема не в том, чтобы ребёнок засыпал без страха, а в том, чтобы он мог без страха просыпаться. Поскольку лунная мать первичной взаимосвязи — проводница сознания, света посреди тьмы, и она же несёт с собой насыщение и чувство безопасности, нарушение первичной взаимосвязи на ранней стадии неизбежно влечёт за собой нарушения в развитии сознания. При нормальном развитии сознание даёт ребёнку удовлетворение и не беспокоит изначальную тьму бессознательного. Поэтому «хорошая мать» первичной взаимосвязи — также хранительница сознания, София, тогда как «плохая мать» всегда враждебна развивающемуся сознанию, поскольку усиливает стремление вернуться во тьму бессознательного. Именно по этой причине страх перед Ужасной матерью обычно усиливает сознание и часто играет положительную роль в развитии сознания в первой половине жизни.

Итак, под присмотром матери ребёнок постепенно входит в мир дня и ночи, ритмического соответствия пробуждения, сознания и дня с одной стороны и бессознательного, тьмы, ночи с другой. С этого момента мировой порядок, определяемый движением солнца, начинает управлять человеческой жизнью. Но при нормальных обстоятельствах этот мир сначала подчиняется также матриархальному порядку, и никакое принуждение не нарушает телесный ритм ребёнка или матери, соединённой с ребёнком в одно. В этом смысле добрая мать первичной взаимосвязи также является «Госпожой растений»; она настроена на естественное развитие ребёнка, настроена с его «часами», которые, как и приливы, определяются лунным бессознательным ритмом.

Ритуал и ритм жизни, выделяющие, сохраняющие и поднимающие в сознание естественное разделение дня и ночи, находятся под управлением эротической связи, связи матери с её ребёнком. Естественное ритуальное поведение матери и ребёнка, касающееся питания и удовлетворения прочих потребностей, игры и обмена нежностями, сна и в дальнейшем начала процесса обучения всегда окрашены эросом первичной взаимосвязи. Оно подчиняется матриархальному упорядочивающему принципу, противоположному рациональности принципа логоса. В нём преобладают символы и ритмичное повторение, тесно связанное с ритмом тела ребёнка, с его ритмичными движениями сосания и размахивания конечностями, гукания и бормотания, а также с ритмом напевания и покачивания матери.

Но в нормальных условиях вторжение патриархального принципа порядка, представленного сознанием матери и её анимусами, также остаётся встроенным в матриархальную констелляцию первичной взаимосвязи — и только в этом случае оно не вызывает никаких нарушений. Даже конфликт между естественным матриархальным порядком, направляемым телесной самостью, и рациональным патриархальным порядком, навязываемым сознанием и культурой, смягчается матерью. Если материнская любовь научила ребёнка доверять, он легко и незаметно встроится в рациональный дневной порядок коллектива.

Отнятие от груди

Символом перехода от матриархата к патриархату служит «отнятие от груди» — и это понятие не следует сводить к простому прекращению грудного вскармливания, хотя прерывание тесного физического контакта с матерью, безусловно, представляет собой критический момент в развитии ребёнка.

В рамках первичной взаимосвязи отнятие от материнской груди означает, что ребёнок уже не будет так физически близок с матерью, как раньше. Но в нормальных обстоятельствах мать компенсирует эту потерю своей любовью и нежностью. Если же она почему-либо этого не делает или вообще считает, что с завершением вскармливания её долг перед ребёнком выполнен, и передаёт его няне или бабушке, такое отнятие может стать страшным потрясением. Но как само по себе кормление грудью никоим образом не исключает нарушений первичной взаимосвязи, так и в рамках нормальной первичной взаимосвязи грудное вскармливание можно прекратить без малейших последствий. Отнятие от груди и переход от ранней к поздней фазе первичной взаимосвязи, из матриархального мира в патриархальный — это естественные для человеческого ребёнка процессы. При нормальном развитии переход к следующей фазе под надзором матери адаптирован к ребёнку и его внутреннему ритму роста. Поэтому мать и является «Госпожой роста». В унитарном поле между матерью и ребёнком оба адаптируются к внутреннему трансперсональному закону роста, охраняемому матерью.

Итак, при нормальных обстоятельствах отнятие от груди — отнюдь не катастрофа, поскольку оно усиливает естественное стремление ребёнка к автономии, которое выражается в растущем удовольствии от собственного тела и его функционирования, так что негативный элемент потери компенсируется приобретением. Поскольку выход из дуального единства с матерью — одно из необходимых условий развития эго и самости ребёнка, отнятие от груди может причинить вред, только если оно сопровождается резким разрывом первичной взаимосвязи. В этом случае оно станет воплощением утерянного рая, архетипической основы комплекса кастрации (не только физической, но и психологической и символической), при котором

человек чувствует свою изоляцию, выключенность из мира и жизни, отчаяние и одиночество. Постоянный контакт между ребёнком и тёплым, дарящим жизнь телом матери, характерный для примитивной ситуации, в наше время всё больше ослабевает. Поскольку в цивилизованных странах мать и ребёнок обычно носят одежду, контакт, ранее распространявшийся на всё тело ребёнка, теперь сокращается до оральной зоны, касающейся материнской груди только во время кормления — а порой грудь и вовсе заменяют бутылочкой. Ещё больше трудностей возникает, если естественный природный ритм кормления, соотносящийся с чувством голода младенца, заменяется ритмом логоса, то есть строго расписанными часами кормления. Такое развитие, направляемое культурой, будет иметь однозначно негативный результат, поскольку оно ставит эмоциональный акцент на часах кормления, ограничивает удовольствие от ощущений всего тела и таким образом излишне акцентирует оральную, анальную и генитальную эрогенные зоны.

Мать частично компенсирует это ограничение телесного контакта, навязанное культурой, тем, что целует и тискает своего ребёнка и носит его на руках. Но, безусловно, утрата детского «ощущения» и «видения», благодаря которым дети примитивных народов принимают тела представителей противоположного пола как должное, — это серьёзный изъян в развитии западного человека. Если бы не он, весь этот публичный вуайеризм — обнажённое тело в рекламе, фильмах, стриптиз-шоу и т. д. — не играл бы такой искусственно преувеличенной роли.

Вообще одна из частей характерной для современного человека ориентации, ностальгия по «хорошей» утерянной части и ощущение заброшенности и незащитности в этом большом холодном мире, вырастает именно из этих базовых лишений в детстве. И в то же время недостаток телесного контакта в детстве приводит к чрезмерной сексуализации современного человека, чья тяга к контакту с телом другого человека может быть утолена только через секс. То, почему средний мужчина сегодня так сосредоточен на сексе — а этот факт иллюстрируют изображения голых и полуголых женщин, встречающиеся нам на каждом углу, — можно понять, только изучая воспитание и развитие этого мужчины в нашей культуре и в конкретных

обстоятельствах, касающихся его выхода из первичной взаимосвязи. С другой стороны, можно также задаться вопросом, не являются ли лишения и невроты детства, столь характерные для западного человека, частично ответственными за развитие его специфической культуры, и в частности научной культуры. Его обострённое любопытство перенаправляется в другие области и, предположительно, сублимируется. Потеря связи с природой компенсируется искусственной «пищей» — культурой.

Отнятие от груди — не только критично важный шаг в процессе выхода из материнской сферы; это также первый шаг ребёнка к культуре группы, к его окружению. Для матерей в примитивных культурах, которые часто кормят детей грудью многие годы, отнятие от груди не становится переломным моментом. Но в современном западном обществе поле активности женщины распространяется за пределы дома и ближайших окрестностей; часто ей предстоит выходить на работу, так что отнятие от груди для неё — безусловно, критический момент. Регулярные часы кормления могут слишком рано заменить естественный пищеварительный ритм ребёнка; само отнятие от груди может быть преждевременным; или же ребёнка вообще могут отдать другим людям или в приют, который заменит ему семью.

Но в любом из этих случаев ребёнок так или иначе входит в культуру своей группы, сталкиваясь с основными отношениями, предписанными ей, и подвергается — зачастую слишком рано — процессу «окультуривания», который определит всю его дальнейшую жизнь. Влияние матери на развитие ребёнка в большой степени зависит от того, сформировалась ли она сама в здоровую или больную личность, и противоречит ли её сознательная и бессознательная позиция природе детского развития и в особенности нуждам первичной взаимосвязи.

Чистота, прямая осанка и проблема зла

Как бы ни были многочисленны возможные детские расстройства, связанные с матерью, несомненно, что в нашей культуре именно приучение к анальной чистоте представляет собой важный поворотный пункт в детском развитии. На первой стадии развития ребёнка анальная зона никак не выделяется;

её стимуляция по ощущениям ничем не отличается от стимуляции остального тела. Экскременты считаются частью телесной самости. В соответствии с законом примитивного мира «pars pro toto» (часть заменяет целое) все части тела, а также все его отходы и выделения — ногти, волосы, остатки еды и т. п. — у примитивных народов считаются идентичными целому телу и личности, то есть телесной самости. Эта идентичность лежит в основе великого множества магических ритуалов, в которых используются всевозможные «части тела». На стадии телесной самости, когда доминирующим символом является архетип целостности в виде «пищеварительного уробороса», все функции тела воспринимаются как живые и сакральные. Для современного человека эту концепцию можно наиболее ясно проиллюстрировать с помощью символизма «дыхания». В языке и в искусстве — дыхание жизни, дух Божий, к примеру — это символ души, жизненной субстанции.

Итак, подобным же образом в той фазе, когда самость проявляется преимущественно в форме телесной самости, все телесные субстанции — не только те, которые мы считаем отходами: выпавшие волосы, состриженные ногти, моча, фекалии, менструальная кровь, — но и телесные жидкости: слюна, пот, сперма и кровь — заряжены маной, душой, магической силой, и тесно связаны с жизнью человека. Поэтому важность этих «душевных субстанций» сохранилась и по сей день в суевериях и народной медицине.

Аналогично этой филогенетической ситуации, онтогенетически мы обнаруживаем, что ребёнок считает, в частности, фекалии не просто частью себя: это нечто им сотворённое и тесно с ним связанное. Эту творческую способность анальной зоны отражает, к примеру, тот факт, что во многих языках дефекацию обозначают глаголом «сделать (to make)». При позитивной первичной взаимосвязи это креативное единство сохраняется; дефекация — это и достижение, и подарок, встроенный в эмоциональную атмосферу связи матери и ребёнка.

Связь между оральным и анальным архетипична, как живое поле поглощения и выделения, чьи два полюса взаимозависимы и равнозначны. В этой связи во многих мифах экскременты, связанные с землёй, становятся отправной точкой создания

новой жизни. Не только пища (и особенно клубневые растения) считаются растущими из экскрементов, как во многих областях земли, но и боги рождаются из них же — такие верования встречаются, например, в Японии⁵.

Экскременты, закопанные в землю, дают начало новому росту, и из смрадной гнилостной материи рождается новая жизнь. И напротив: ароматная пища превращается в фекалии, которые возвращаются в землю, — и человек представляет собой часть этого жизненного цикла. Поэтому во многих культурах связь между экскрементами как живой органичной частью тела и живой органичной землёй принимается как должное. Даже там, где навоз не используется как удобрение, он считается важной, магической субстанцией — в том числе в тех культурах, где он рассматривается как нечто нечистое. На матриархальном, догенитальном уровне оральная и анальная зоны связаны между собой неразрывно, как жизнь и смерть.

В вегетативно ориентированном мировоззрении, где царит Великая богиня — Госпожа всей растительной жизни, — смерть, разложение, гниение не считаются враждебными жизни. Поскольку жизнь, смерть, разложение и возрождение считаются единым процессом и значение отдельной личности не переоценивается, смерть не считается не только концом всего, но даже и сколько-нибудь опасным кризисом⁶.

Даже в нашей современной западной цивилизации на первой стадии первичной взаимосвязи действуют эти же условия. Ребёнок со всеми своими функциями и частями тела, со всеми проявлениями его жизнедеятельности — это единое целое, и его телесная самость ещё не разделена. Любовь матери — если это нормальная любовь — не знает отвращения к телу ребёнка и его отправлениям; мать принимает естественные нужды ребёнка как самоочевидные, не вмешивается и не пытается ими управлять.

Не только в нашей западной культуре, но и во множестве так называемых примитивных культур очень рано возникло отвращение к анальному. И там, где это произошло, приучение ребёнка

---

⁵ Graber, Gustav Hans, «Zeugen, Geburt und Tod».

⁶ Йенсен.

к горшку стало важной стадией его развития. В нормальном случае это приучение должно начинаться только тогда, когда ребёнок без труда сможет исполнять предъявляемые ему требования. Но зачастую, в результате культурного или индивидуального невротического отношения к этой теме, приучение начинают слишком рано. Такое вмешательство в естественный рост и развитие ребёнка противоречит природе и может иметь катастрофические последствия.

Критически важная стадия развития ребёнка начинается, когда часть его моторной нервной системы, до того не действовавшая, созревает и начинает подчиняться воле эго. Но у этой стадии развития эго, проявляющейся наиболее заметно (ребёнок учится сидеть, стоять, а позднее и ходить) имеются существенные предварительные стадии, поскольку двигательная система развивается постепенно и отдельные её части достигают зрелости в разное время.

Таким образом, способность сжимать анальный сфинктер развивается в процессе роста и в своё время, как и умение хватать, кусать, говорить, стоять и ходить. Хотя эти сроки развития биологически встроены в «программу» развития вида, всегда существуют индивидуальные особенности. Один ребёнок начинает говорить, стоять и ходить быстрее, чем другой, и оба малыша абсолютно нормальны — подобным же образом может варьироваться возраст приучения к горшку.

Существует важная взаимосвязь между созреванием моторной нервной системы, первыми зачатками независимого эго и принятием вертикального положения. Созревание моторной системы означает, что важные части тела устанавливают связь с эго и постепенно начинают ему подчиняться. Но с точки зрения образа тела это активное командующее эго располагается в голове, поскольку в голове у человека находятся основные органы чувств, позволяющие ориентироваться в пространстве. Крупная по сравнению с остальным телом голова ребёнка совпадает с активной ролью эго, которое тянется к миру и в дальнейшем выходит в него. Ребёнок воспринимает голову как центральный символ активности эго, что заметно по изображениям людей-головоногов на детских рисунках.

В начале жизни младенца оральный полюс в основном пассивен и выражает свой активный или антагонистический аспект только при сосании. С появлением первых зубов оральная активность, выражающаяся, в частности, в предварительной форме речи, значительно усиливается. Однако это усиление не агрессивно в строгом смысле слова; скорее оно указывает на новую стадию овладения этим миром. В соответствии с пищеварительным символизмом, преобладающим в этой фазе, поглощение, кусание и жевание являются основной формой познания мира.

Здесь следует остановиться на различении специфически человеческой, признаваемой обществом агрессии (которая вообще едва ли заслуживает такого наименования) и патологической агрессии, превосходящей нормальную агрессию, принимаемую и даже одобряемую обществом. Например, с появлением зубов появляется и возможность пережёвывать пищу — это нормальное, не агрессивное человеческое поведение. Но те же зубы могут служить и агрессивным целям — когда ребёнок кусает других детей, к примеру. С другой стороны, если хищное животное кусает и пожирает другое живое существо, это нельзя назвать патологической агрессией, поскольку это нормальное поведение для его вида. Когда мы говорим, что собака «злая» и «кусачая», мы подразумеваем, что она верна естественному поведению своего вида и не поддаётся одомашниванию. Таким же образом, правильно это или нет, мы относимся к воину, который ведёт себя агрессивно, но эта агрессия поощряется обществом как естественная для человека и ни в коем случае не патологическая.

В этом смысле прорезывание зубов у ребёнка и их функционирование характерно для человека и само по себе не является патологической агрессией. Возможно, следует называть такое нормальное поведение «агрессивной активностью», чтобы отличать от истинной агрессии — например, когда ребёнок кусает мать.

Но при нормальном развитии рот не только выполняет функцию поглощения пищи, но и служит органом чувства и познания — и вновь включается в агрессивную активность. Через посредство рта ребёнок познаёт мир, пробуя его на вкус. Для младенца, чей мир первоначально был идентичен кормящей

материнской груди, рот является одним из важнейших источников опыта; и то же касается чуть подросших детей, которые, как известно, всё тащат в рот.

Итак, связь между стремлением к познанию и агрессивной активностью оральной зоны с самого начала включена в жизнь человека; но здесь следует отметить, что когнитивный импульс — форма управления миром, специфическая для человека, его нельзя вывести из других влечений, и этот импульс, как указывает Юнг, в основном определяет развитие ребёнка. Сознание человека — в меньшей степени пассивный орган, воспринимающий попадающий в него образ мира, и в гораздо большей — орган и инструмент активного формирования, постигающий и осмысляющий мир. В этом постижении присутствует не только мотив господства над природой, кульминацией которого стала современная технология; но даже в специфически патриархальной форме развития сознания оно не теряет этого акцента, первичный паттерн которого — мифологическая битва героя.

По этой причине символы агрессивной активности — это особые символы сознания и, в частности, мышления, к которому наш язык применяет множество военных символов. Патриархальное сознание в принципе работает с секторами реальности, и потому познание — всегда операция отделения, разграничения, изолирования. Тот факт, что мы применяем оральный символизм, говоря о форме познания мира, характерной для человека, указывает на роль, которую играет в нём агрессивная активность зубов. Она находит выражение и в аналитическом упрощении, предшествующем познанию; а позднее рот принимает на себя антагонистическую и компенсаторную функцию принятия, поглощения, соответствующую акту обретения знания. Руки служат для постижения мира, независимо от связанной с ними функции его переделывания. Рука — это специфически человеческий орган, соединяющий в себе активный и принимающий опыт и познание мира.

Рот и руки — важные когнитивные органы головного полюса; в их стремлении к господству всегда присутствует оттенок агрессии, но мы не можем на этом основании говорить о патологической агрессии, то есть садизме. Садизм, в отличие

от агрессии, обязательно подразумевает сознательное причинение боли, а оно точно отсутствует в наивной агрессивной активности, связанной с человеческим стремлением к познанию мира и господству над ним.

Примерно в то же время, когда прорезываются первые зубы, ребёнок начинает садиться; это означает, что детская активность по восприятию и покорению мира вышла на новый план: теперь ему доступна более обширная область мира. Это специфически человеческое развитие идёт рука об руку с новой ориентацией по отношению к телу и к миру. Хотя ребёнок всё ещё находится в матриархальном мире, он сделал решительный шаг к будущей поляризации мира.

У четвероногих млекопитающих полюсы головы и хвоста акцентируются одинаково: например, у павианов анально-генитальная зона имеет яркий красный цвет. Так и у лежащего младенца, несмотря на акцентуацию головы, всё тело равноценно, и ни одна зона не выделяется особо. На этой стадии телесная самость, как центр управляемой бессознательным телесной психе, находится на первом плане. В первичной взаимосвязи телесный мир с его влечениями, болью и удовольствием практически полностью встроено в «ты»-мир матери, и эго воспринимает его как нечто внешнее. У ребёнка фактически нет собственного тела, отдельного от материнского, и он ещё не может интегрировать дискомфорт, идущий от его тела, как нечто ему принадлежащее. Но по мере консолидации эго и его развития тело начинает ощущаться как единое целое. Тело ребёнка и телесная самость, или, иными словами, восприятие ребёнком собственного тела как самости и как целого, становится основой для независимого эго и его управления всё большим количеством телесных функций.

Когда ребёнок начинает садиться, акцент перемещается в головной полюс. Это совпадает с развитием ориентации ребёнка в мире с помощью органов чувств, расположенных в голове, и с ускорением развития его мозга. Постепенно полюс эго-головы становится центром личности, и этот центр порождает новую ориентацию, основанную на понятиях верхнего и нижнего, переднего и заднего.

В течение этого процесса детская психе поворачивается от земли к небу. И это новое развитие, поворот от нижнего

полюса тела, сопровождается сменой ипостаси Великой матери. До сих пор она была Госпожой растений, управляющей законами роста, в большой степени бессознательной и относительно неконфликтной. Она направляла развитие ребёнка, пока это было подчинённым и ведущую роль играла самость матери. Теперь она превращается в Госпожу животных, богиню более поляризованного и сложного бытия, а детское эго и сознание вступают в конфликт с влечениями и склонностями, отвергаемыми суперэго, которое представляет культурный канон группы.

На психическом плане человеческая форма Великой богини, правящей животными, означает, что самость, воплощённая в матери (то есть телесная самость, определяющая совокупность тела) побеждает конфликт между различными тенденциями личности и, как воплощение мировой матери, интегрирует противоречия между личностью ребёнка и обществом.

Если первичная взаимосвязь позитивна, существует и положительный баланс между эго и «ты» собственных влечений ребёнка, а также между эго и «ты» общества; одно не подавляется в пользу другого. Нормально развивающееся эго не становится представителем бессознательного, его влечений и инстинктов, и не противопоставляет себя обществу; но при этом оно и не выражает интересы общества в противоположность интересам бессознательного, подавляя и затормаживая его. На основе позитивной первичной взаимосвязи человек развивает психическую систему, в центре которой находится ось «эго — самость». Эта ось — основа тенденции к компенсации и балансу между эго и бессознательным, а также между миром и личностью.

Но поляризация мира, характерная для этой стадии развития, протекает параллельно с разделением психических систем сознания и бессознательного. Это самая очевидная форма противопоставления эго и не-эго. Корреляция между этим разделением и телом ребёнка рождает следующую схему, характерную для архаической ориентации: с одной стороны, голова и эго высоко в небесах, с другой — тело и его инстинкты внизу, в тёмной земле. Поэтому конфликтная ситуация ребёнка соответствует разделению психе на голову, то есть сознание, и конфликтующий с ней нижний мир влечений и бессознательного.

При этом развитии анальный полюс, сначала представляющий хтонический аспект, играет важную роль: если позднее нижний полюс тела будет символически представлен гени-талиями, то в предыдущей фазе, то есть фазе алиментарного символизма, он представлен анальной зоной. У большинства млекопитающих ориентация по запаху ограничена землёй и секрециями тела. Запахи пота, мочи, фекалий и выделений половых желез являются основой ориентации в обществе и в мире. Когда ребёнок начинает садиться, эта связанная с землёй ориентация на запахи отходит на второй план и перекрывается визуальной ориентацией, направленной на восток, к восходящему солнцу, и связанной с символизмом света и сознания.

Это не означает, что визуальная ориентация характерна только для человека; у птиц она развита гораздо сильнее. Также нельзя сказать, что человек полностью лишён обонятельной ориентации. Но высшая, визуальная ориентация на этой стадии вступает в конфликт с низшей ориентацией по запахам. И вновь мы видим поляризацию, которой ещё не было в ранней младенческой фазе. Теперь анальные запахи отвергаются как мерзкие, отвратительные, и вообще всё расположенное внизу становится воплощением уродливого, злого, отвратительного, греховного — тому можно найти огромное множество примеров в языке, религии и обычаях. Особенно в патриархальной культуре — здесь мы видим ассоциацию между дьявольским злово-нием, отходами и экскрементами; тело и сексуальные запахи, которые также отвергаются культурой, по крайней мере, офици-ально, воплощены в ассоциации дьявола с козлом.

Это не означает, что хтоническая ориентация по запахам исчезает вовсе. Но она остаётся в основном в области суеверий, куда не дотягивается патриархальная система ценностей, то есть в таких рудиментах, как язычество и примитивизм. Нам известно, что в магии активно используется символическая связь между запахом, воздухом и духом; а связь между запахом пота, менструальной крови или экскрементов с одной стороны и телом с другой часто закладывается в основу магического действия, особенно когда речь идёт о любовной, приворотной магии. Отрицание этого мира началось в основном с подавления его иуде-охристианскими обычаями и патриархальным «миром высшего

духа»; это, среди прочего, понятно по тому, что даже эта высшая сфера всё ещё связана с нижним земным миром запахов. Богам, как известно, нравятся запахи сжигаемых подношений и специальных благовоний — а в них содержатся те же вещества, что и в нелюбимых нами отвратительных запахах. Но, хотя ароматы играют важную роль как в примитивном мире, так и в нашей цивилизации, многие современные люди стесняются говорить о приятном или неприятном запахе от человека, хотя никто не стыдится отметить привлекательную или невзрачную внешность. Однако выражение «на дух не переносить» по-прежнему остаётся в языке как обозначение глубокого, зачастую инстинктивного отвращения.

Неприятие анального полюса, навязанное обществом, заходит настолько далеко, что — как сообщает нам Малиновский — у обитателей островов Тробриан родители, и особенно отец, подмывают детей только в качестве особого выражения родительской любви, и за это ребёнок должен быть им крайне благодарен и обязан⁷.

Однако, как видно из нашего искусства и моды, даже в нашей культуре задняя часть тела считается — по крайней мере, негласно — зоной эротического влечения. Как нам известно ещё от Фрейда, изначально ни запахи, ни выделения, связанные с анальной зоной, не считаются чем-то отвратительным; это отвращение последовательно воспитывается в нас патриархальным миром, настойчиво утверждающим всё «высшее», духовное, нечувственное и отвергающим «низшее», земное, телесное.

Итак, на первой стадии первичной взаимосвязи анальный полюс позитивно интегрируется, но в дальнейшем он подвергается моральному обезцениванию, отторжению, идущим из символической враждебности небесного мира земному. Связь между анальным полюсом и искусством скульптуры и живописи была впервые открыта психоанализом, но истолкована неверно и поверхностно. На самом деле художественное

---

⁷ Бронислав Малиновский, «Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии».

творение, в нормальных обстоятельствах, — это не сублимация подавленной анальной стадии, но одно из множества творческих продолжений сохранённой и интегрированной в развитие личности анальной стадии. Естественное удовольствие от осязания пластичных веществ, которое ребёнок испытывает, играя сперва с собственными фекалиями, а позже с грязью, глиной, пластилином, — это бессознательная, специфическая для человека предпосылка выражения себя через ваение. Не случайно раскрашивание тела, наскальные рисунки и керамика — первые искусства раннего человечества. Во всех этих занятиях решающую роль играет анальный элемент — размазывание, разминание, растирание и использование цветов, близких к цвету экскрементов.

С поляризацией двух противоположных зон тела самооценка ребёнка также поляризуется. Изначально мать «любила» его нижний полюс и экскременты; они были творческой частью личности ребёнка, он дарил матери эти ценные части своей телесной совокупности, с которой идентифицировался. Теперь же на смену любви приходит отвержение этого полюса и его творческих достижений. Если эта переоценка происходит, когда приходит время, то есть когда ребёнок уже принимает вертикальное положение, развивает свой полюс головы, берёт на себя управление двигательной нервной системой и учится осуществлять свои желания, этот переход пройдёт безвредно, уложившись в естественное социальное развитие ребёнка; как и приучение к горшку, он будет протекать под защитой позитивной первичной взаимосвязи. Чистота и регулярный стул сначала воспринимаются как подарки любимой мамочке и достижения, наполняющие ребёнка гордостью, но затем отходят на второй план, когда акцент смещается на новые умения. Изначально положительная оценка анального полюса перекрывается новой оценкой головного полюса, но при этом ребёнок не чувствует отвращения к собственному телу, которое могло бы повредить его самооценке. Эта поляризация, разделение на верх и низ, чистое и нечистое, головной и анальный полюса, протекает нормально и ребёнок не приобретает невротического отношения к естественному функционированию своего тела.

Эта поляризация, подразумевающая переоценку как мира, так и тела с его функциями, становится основой первой фазы суперэго, то есть развития морального авторитета в психе, который может вступать в конфликт с другой её частью — хтонично-анальной областью, связанной с нижним полюсом тела.

Первые стадии формирования суперэго начинаются в позитивной первичной взаимосвязи, когда самость матери и самость ребёнка ещё составляют единое целое. Соответственно, оценивающий авторитет суперэго не вступает в конфликт с самостью или телесной самостью ребёнка. В первичной взаимосвязи ребёнок легко и безболезненно принимает первые культурные ценности. Чистоплотность и связанная с ней поляризация тела и мира на хорошее и плохое составляют основу любой культуры. Поэтому в языке одни и те же эпитеты — чистый и нечистый — применяются как к телу, так к морально-религиозной сфере, хотя в разных культурах чистыми и нечистыми, разрешёнными и запрещёнными могут считаться совершенно разные вещи. Обряды очищения, всевозможные омовения во всех религиях изначально служили для очищения тела, а не души.

Как анальный полюс играет важную роль в магии и в символизме зла, так и анальная чистота для ребёнка — и для психотического взрослого — играет не только практическую роль, но и роль ритуала. Тогда как поглощение пищи связано у ребёнка с удовольствием, с растущим сознанием, обратный процесс становится его первой ассоциацией со злом. Сначала выделение фекалий было одобряемым творческим процессом, теперь же в него вмешивается принцип адаптации к сознательному порядку. Как время приёма пищи становится ритуалом положительного принятия, так время дефекации превращается в ритуал избавления от негативного элемента, бессознательный обряд изгнания зла. У примитивных народов экскременты изгоняются из тела, их «высылают» подальше от поселения и избавляются от них, зачастую тайно, как в гигиенических, так и в эстетических и магических целях, поскольку считают их стыдными, отвратительными, опасными и недостойными человека. Базовый феномен, имеющий решающее значение как физически, так и символически, — это именно изгнание, отвержение фекалий, которое вступает в конфликт с их

изначальным матриархальным значением как чего-то «порождённого» человеком.

Это характерное для человека развитие отрицания анального полюса составляет одну из основ психологии «козла отпущения», то есть понятия изгнания собственного зла как чего-то внешнего, чуждого. У примитивных народов, как в Ветхом завете, негативный элемент выносили за пределы поселения, деревни или города, и таким образом избавлялись от него, исключали из своей жизни. И это ровно то же явление, что и проекция своей вины, негативной части самого себя на «козла отпущения».

Таким образом, понятие первородного греха, характерное для патриархальной иудеохристианской культуры, связано с негативным животным элементом природы человека, с тем, что он изначально нечист, зачат в грехе и рождён в мерзости, «*intra urinas et faeces*». Обладать телом означает и обладать нижним его полюсом, принадлежащим земле, а вот у таких высших духовных созданий, как ангелы небесные, имеется только верхняя часть тела и полюс головы.

Прямохождение и связанное с ним отвержение нижнего полюса вносят свой вклад в формирование суперэго; этот вклад несёт сильную магическую окраску, поскольку появление суперэго означает начало филогенетического и онтогенетического развития. Поскольку это развитие характерно и нормально для человека, суперэго, появившееся таким путём и закреплённое в обществе, соответствует развитию тела и психики ребёнка. Однако чувство собственной нечистоты усиливается, если культурный канон и его идеал чистоты вызывают чувство вины, греховности, и анальный полюс начинает идентифицироваться с обязательными магическими ритуалами избавления от зла.

Только когда появляется этот мотив уничтожения зла, деструктивный аспект психе сливается в одно целое с анальной сферой. Когда очищение приравнивается к избавлению от зла, к этическому мотиву примешивается опасный элемент разрушения. Уничтожение зла, враждебного добру, становится выражением распространённой моральной идеологии, ответственной за тот факт, что мораль, если перефразировать Гёте, вечно хочет блага и вечно совершает зло. Отторжение, подавление нижней сферы не только порождает поляризацию добра и зла,

но и приводит к борьбе добра против того, что объявлено злым, в процессе которой участник битвы бессознательно развивает новую форму зла в себе самом. Это зло становится частью того самого суперэго, которое выдвигает себя на роль защитника добра и полководца в битве со злом.

Связь между разрушительным влечением и суперэго выражается в психе в основном в форме компульсии — это явление мы ещё будем рассматривать подробно в дальнейшем. С её помощью суперэго и его представители заставляют детское (или взрослое) эго отвергать и подавлять низшие элементы.

Компульсия означает не избавление от чего-то отмершего — как при естественном процессе дефекации, — но принудительное отторжение сопротивляющегося живого элемента. Здесь требуется компульсия, то есть насилие, поскольку этот живой элемент защищается. Там, где появляется компульсия, личность не следует своему естественному процессу развития; это означает, что нечто неестественное для неё насаждается извне. Не случайно подавляемый фактор естественен: для ребёнка нормальный процесс дефекации не только приятен, но и рассматривается как творчество. Неестественен как раз некий авторитет, который в форме культуры, духа, концепции прекрасного или человеческого достоинства принудительно навязывает себя, вмешиваясь в естественное развитие.

Здесь впервые возникает принципиальный конфликт между самостью и суперэго; это центральная проблема патриархального кризиса детского развития. За исключением патологических случаев и врождённых отклонений, естественное развитие ребёнка никогда не конфликтует с самостью, представителем уникальной биопсихической целостности. Но суперэго — власть среды, группы, исторически и культурно обусловленный внешний фактор, чьи требования неизбежно должны вступить в конфликт с личностями, составляющими группу.

Формирование суперэго как законодательного авторитета естественно для человечества; но его изменчивое содержание естественно отнюдь не всегда. Как бы то ни было, власть суперэго трансперсональна для индивида, растущего в своей группе, и успехи и неудачи в индивидуальном развитии в большой степени зависят от столкновений личности с суперэго.

Если изначальное чувство вины, идущее из ранней негативной первичной взаимосвязи, — незаметная основа для последующего развития негативного суперэго, то столкновение ребёнка с материнским анимусом в анальном кризисе ведёт к гораздо более выраженному и легко заметному, но и сравнительно легко излечимому повреждению личности. Когда в результате кризиса анальное развитие принимает негативное направление, мы можем говорить (по причинам, которые объясним ниже) об «анальной кастрации».

Нарушения в первой фазе первичной взаимосвязи, вызывающие у ребёнка изначальное чувство вины, возникают в результате идентификации ребёнка с негативной Великой матерью, отвергающей его и, следовательно, отказывающей ему в праве на жизнь. Это фундаментальное расстройство, поскольку оно затрагивает развитие целостной самости, формирующейся из мировой и связанной самости в рамках отношений ребёнка с матерью. Нарушения в анальной фазе, сопровождаемые развитием зачатков негативного суперэго, также ведут к усилению чувства вины. Но если изначальное чувство вины угрожает основам самооценки ребёнка и самому его существованию, то чувство вины при анальной кастрации — это расстройство, влияющее на развитие оси «эго — самость», но не затрагивающее её основание, то есть самость. В фазе анального кризиса эго уже существует. Поэтому чувство вины, связанное с этой фазой, уже не сопровождается ощущением, что в этом мире невозможно жить, а несёт социальный оттенок. Поскольку это чувство вины социально обусловлено вторжением морального культурного канона группы или матери, попытка индивида преодолеть его принимает форму активной судорожной социализации, то есть усиления суперэго как принуждающей, разрушительной власти.

Скрытое напряжение между самостью и суперэго неизбежно присутствует в развитии человека. Пока моральный аспект анального развития совпадает с природной предрасположенностью ребёнка, он подчиняется самости, воплощённой в матери, что позволяет осуществлять позитивный синтез и интеграцию напряжения. Самость, охраняющая аутоморфное развитие личности, отвечает также за эту адаптацию к миру и обществу.

Социально, гетерономно обоснованная мораль суперэго также может основываться на нормальных инстинктивных склонностях, заложенных коллективным бессознательным, просто расставляя свои акценты. Нормальное суперэго не негативно в своей основе, оно не выставляет завышенные требования и не насилует личность; как и самость индивида не нарциссична и не слепа по отношению к миру. Да, она находится в постоянном конфликте, но конфликт каждый раз ведёт к новому синтезу и развитию.

С развитием эго ребёнок вступает в конфликт между зависимостью и свободой, гетерономией и автономией. Проблема развития и консолидации эго становится социальной, безличной проблемой, которую должны решить между собой эго и «ты», то есть в первую очередь, но не исключительно, ребёнок и мать. Но с другой стороны, развитие эго в той же мере представляет собой индивидуальный, внутриличностный процесс, протекающий между эго и самостью.

«Ты» самости представлено матерью только в первой фазе первичной взаимосвязи; когда ребёнок становится более независимым, самость превращается в совокупность эго собственного индивидуального существования, что приводит к новым столкновениям эго с обществом и суперэго, представляющим культурный канон этого общества.

Взаимодействие свободы и зависимости, с этого момента определяющее человеческую жизнь, проявляется в росте независимой личности, обладающей эго-сознанием и надёжной свободной волей, и в зависимости эго от вышестоящего окружения и от самости. Обоюдная творческая связь между эго и самостью, охраняющая личность и поддерживающая аутоморфное самосознание, играет решающую роль в этой конфронтации.

Но если культурный канон вступает в конфликт с естественной предрасположенностью человека, если он односторонне и неестественно ограничивает природные влечения и пути развития с помощью подавления и принуждения, в результате образуется насильственная форма суперэго. Она вступает в конфликт с самостью, которая, будучи естественным центром целостной личности, управляет полярностью «дух — природа»

внутри психе, но никогда не одобряет одностороннего подавления одного полюса другим.

Именно поэтому мы говорим об «анальной кастрации», когда целостность ребёнка, представленная самостью — в этом случае ещё телесной самостью, — нарушается путём навязывания анальной чистоты обезцениванием и принуждением. Если мы имеем негативную первичную взаимосвязь и невротичную, пуританскую мать, уступившую патриархальным анимусам своего культурного канона и поэтому неспособную обеспечивать развитие своего ребёнка в позитивной взаимосвязи, в результате получаем анальную кастрацию: ребёнок чувствует, что, избавившись от экскрементов, он потерял часть собственного тела. Если приучение к горшку начать преждевременно, когда ребёнок сохраняет позитивную оценку своего тела как целого, он ощущает эту потерю как нарушение целостности тела и испытывает беспокойство, страх. Если мать испытывает отвращение — не важно, идёт ли оно от невроза или просто не совпадает с фазой развития, — у ребёнка развивается негативное отношение к горшку, и необходимость периодически опорожнять кишечник он воспринимает как насильственное лишение.

Изначально ребёнок воспринимает тепло своих выделений позитивно, считая их частью своего тела. Но при этом он считает периодическое хождение на горшок совершенно естественным, если приучение началось в нужное время, и воспринимает его как шок, если приучать начали слишком рано. Анальная кастрация — нечто большее, нежели нарушение целостности тела; негативная самооценка, вызванная матерью, конструирует негативное суперэго. Суперэго становится представителем морально обезценивающего внешнего вторжения, перебивающего нормальное развитие. Как следствие, это негативное суперэго вступает в неестественный конфликт с самостью и телесной самостью ребёнка, вызывая опасный раскол внутри личности.

Компульсия, нарушающая автономный ритм ребёнка, насилует его личность, вызывая потерю ощущения безопасности и вмешиваясь в развитие эго. Самость, обеспечивающая безопасность, заменяется чрезмерно требовательным суперэго, вызывающим не только неуверенность, но и чувство вины, поскольку ребёнок не может соответствовать его требованиям.

Пытаясь выполнить эти преувеличенные требования, ребёнок активно принуждает себя, идентифицируется с этой импульсией и сам становится импульсивным.

Эго, зависящее от направляющей самости, становится в оппозицию к самости, которая, как целостная самость и телесная самость, охватывает также и отвергаемый нижний полюс тела и мира. Интроецируя негативно оценивающее групповое сознание, эго основывается на суперэго, представляющем культурный канон. Средства, которыми эго отделяет себя от самости и противопоставляет себя ей — то есть своей собственной природе, — те же, что применяются для этих целей в группе, — принуждение и подавление. Такой раскол в личности порождает агрессии, и они либо проецируются вовне как разрушительная моралистическая попытка уничтожить зло в других (психология козла отпущения), либо — если эта попытка не удалась — ведут к усилению чувства вины, питая таким образом замкнутый круг запретов и самозащиты.

Тревога, возникающая при анальной кастрации, проявляется в основном в боязни заразиться злом и оказаться неспособным уничтожить его в самом себе. Инфекция, болезнь, дьявол и смерть — вот группа символов, соответствующая нижнему анальному миру, постоянно угрожающему существованию верхнего мира головы и эго. Утеря нижнего, подавляемого анального полюса и экскрементов ощущается как отрубание, отрезание, убийство — отсюда термин «анальная кастрация». Смерть и земля, жизнь и небо больше не соединены, как некогда, в матриархальном мире, в высшее единство; теперь земля-смерть-ад и нижний мир враждебны высшему миру. Это страшные пожирающие силы, сеющие разрушение, после которого не будет никакого возрождения. Христианская концепция вечного адского пламени — это теологическое выражение требования уничтожения нижнего полюса, который таким образом полностью откальвается и больше не может вернуться к высшему единству с верхним, небесным аспектом. Мы уже говорили о связи между дьяволом, экскрементами и зловонием. Этот анальный аспект или «схождение в ад» — лишь одна из характеристик. Но не случайно ад несёт анальное клеймо и в другом отношении. Я имею в виду садистский характер избавления от зла, столь

типичный для патриархального ада во всех религиях. Например, христианин, приписывающий своим святым столь тошнотворное удовольствие от страданий их ближних, очевидно мстит святым за подавление собственного хтонического аспекта — поскольку внутри психе мученики, палачи и зрители составляют одно, и каждый играет сразу все три роли. Грешник пытается святых своим грехом и одновременно наказывает сам себя, переносит ту же пытку. Однако и святой в то же время является палачом грешника внутри самого себя, поскольку он подавлял хтонический земной аспект, в котором теперь и страдает. Но и дьяволы — святые, поскольку представляют небо, заставляя людей страдать и одновременно испытывая страдания, которые причиняют сами себе, и они же, будучи святыми, стоят в стороне, наблюдая за процессом. Один из наиболее поразительных примеров связи между адом и анальным миром можно увидеть на картине «Ад» Иеронима Босха, изобразившего анальный аспект в уникальной для мирового искусства манере. Связь между дьяволами и демонами и анальным отражена также и в фольклоре, множество примеров можно найти в еврейских законах и обычаях.

При нормальном развитии, когда первичная взаимосвязь не нарушена, полюс головы и эго развивается одинаково у младенцев обоих полов, и поляризация личности и мира происходит скорее на основании противопоставления пассивного и активного, нежели женского и мужского. Действительно, на этой стадии начинается «разделение Мировых родителей», завершающееся осознанием противоположностей мужского и женского. Но свойство Великой матери заключать в себе противоположности проявляется в том, что связанный с ней ребёнок пока не осознаёт свой пол, поскольку развитие, общее для обоих полов, выражено ещё намного сильнее, нежели аспект половых различий.

Только после преодоления анального акцента и сопутствующего ему анального кризиса может начаться процесс смещения акцента вверх, который в итоге завершится доминированием верхнего, «солярного» эго. Но это же преодоление необходимо и для разделения анальной и генитальной зон и смещения акцента в пределах нижнего полюса к передней, генитальной области. Это смещение связано также с принятием

вертикального положения, в результате чего генитальная зона, спрятанная под животом у четвероногих млекопитающих, у человека оказывается доступна для зрения и осязания. Эта открытость гениталий и их расположение спереди — черта, характерная только для человека, и только у людей половой акт происходит в положении лицом к лицу и, в отличие от животного мира, распространяется на всё тело и таким образом на всю личность. Но с точки зрения символизма тела передняя сторона находится в пределах видимости эго, а анальная зона, поскольку располагается сзади, за его пределами, является частью символизма бессознательного.

СТАДИИ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО ЭГО

Хотя до сих пор мы занимались матриархальной фазой детского развития и началом выхода из неё, мы постоянно отмечали развитие эго. Однако это развитие протекало до такой степени под властью матери, что мы рассматривали в основном отношения не эго, а целостной самости ребёнка с телом, матерью как таковой и матерью как представителем мира. Именно поэтому в наших рассуждениях играли столь важную роль эрогенные зоны, открытые Фрейдом, хотя мы поместили их в иной контекст, нежели сам Фрейд, и придавали больше значения их гносеогенному, а не эрогенному аспекту. Но и привязанность младенца к матери, и привязанность к собственному телу отражают тот факт, что на этой стадии телесная целостность, телесная самость имеет большее значение, чем эго, которое формируется постепенно.

Теперь мы обратимся к более прогрессивным фазам детского развития, хотя время от времени нам придётся возвращаться назад, к тем ранним фазам, которыми мы занимались до сих пор. Так что мы будем не только продолжать предыдущие темы, но и кратко повторим их. Однако с этого момента мы станем рассматривать всю ситуацию в новом свете. Теперь решающим фактором для нас станет эго, поскольку отныне, сделавшись центром сознания, оно будет служить центральной точкой человеческого опыта.

Развитие личности ребёнка и переход от матриархата к патриархату отражаются и в развитии эго. Наша попытка разграничить разные фазы развития эго вызвана не навязчивым стремлением автора к систематизации, а символизмом психе,

очевидным в психологии как детей, так и взрослых, понимание которого важно для того, чтобы отличать нормальное развитие эго от нарушенного.

Пройдя через ряд определённых стадий, эго переходит от матриархата к встрече с отцовским архетипом и, наконец, достигает высшей ступени независимости в патриархате. Соответственно, мы отличаем низшие стадии развития эго, относящиеся к первичной взаимосвязи и матриархату, от высших солярных стадий, где эго уже устанавливает связь с маскулинной самостью и архетипом отца, символически выраженном в дневном небе и его центре — солнце.

Обсуждая развитие активного эго, поначалу одинаковое для обоих полов, мы будем говорить о «фаллических стадиях эго». Этот термин требует объяснения. Несмотря на эпитет «фаллический», он означает не сексуально акцентированное эго, а деятельность эго, во многом зависящую от всего тела, от акцентуации и опыта тела. Неслучайно на латыни фаллос звучит как «fascinum», то есть нечто зачаровывающее (fascinating). Ещё в древние времена фаллос стал fascinum для обоих полов, а ещё раньше словом fascinum обозначали женскую плодовитость и менструации. Для личности, у которой ещё отсутствует стабильный центр эго-сознания, фаллос символизирует независимость бессознательного и тела. В образе фаллоса творящая, побеждающая автономия тела становится для эго подлинным зачаровывающим опытом высшей силы, здесь выраженной в форме телесной самости.

На этой стадии человек воспринимает fascinum фаллоса не как часть себя или тем более своего тела, а как нечто трансперсональное. В этом же смысле мы говорим о влечении как о чём-то, чему мы — то есть наше эго — подвергаемся, что влечёт нас. Мы ощущаем эту силу не как часть себя, от которой можно избавиться, а как нечто сверхличностное, чему мы более или менее поддаёмся. Поэтому влечения позднее приняли форму богов и почитались в таком виде — например, сексуальное влечение в облике Афродиты или агрессивный порыв в облике Марса.

Итак, фаллическое в мире примитивного человека — это нечто превосходящее, трансперсональное; и человек воспринимает независимое фаллическое эго, с которым пока не успел

идентифицироваться, как трансперсональную силу, обладающую собственной активностью.

На этой стадии развития личности психе ещё не полностью разделилась на сознательный и бессознательный полюсы и, что ещё важнее, пока не развилась иерархия психических авторитетов, в которой мы идентифицируемся с эго как с центром сознания. Эго пока остаётся просто автономным комплексом, одним из многих, и идентичность личности с собой ещё не основана на идентичности с эго; или же можно сказать, что ребёнок имеет нелокализованное, свободно плавающее сознание.

Состояние нелокализованности связано с преобладанием телесной самости над эго и с тем фактом, что ещё не установилось противопоставление эго и самости. Примеры этой констелляции мы можем видеть в том, что маленький ребёнок, как правило, говорит о себе в третьем лице, а взрослый во многих ситуациях вины и отчуждения ощущает, будто действовал не он сам, а какая-то другая его часть.

Эта автономия эго-комплекса воспринимается как нечто безличное, особенно когда, как в матриархальной фазе, личность ещё в значительной степени бессознательна и направляется своей совокупностью как высшей, трансперсональной властью. Когда при дальнейшем психологическом развитии западный человек получает прямой опыт себя, происходит нечто схожее. Получая опыт самости в процессе анализа, пациент часто с изумлением восклицает: «Так вот кто я!». Так же, как изначально детское «пока не эго» с удивлением ощущает себя как эго, так и в процессе индивидуации человек ощущает себя как «больше не эго» и как «не-эго».

Мы говорим о не-эго в ранней фазе, поскольку в это время существование человека в значительной степени определяется коллективом. Он существует не как отдельная личность, а как часть группы. Только с постепенным развитием эго в психе начинает проявляться тенденция аутоморфизма, позволяя индивиду развивать свою уникальность. Она выражается в центроверсии, запускающей развитие эго и выводящей эго-комплекс и сознание на первый план. Это развитие отражено в архетипе героя, воплощающем прототип эго в противоположность не-эго. Инстинктивная формирующая деятельность эго на этой стадии

у обоих полов имеет мужской характер и противопоставляет себя Великой матери, повелительнице матриархального эго, поскольку за своё освобождение эго предстоит сразиться именно с ней.

Ранние формы эго, находящиеся в процессе обретения независимости, — это фаллическое, но при этом всё ещё матриархальное эго. Первая фаза, которую мы выделяем в развитии эго, — «фаллическо-хтоническая». Эго растительная и животная форма ещё достаточно пассивна и управляема. Она ещё не освободилась от матриархальной власти природы и бессознательного. И напротив, эго следующих за ней магических стадий, «магическо-фаллическое» и «магическо-воинственное», уже обладает заметной собственной активностью. Именно магическо-воинственное эго впервые разрывает свою зависимость от матриархата и начинает переход к патриархату, которому соответствует «солярное» эго. В следующей, «солярно-воинственной» фазе эго идентифицируется с отцовским архетипом. Затем следует солярно-рациональная стадия взрослого патриархального эго, чья независимость позволяет достичь относительной свободой воли и такого же относительно свободного когнитивного эго, характерных для современного западного развития. Итак, мы выделяем:

1. Фаллическо-хтоническую стадию эго:
  - а) Растительную;
  - б) Животную.
2. Магическо-фаллическую стадию.
3. Магическо-воинственную стадию.
4. Солярно-воинственную стадию.
5. Солярно-рациональную стадию.

Фаллическо-хтоническая и фаллическо-магическая стадии развития эго

Фаллическо-хтоническое эго ещё матриархально; ему соответствует Великая мать как самость. В этой фазе самость проявляется в форме телесной самости и как определяющее бессознательное, а мир как социальная и космическая окружающая среда. Ребёнок настолько тесно связан с Великой матерью, что эго, как в мифологии, появляется только в роли сопровождающего Великой матери, принадлежащего и подчиняющегося ей.

Мир детства, о котором говорит современная психология, схож с миром примитивного человека, который мы также характеризуем как матриархальный, пока эго ещё невелико и преобладает материнский архетип. Матриархальный мир примитивного человека не идентичен сельскохозяйственному периоду, когда существовал культ Великой матери и преобладал социологический матриархат. На самом деле уже люди ледникового периода, насколько нам известно, поклонялись Великой матери.

Психологически матриархат — это период правления бессознательного, когда сознание ещё не добилось независимости. Филогенетически мы можем говорить о фазе первичной взаимосвязи в развитии человечества, поскольку в древнейшей человеческой истории — а не только в жизни отдельного человека — существовал длительный период, когда бессознательное с его миром влечений и форм, инстинктов, импульсов и обрядов определяло существование человека и направляло развитие группы и её сознание. И этот период оставил свой след. В те времена человек, пока не обладающий эго-сознанием, жил, подобно младенцу, в унитарной реальности. Мир людей был заключён во всеохватывающий Великий круг, мировой сосуд, укрывающий в себе всё живое. В обоих случаях мы видим единство, мистическое соучастие, и пока до полярности «субъект — объект», «я — ты», «человек — мир», констеллируемой развитым эго-сознанием, ещё очень далеко. Это наиболее очевидно на самой первой стадии развития эго, в растительной фазе хтоническо-фаллического эго. Как автономная активность растения включена в хтонический элемент, землю, так и инфантильное эго зависит от трансперсональных человеческих законов, регулирующих его рост, которые, в свою очередь, находятся в ведении Великой матери.

Растительное эго фаллическо-хтонической стадии пассивно по отношению к направляющей активности Великой матери. Её уроборический характер проявляется в том, что по отношению к ребёнку она играет мужскую роль, роль активного, отдающего. Эго в этой фазе определяется телесной самостью, проецируемой на мать, и активностью матери как мировой самости. Поскольку ребёнок пока живёт в унитарной реальности, его эго не проявляет отдельной активности

или пассивности; скорее можно вести речь о лунном эго, отражении самости, оживляющей внешний и внутренний мир. Телепатический и телеактивный опыт этого мистического соучастия соответствует не активному и страдающему эго, а целостной личности ребёнка, пока не отделённой от матери.

Здесь мы можем символически говорить о стадии «эго в животе», направляемой внутренними и внешними бессознательными процессами, протекающими в матери, в окружающем мире и в биопсихике ребёнка. На более поздней стадии фаллическо-хтонического эго, когда Великая мать из Госпожи растений превращается в Госпожу животных, эго ребёнка начинает действовать более самостоятельно, но истинной определяющей силой всё ещё остаётся самость. Как при анальном кризисе эго перемещается вверх благодаря трансперсональному, характерному для всех людей умению садиться и вставать, так и «животную» деятельность фаллическо-хтонического эго направляют в основном внешние по отношению к нему силы¹.

Как мы знаем из глубинной психологии, даже действия полностью развитого взрослого эго, которые человек считает «свободными», сильно зависят от бессознательных констелляций, и творческие действия и невротические симптомы также определяются факторами вне эго. Если эта гетерономность эго заметна даже в высокоразвитой личности, то насколько сильнее она должна быть выражена на более ранних (филогенетически и онтогенетически) стадиях, когда сознание и бессознательное разделены не до конца, а эго ещё только формируется и пока не успело занять центральное место в сознании. Таким образом, действия, которые позже будут казаться следствиями намеренного «волеизъявления» эго, на этой стадии управляются бессознательными биопсихическими констелляциями. «Кричащее эго» ребёнка, к примеру, исполняет волю бессознательной общей констелляции, определяемой телесной самостью. Даже позднее, когда появятся вроде бы добровольные действия, они будут

---

¹ Здесь стоит подчеркнуть, что фазы развития эго, которые мы различаем, — это структурные фазы личности, а не отдельные последовательные временные периоды.

принимать форму ярости, злости, упрямства и иметь эмоциональный характер. Подобные действия — в каком-то смысле взрывы, при которых волю направляет не эго, а вся личность, страдающая или жаждущая чего-либо.

Однако это эго пока полностью растительно, оно пробуждается для роста, как семечко в земле; далее оно приобретает спонтанную активность, которую мы называем животной, поскольку пока она не имеет связи с сознанием, характерной для человека. Мифологические образы этой связи эго с самостью — животные, сопровождающие Великую мать, чья спонтанная активность всегда подчинена ей. Эти животные имеют фаллический характер, потому что, несмотря на связь с природой, всё же воплощают элемент оплодотворяющей спонтанной активности, и это частично определяет нашу терминологию: мы говорим о фаллическом эго, чей хтонический, связанный с землёй и с телом характер соответствует этой мифологической стадии.

Переходя от пассивно-растительной к более активной животной стадии, ребёнок начинает подчинять себе мир, расширяя сферу своей активности; он больше не жмётся к матери, как растение к земле, но всё больше расширяет сферу своего опыта и, наконец, подобно животному, начинает двигаться — вставать и ходить.

В фаллическо-хтонической фазе эго ребёнок в основном живёт в унитарной реальности, характерной для мистического соучастия первичной взаимосвязи. Психоанализ также постулирует магическую реальность этой стадии двойного единства². Она воплощена в эмпатии между матерью и ребёнком, в активных и пассивных парapsихологических феноменах и в бессознательном образе мира ребёнка. Но этот образ не отражается в сознании, и активное эго пока не может управлять магией, как это будет происходить на следующей стадии. Идентичность эго и самости, разумеется, приводит к неограниченному ощущению бытия, но отсутствие дифференцированного эго исключает ощущение всемогущества в смысле обладания властью.

---

² Геза Рохейм, «Магия и шизофрения» (1955).

Когда мы размышляем над уроборическим существованием младенца и его неограниченностью — насколько мы можем его себе представить на основании похожего взрослого опыта, выходящего за пределы сознания, — мы приходим к пониманию того, почему психоанализ приписывает младенцу магически-галлюцинаторную ситуацию всемогущества. Мир младенца неограничен, поскольку его не ограждает принцип реальности, соответствующий нашему сознанию. Но эта неограниченность — одновременно всевластие и бессилие, поскольку на этой стадии первичной взаимосвязи обладание и беспомощность идентичны.

С позиции более позднего сознания, когда уже осуществилось разделение сознания и бессознательного, личности и мира, подобная идентификация персонального фактора, то есть эго, с трансперсональной самостью представляет собой негативное явление. Это инфляция, отвергающая ограничения личной сферы и представляющая опасность. В отличие от сознания, магическое эго, только начинающее свой путь к независимости и ещё не отделённое от самости, в любом случае будет инфляционным, поскольку оно выходит за объективные пределы опыта и деятельности, которые для него попросту не существуют.

Магическую ситуацию ребёнка подпитывают несколько источников, которые следует отличать друг от друга. Прежде всего, это всемогущество чувства — но не мысли, — связанное с уже описанным космическим характером ещё не ограниченного существования. Но это даже не столько ощущение всемогущества, сколько всеохватывающая, вселенская распространённость; это райское состояние завершенности без противоположностей: оно не сосредоточено в эго и лишено характера власти в смысле обладания.

Райское состояние ребёнка в материнском чреве не имеет ничего общего ни с всемогуществом, ни с исполнением всех желаний, потому что, если мы и можем как-то описать это состояние, это скорее отсутствие каких-либо желаний. Здесь, как часто случается, понятие всемогущества перепутано с самодержавием. Самодостаточность эмбриональной фазы, где нет ещё вопрошающего проблемного эго-сознания, — это архетипический образ мира, удовлетворённости; но с властью, силой

это состояние никоим образом не связано, поскольку пока не может идти речь о неосуществлённых желаниях — никаких желаний нет вовсе.

Здесь психоанализ вновь был введён в заблуждение собственным опытом патологических состояний, которые действительно порой отмечены возвращением, регрессией к первичной взаимосвязи и вознесением из реальности в этот райский мир мечты. Это стремление улететь подальше — симптом расстройства, при котором реальность кажется невыносимой. Он приводит к регрессии, при которой всемогущество эго или райское состояние без эго представляют собой желанный образ.

Вероятно, опыт всемогущества можно соотнести с более поздней стадией эго, когда оно перемещается в голову и обретает господство над миром и собственным телом ребёнка. На этой стадии ребёнок сталкивается с явлением, которое любой взрослый принимает как должное, но малыша оно поначалу изрядно сбивает с толку: это ощущение того, как тело слепо повинуется воле эго, и мысль немедленно преобразуется в двигательную активность. Это явление — несомненно, один из главных источников магического мышления, особенно на этой стадии, поскольку между внутренним и внешним, психе и окружающим миром ещё не прочерчена граница. То, что мы называем фантазией, ещё не оторвалось от реальности, и мир пока не сделался объективным.

Но фантазия человека работает не как регрессивная функция желания; скорее это подготовительная форма адаптации к жизни. Это источник всего, что характеризует человека именно как человека. Фантазия о преображении мира — первая стадия эго реального преобразования, и не следует путать её с регрессивным «wishful thinking», характерным для невротического бегства от мира. Мир искусства, мир культуры и цивилизации со всеми изобретениями, включая изобретение науки, возник из творческой фантазии человека. И то, болен человек или здоров, определяется не интенсивностью фантазии, а его способностью или неспособностью превратить её в реальность.

Как и тесно связанная с ней игра, фантазия имеет жизненно важное значение для человека. Реальность состоит не только из внешнего опыта, и её функция — не только лишь адаптация

к внешнему миру. Первая реальность, к которой человек должен адаптироваться, — унитарная реальность, неделимое единство внешнего и внутреннего. Позднее, с патриархальным развитием сознания, эта единая реальность превращается в полярность внешнего мира и внутренней психе. И недостаточная адаптация к внутреннему миру психе столь же невротична, как и недостаточная адаптация к внешнему миру.

Но поскольку развитие направлено от унитарной реальности к адаптации к полярному миру, для примитивного человека и для ребёнка важна именно адаптация к окружающему миру; обыкновенно психический элемент остаётся бессознательным и всплывает в сознание только при каких-либо возмущениях в бессознательном.

Как учит нас этнология, функции древнего человека были столь же развиты, как и у современного, и состояние его психе, хотя оно и отличалось от нашего, никак нельзя считать примитивным. К примеру, его магическое мышление не следует толковать как детское заблуждение, из-за которого первобытный человек, вместо того чтобы воспринимать реальный мир, действовал как галлюцинирующий, жаждущий власти младенец, как описывает нам психоанализ. Довольно очевидно, что, если бы магический древний человек действительно вёл себя подобным образом, долго бы он на этой земле не протянул. Ребёнок, чьи желания якобы исполняются в его видениях, так или иначе питается материнским молоком, какие бы видения ему ни являлись, — но первобытному человеку приходилось выживать в непростых условиях. Невозможно представить, чтобы галлюцинаторные магические действия без практической пользы, служащие только для воображаемого удовлетворения желаний и никак не связанные с опытом изменения реальности, продолжались бы сотни, а то и тысячи лет. Мало того, эта магическая активность повторяется и в онтогенезе и также играет решающую роль в психе современного человека, как здорового душевно, так и не очень.

Ещё один аргумент против того, что магический человек страдает галлюцинациями, состоит в том, что в магической фазе когнитивная функция эго уже работает. Магическая позиция и наблюдение реальной природы ни в коем случае не исключают

друг друга, а напротив, прекрасно уживаются, как показывает искусство ледникового периода. Но объективное познание природы подчинено бессознательному опыту, выражающему себя в образах. Эта архаическая, иррациональная и в значительной степени интуитивная форма познания, при которой бессознательное перевешивает сознание, ни в коем случае не идентична галлюцинаторным желаемым образам, подчинённым принципу удовольствия в противоположность принципу реальности. Не говоря уж о важности его для современного человека, бессознательный, управляемый инстинктом архаический опыт животных, первобытных людей и детей — это опыт мира, а не мечтания и галлюцинации. Эмпатия между матерью и ребёнком — аутентичная ориентация, хотя на неё и влияет восприятие бессознательного, а мистическое соучастие как основа жизни в унитарной реальности — это аутентичная иррациональная связь между действительностью и ориентацией в действительности; это не безумная иллюзия, оторванная от реальности. Негативный фактор в таком расширенном восприятии — недостаток ясности, но с другой стороны, солярному сознанию пришлось заплатить за эту ясность сокращением и потерей жизненно важных элементов.

Скажем прозе: психоанализ полагает, что ребёнок рождается в состоянии, близком к сумасшествию, в котором следует исключительно принципу удовольствия и адаптируется к реальности и принципу реальности только под давлением неприятностей, приходящих из внешнего мира. Эту концепцию развития чувства реальности следовало бы заменить другой, более соответствующей этнологическим фактам. Ребёнок, как и любое другое животное, не приходит в этот мир как *tabula rasa*; в его распоряжении уже имеется система бессознательных, инстинктивных и архетипических способов реакции, которые включаются окружающей средой и подстраиваются к ней. Как нам известно, инстинктивное поведение всего органического мира всегда включает в себя специфическую адаптацию к средней, нормальной реальности, в которой живёт организм.

Детская психе устроена так, чтобы инстинктивно ассимилировать неприятные факторы бытия. Механизмы этой ассимиляции или адаптации изначально встроены в психе и ждут,

пока жизнь не даст необходимые стимулы, чтобы запустить их. На следующих стадиях развития эго мы сталкиваемся не только с его растущей независимостью, но и с неуклонно меняющимся отношением эго к реальности. Не только взаимоотношения эго с миром и бессознательным, но и его связь с самостью постоянно подвергается изменениям. Но эти изменения или, по крайней мере, их базовая структура — это вопрос универсальных человеческих предрасположенностей. Тогда как зависимость фаллическо-хтонического эго от телесной самости и бессознательных процессов, связанных с биопсихикой, сопровождается постоянными колебаниями эго и ещё не закреплённого сознания, магическое активное эго уже закрепляется в центре сознания, которое начинает постепенно систематизироваться.

Магическая активность эго, так же как и магический взгляд на мир, совпадает с фазой, в которой личность, приобретающая всё больший аутоморфизм и независимое сознание, пребывает в реальности, пока не ставшей независимой и овеществлённой. Именно в этой конstellации впервые появляется граница между личностью и миром, и на этой стадии самость, которую наше сознание соотносит с психе, ещё не утратила своей вселенской распространённости, характерной для унитарной реальности. Стадия магического эго основывается на том, что самость в своей всеобъемлющей целостности воспринимается как принадлежащая эго, которое распространяет на неё свою магическую власть. Это отношение самости к эго аналогично отношению тела к конечностям, находящимся под командованием эго.

Эго, постепенно идущее к независимости, должно консолидироваться, собрав и систематизировав содержимое сознания, а также ощутив себя центром сознания, который постепенно учится отделять себя от мира и бессознательного.

Детские ритуалы, необходимость в восприятии мира как упорядоченной системы, в которой периоды дня, люди, занятия и вечерняя сказка на ночь занимают свои установленные места, формируют основу эго, которое должно чувствовать себя стабильным центром упорядоченного мироздания. Как детские рисунки постепенно превращаются из хаотичных каракулей в круглую фигуру (мандалу), так и эго концентрирует, выделяет себя из психических колебаний, частью которых

являлось, чтобы стать центром мира, представляющим личность и связанным с сознанием. Эта магическая антропоцентрическая позиция отражает растущую независимость эго, которое, не подчиняясь более миру и бессознательному, начинает тянуться наружу и покорять мир.

Окружность, мандала, играющая такую выдающуюся роль в ранних детских рисунках, филогенетически возникает в виде магического круга, которым эго отделяет себя от мира. Концентрация эго — предпосылка его активности, которая у взрослых превратится в активность управляющей воли. Следовательно, самые первые ритуалы — это ритуалы концентрации эго, ритуалы круга, мандалы; вероятно, самая ранняя форма такого ритуала, общая для всех народов, — хоровод. Образуя круг, группа людей отделяет себя, своё сообщество от мира. В мандале психе центром является самость, тогда как эго — центр мандалы сознания. В обоих случаях круг означает защиту, крепостные стены вокруг психического содержания. Но эти два круга связаны между собой, нижний является основой верхнего, самость — корень эго, и два центра соединены осью «эго — самость». Ось «эго — самость» — это и ось личности, которая, стремясь к независимости, выходит из унитарной реальности.

Психоанализ интерпретирует этот процесс как перемещение первичного, привязанного к объекту либидо во вторичный нарциссизм, который в дальнейшем станет стартовой точкой развития объективного опыта. В противоположность этой теории, которая предполагает непостижимую прогрессию и регрессию либидо, мы предполагаем, что магическое эго — естественная прогрессивная стадия развития, переход от уроборической унитарной реальности без субъекта и объекта к магическому миру, где эго постепенно становится независимым, и далее к патриархальному солярному эго, которое впервые выступает как субъект по отношению к объективному миру.

Магическое эго чувствует свою неограниченную власть над телом. Следовательно, оно властвует и над миром, поскольку в унитарной реальности он сливается с телом, и ощущает себя центром мироздания.

Концентрируясь таким образом, эго назначает само себя на роль верховного властителя, собирая воедино все свои ранее

изолированные и разрозненные процессы. Если фаллическо-хтоническое эго, как спутник, вращалось вокруг матери, то теперь, в фаллическо-магической стадии, оно более независимо от телесной самости и «ты». Укоренившись в самости, оно вступает в свои права. Поляризация оси «эго — самость», связывающей два этих полюса, что становится очевидным на данной стадии, предполагает также и начало обретения независимости от самости. Однако выраженная независимость будет достигнута только на стадии солярно-патриархального эго. Фаллическо-магическое эго уже обладает независимой активностью и взаимодействует с миром, но не будем забывать, что оно всё ещё живёт в матриархате мистического соучастия.

Находится ли эго в унитарной реальности или в магическом мире матриархата, его независимость и сознание пока беззащитны. Оно всё ещё подчиняется внутренним влечениям и эмоциям и событиям внешнего мира. Эго магической активности недостаёт непрерывности патриархально-солярного эго; оно фрагментарно и существует только в отдельные моменты, отведённые для ритуала концентрации.

В древнем мире любая деятельность также предварялась ритуалами, «запрягающими» либидо, поскольку волевое либидо ещё не было доступно в любой момент, как у более зрелого эго. Как ребёнок кропотливо учится действовать по своей воле, исполнять свои намерения, мыслить последовательно и действовать как независимая система в своих столкновениях с миром, так и сознательная активность магического эго — чрезвычайное и утомительное состояние, которое вызывается случайными факторами внешней среды, а затем вновь и вновь поглощается матриархальным миром.

На магическо-фаллической стадии эго ещё сохраняется частичная идентичность эго с телесной самостью. Магическое эго пока действует частично как представитель биопсихики. Это эго иррационально, и его деятельность несколько не похожа на деятельность солярно-рационального эго. Поэтому намерения и ритуальные действия магического эго всё ещё частично бессознательны и эмоционально окрашены. Концентрация магического эго в группе и в личности почти всегда начинается с танца и возбуждающей музыки. Это означает, что такому эго нужен

мощный эмоциональный заряд, чтобы обрести магическую способность, связанную с идентификацией с телесной самостью. Безусловно, его активность уже направлена на завоевание мира, но начинается этот крестовый поход из матриархата, где факторы, которые наше сознание разделяет на «символический внутренний объект» и «внешний объект», неразрывно связаны. Поэтому магия часто основывается на образах, а ритуальное «убийство» нарисованного животного в магии идентично убийству реального зверя. Для более развитого сознания такой магический обряд в лучшем случае будет подготовкой к охоте; с точки зрения психологии это концентрация воли эго, необходимая для охоты. Но для магического эго никакой подобной последовательности не существует. Напротив, магическое убийство — это главное действие, а реальное уже второстепенно. На этой стадии они фактически идентичны, поскольку магическое убийство происходит в мире унитарной реальности, которая в этой фазе и составляет мир.

Весь этот процесс протекает в нуминозных сумерках архетипических образов и духовной реальности, а не в реальности физической. Один из показателей этого — тот факт, что объект магической охоты — животное, которое изображают в форме магического образа, чтобы победить и убить его магическим же действием, — всегда берётся как целый вид и никогда — как конкретное животное.

Мы называем эту магическую деятельность фаллической, поскольку это оплодотворяющая и преобразующая активность, вторгающаяся в принимающие её мир и бессознательное. Будучи проводником этой активности, эго оплодотворяет в сверхсексуальном и сверхличностном смысле.

Оплодотворение на этой стадии в значительной степени относится к сфере еды, тесно связанной с порождением. Человечество живёт охотой на диких животных, и магическо-фаллическое эго вращается вокруг пищи и её добывания, ещё не обращаясь к мифам и традициям и уж тем более к познанию и законам более позднего духовно-солярного существования³. А традиция

---

³ Но, несомненно, как мы снова и снова подчёркиваем, все упомянутые стадии смешиваются и перекрываются, и чётко различать их можно только в абстракции.

и миф, уже рождающиеся из ритуалов даже на такой ранней стадии, вращаются вокруг Великой матери как дарующей пищу, Госпожи растений и животных, власть над которыми и занимает человека на этой стадии.

Итак, мы описали стадии эго матриархальной фазы, когда эго ещё подчиняется руководству бессознательного и выступает в роли спутника Великой матери, богини не только растительной и животной, но и человеческой жизни. Таким образом, человеческое эго впервые появляется в символе ребёнка, связанного с матерью, но магическо-фаллическое эго с его возросшей активностью и независимостью мифологически соответствует юному любовнику Великой матери. Это рождённый ею сын, но она же и убивает его, когда он становится юношей; однако он воплощает и оплодотворяющий принцип внутри неё, он оплодотворяет и трансформирует её своей фаллической активностью.

Мифологическое убийство юного любовника Великой матери в воплощении Ужасной смертоносной матери означает, что эго слабее, чем матриархальный мир бессознательного, из которого оно поднимается и который уничтожает его. Как фаллос становится собой только в акте оплодотворения, а в остальное время он всего лишь мягкая и безвольная часть целого, так и магическо-фаллическое эго становится собой только в действии, после чего «погибает» от руки Великой матери и возвращается в детское состояние⁴. Но юное эго всё же остаётся оплодотворяющим, поскольку благодаря его активности по отношению к телу и бессознательному эмоции

---

⁴ Именно поэтому, работая с мужскими неврозами, связанными с привязкой к Великой матери, мы обнаруживаем, что развитие эго остановилось на магическо-фаллической стадии. Необходимость в переходе к независимости и патриархату здесь часто принимает форму фантазии о «вечном фаллосе», то есть пациент считает, что его половой орган должен всё время находиться в состоянии эрекции. Непрерывность высшей солярной мужественности, то есть сознательного мышления и поведения, пациент путает с низшей, фаллической мужественностью. К этому же контексту относится и невроз Дон Жуана, при котором активный протест против Великой матери, к которой пациент одновременно стремится и старается её избегать, выражается в попытке сохранить постоянный фаллос, то и дело меняя женщин.

и влечения можно обуздать и использовать для концентрации магической активности. Сознательно утверждая свои намерения и цели — против воли тела и бессознательного, — это вызывает изменения в бессознательном и в мире, выстраивая с ними новые отношения.

Итак, с вторжением юного магического эго мир изменяется. С этого момента начинается мир *homo faber* (человека творящего), который не принимает блага матриархального мира, но изменяет этот мир. Магическое эго — это эго продуктивное, активное, творящее, фаллическое. Оно взаимодействует с миром не пассивным желанием, а активным вторжением, но в этом мире всё ещё преобладает матриархальная унитарная реальность, а не объективный мир солярно-рационального сознания. Поэтому оплодотворяющий акт юного любовника неизбежно завершается его смертью от рук Великой матери. Не только в хтонической, привязанной к земле растительной и животной фазе, но и в фазе магическо-фаллической эго всё ещё подвластно Великой матери. Его независимая активность бледнеет перед превосходящей силой матриархата бессознательного и мира, поскольку она ещё слишком слаба. Эго ещё не связано с архетипической силой, которая позволила бы ей уравновесить материнский архетип.

Растущая сила магического эго совпадает с ростом его независимости. Эго юного любовника пока держится рядом с Великой матерью, но постепенно, набирая силу, начинает проявлять свою независимость, продвигаясь к антропоцентрическому положению в центре мира. Личность человека начинает идентифицировать себя с эго как с центром сознания. Эта антропоцентрическая позиция — естественная основа существования человека в этом мире. И впервые она проявляется в позиции магического эго, которое пока пребывает в матриархальном мире, но уже начинает ощущать себя центром мироздания.

Но магическое эго не воспринимает мир настолько же сознательно, как солярное эго современного человека: его опыт мира эмоционален, и именно этот заряд чувств и эмоций придаёт миру значимость. В каком-то смысле ощущается только то, что привлекает или удивляет — короче говоря, имеет значение, — и этот опыт упорядочивается на основе того, что значимо

для человека. Над этим текучим миром эмоций, наполняющим существование тем, что посчитает стоящим внимания, доминирует символическая жизнь мифологической апперцепции, где категории опыта — не сознательные понятия, а символы и архетипы. Этот необъективный, неразделённый мир превращается в символический образ и воспринимается именно так. Здесь ещё нет привычного нам мира вещей, среди которых человек перемещается и с которыми взаимодействует, а имеется образ мира, волнующий человека изнутри и снаружи, направляющий его — тот мир, который охватывают его ритуалы.

С точки зрения сознания этот символический опыт — бессознательный взгляд на мир, в котором мир или часть мира воспринимается (с этнологической точки зрения здесь можно говорить об анимизме или преанимизме) как унитарный, полностью одушевлённый мир. Этот опыт направлен на унитарный контекст, очевидный для человека, из которого он не может выйти и в центре которого обнаруживает себя.

На этой стадии символ и архетип оказываются одновременно залогом опыта и категорией выражения. Символическая фигура, выходящая из бессознательного, берёт начало в универсальной бессознательной связанности человека с миром и потому обладает объективным, а не исключительно субъективным характером. Содержащее и содержимое, питающее и питаемое объективно присутствуют в мире, и в мифологической апперцепции психе отражаются в виде архетипа Великой матери. Это действительно архетипический, то есть универсальный для человечества образ и одновременно категория человеческого опыта, поскольку человек получает опыт с помощью этого образа в своей психе. Но этот образ соответствует и объективно существующему в мире; образ адекватен миру. Психический образ какого-либо явления в мире служит и залогом опыта, и органом психе, которая воспринимает и затем интерпретирует мир через этот образ.

В унитарном мире магического эго существует универсальная связанность; всё связано со всем, и одна вещь может и должна означать все остальные. Из этого мира рождается понятие бессознательной идентичности или мистического соучастия, а также характерное для древнего мира понятие идентичности

части и целого. Это второе понятие, работающее до тех пор, пока не сформируется сознание, проводит границы между разными вещами в мире. Этот связующий унитарный контекст между миром и человеком — основа поведения древнего человека, а в особенности его обрядов. Взамен всего, что он берёт для себя у природы, всего, что он забирает и использует, нарушая таким образом целостность бытия, он всегда возвращает часть как представителя целого, восстанавливая таким образом целостность. Эта эмоциональная связь со всем творением определяет деятельность человека в мире, так же как символический образ определяет форму этого опыта мира. И то, и другое — последствия антропоцентрической связи с миром древнего человека и ребёнка, части их магического отношения к миру.

Заняв эту антропоцентрическую позицию, человек как телесная самость становится центром, с которым связано всё в мире, в пространстве и во времени⁵. Образы пространства и времени человека упорядочиваются вокруг этой антропоцентрической позиции; к примеру, направления, стороны света, цвета и сами предметы рассматриваются в отношении к частям тела человека, а его ориентация во времени, понятия «до» и «после» исходят из занимаемой им центральной позиции. Это соответствие направлений телу означает не только то, что человек зависит от мира, но и то, что мир зависит от его тела, чей фокус — магическое эго, расположенное в голове. Иными словами, динамическое выражение антропоцентрического акцента, критически важного для положения человека в мире, — это понятие о том, что человек ответственен за существование мира. У многих народов существуют ритуалы, которые нужно проводить перед рассветом, чтобы солнце могло взойти, а в культуре мексиканских индейцев считалось необходимым принесение человеческих жертв, чтобы помочь солнцу завершить путь по небосводу. Эту магическую активность невозможно объяснить чувством страха. Одинаково важно, что человек занимает центральное положение в мире и что его связь с высшими силами через магические ритуалы обеспечивает выживание этого мира.

---

⁵ Эрнст Кассирер, «Философия символических форм».

Но это центральное положение вовсе не означает власть над природой, сравнимую с тем насилием, которое творит над ней западный человек, совершенно оторванный от природы. Это положение отлично сочетается с верованиями, согласно которым животные или конкретные виды животных занимают более высокое положение, нежели человек. К примеру, высшим существом древние люди почитали медведя. И в дальнейшем — как описывается, например, в Библии, — когда эта позиция человека сделалась сознательной, она была выражением не столько желания править миром, сколько некоей миссии управления, налагающей на человека важнейшие обязательства.

Магическое мышление магического эго позволяет установить эго-центр в ядре сознания и освободить эго-сознание от абсолютной власти бессознательного внутри и мира снаружи. Относительная свобода человека живёт в его активном эго и в сознании, которое отделяется от мира и психе. Это предполагает, с одной стороны, освобождение от власти бессознательного и инстинктов, а с другой — от господства окружающей среды. Не всевластие, но власть — со всеми её проблемными последствиями — теперь становится целью развития эго, в процессе которого, после формирования оси «эго — самость», уже не самость, а сознательное эго становится исполнителем жизненной воли личности.

Власть, управление природой снаружи и бессознательным внутри, другими словами, владение собой — одна из первых целей эго-сознания. Эта цель достигается в патриархальной фазе с помощью множества психических динамизмов, подавления и сдерживания, идентификации и проекции. Ещё одна цель — развитие личности для взаимодействия с обществом и внешним миром.

Антропоцентрический акцент, то есть акцент на том, что человек — мера всех вещей, что он, будучи создан по образу и подобию Бога, даёт имена животным и формирует мир вокруг себя, — это основа развития человека, который свято верит в то, что его назначение — править миром природы и психе. Ощущение подобия Творцу — главный символ этого центрального положения человека, вокруг которого вращается мир. Насколько нам известно, магическое действие изначально

совершалось группой, с помощью магии отделявшей себя от природы, с которой изначально была одним целым. Магические обряды охоты, следы которых мы находим в наскальных росписях ледникового периода, — возможно, первые среди всех ритуалов, — это первое духовное столкновение с животным как с «другим», которое необходимо убить. Эта магия действовала с помощью идентификации. В ритуальном танце человек изображал животное, охоту и убийство, таким образом устанавливая не только идентификацию с животным, но и отделяясь от него, изображая своё превосходство. «Убивая» рисунок животного, о чём свидетельствуют следы стрел на наскальных изображениях, человек отделялся от животных, утверждал своё господство над ними.

Этот психический акт магического ритуала — выражение не желания, но установления эго, которое, как групповое и индивидуальное эго, ставило себя в центр мира, над которым требовалось господствовать. Изначально магию всегда творили группой, и антропоцентризм здесь означает центральную позицию именно группы, а отдельная личность была лишь её частью. Соответственно, и охота практически всегда была совместной деятельностью группы, в которую встраивалась личность с её независимой активностью. Магическая безопасность индивидуального эго, от которой зависел успех группового действия, основывалась на эвокации групповой самости, актуализации высшего единства группы, охватывающего и направляющего отдельных людей и действовавшего как «внешняя самость», воплощённая в лидере — шамане или вожде, который традиционно считался связанным с трансперсональным существом — предком или духом.

Воплощение авторитета, который ещё не был внутренней психической реальностью, а воспринимался индивидом только извне, как конкретный человек, Великая Личность, крайне важно для структурирования человеческой психе. В этом развитии власть самости как мана-личности принимает форму владеющего силой центра, выходит из анонимности и становится лидером группы. И в то же время она придаёт более чёткую конфигурацию эго, определённую самостью каждого из членов группы.

Первая из известных нам групп — группа мужчин-охотников; это предшественница всех последующих мужских групп. Если судить по всему, что нам о ней известно, именно в такой группе развивается магическое эго. Она образовалась в те далёкие времена, когда магический ритуал плодородия ещё находился в руках женщин, высшего авторитета в таких областях, как питание и плодородие, подчинённых Великой богине-матери.

Деятельность мужской группы подчинялась этому матриархальному миру. Её магия была связана со способностью обретать силу в убийстве добычи. В росписях ледникового периода, самом древнем из известных нам документальном свидетельстве магических ритуалов, центральную роль всегда играет беременное животное. Но в матриархальной фазе хищный зверь считался ужасным мужским аспектом Великой матери. В этом ужасном аспекте она часто изображается в виде тигра, льва, пантеры или леопарда.

В матриархальной фазе сама мужская группа с помощью ритуала идентифицировала себя с этим убивающим аспектом Великой матери. Группа мужчин-охотников представляет смертоносную Ужасную мать, поскольку Великая мать управляет не только жизнью, но и смертью. Поэтому обряды охоты и убийства принадлежат мужчинам; обряды жизни, рождения и воскрешения — прерогатива женской группы. Идентифицируясь в группе с ужасным аспектом Великой матери, мужчина идентифицировался с убивающим символом оружия как разрушительного фаллоса. Этот символ интроецируется мужской группой. И, как «ужасное мужское», эта интроекция даёт силу человеку, подчёркивая его агрессию и активность — архетипические мужские черты.

Это усиление и акцентуация мужского принципа играют особую роль в установлении патриархата в человеческих сообществах. Как «Ужасный мужчина» — предварительная стадия «Ужасного отца», играющего столь важную роль в формировании суперэго патриархальной культуры, так и воинственное убивающее, магическо-воинственное эго группы охотников — предварительная форма солярного эго, которое в дальнейшем более явно освобождается от власти материнского архетипа.

Преодоление матриархата магическо-воинственным и солярным эго

В магической фазе эго мы различаем магическо-фаллическое эго, которое всё ещё в значительной степени определяется материнским архетипом, и магическо-воинственную стадию, на которой эго не только начинает восставать против материнского архетипа, но и обретает маскулинное сознание, что в итоге ведёт нас к солярной стадии патриархата.

Уже на фаллической стадии эго начинает ощущать себя как специфически мужское по отношению к женщине, к Великой матери и матриархату. Усиление мужского эго начинается с усиления его сопротивления женскому принципу. Это стремление к сопротивлению усиливается взаимоподдержкой мужчин в мужских группах и сообществах, которые всегда обретают огромную важность, если доминирует матриархальный элемент.

Поначалу взаимоподдержка мужчин, зародившаяся ещё в группах охотников в первобытные времена, подавляется женской магией. Великая мать как богиня плодородия, пищи и животных, разумеется, играла важную роль в магии охоты задолго до появления сельскохозяйственных ритуалов плодородия. А мужчина-охотник — всегда воин и убийца.

Поэтому в своей связи с Великой матерью магическая активность была воинственной и фаллической; это очевидно, если взглянуть на наскальные росписи палеолита, где пенис мужчины-охотника соединён с женщиной-заклинательницей, стоящей позади него. Здесь фаллическая активность мужчины по отношению к женщине явно связана с его воинственной активностью по отношению к добыче. И то, и другое относится к области плодovitости, изобилия, которой правит женщина. Великая мать-заклинательница не является — как можно предположить по некоторым толкованиям роли женщины в первобытную эпоху — жертвой агрессии мужчины; фаллический воинственный мужчина всё ещё подчиняется женщине в её питающем, плодородном аспекте. Те, кто придерживаются широко распространённого тезиса (порождённого церковным мышлением), что народы-охотники изначально были монотеистичны, выпускают из виду роль женщины в этот ранний период развития

человечества, чей матриархальный характер не учитывается в полной мере. Мы часто пытались объяснить, что же именно мы подразумеваем под матриархатом. Благодаря Фробениусу⁶ у нас есть известный, но до сих пор не использованный пример магического значения женщины в древних культурах:

«В 1905 году в джунглях между Луэбо и рекой Касаи я наткнулся на представителей племени охотников, широко известного под именем пигмеев. Они нашли убежище в лесах Конго после того, как их вытеснили с плато. Несколько этих людей — три мужчины и женщина — около недели сопровождали нашу экспедицию. Однажды — дело было уже к вечеру, и мы успели сделаться лучшими друзьями — на кухне в лагере случилась неприятность. Я спросил наших маленьких друзей, не смогут ли они убить нам на ужин антилопу, пока ещё светло. Они устали на меня, явно поражённые моими словами. Затем один из них ответил, что они с удовольствием помогли бы нам, но сегодня это абсолютно невозможно, поскольку они не успели подготовиться. Дальше последовало продолжительное обсуждение, после чего охотники объявили, что готовы провести все приготовления на рассвете следующим утром. На этом мы и расстались. Затем трое мужчин изучили окрестности и в итоге отправились на вершину соседнего холма.

Поскольку я горел желанием узнать, в чём заключаются их приготовления, я поднялся до рассвета и укрылся в кустах возле площадки, которую пигмеи с вечера выбрали местом своего ритуала. Когда охотники прибыли на место, солнце ещё не взошло. С ними пришла и женщина. Мужчины расчистили пространство на земле и выровняли его. Затем один из них присел и пальцем стал чертить что-то на песке. Всё это время остальные мужчины и женщина бормотали какие-то заклинания. Затем настало молчание. Солнце поднялось над горизонтом. Один

---

⁶ Лео Фробениус, «Происхождение африканских культур» (1933).

из мужчин подошёл к расчищенному пространству, достал стрелу и натянул тетиву своего лука. Прошло ещё несколько минут, и лучи солнца достигли рисунка на земле. В тот же момент, быстро, словно вспышка молнии, произошло следующее: женщина вскинула руки к солнцу, словно пытаясь охватить его, и выкрикнула что-то неразборчивое; мужчина спустил тетиву лука; женщина закричала ещё громче; мужчины с оружием в руках бросились в окружающий подлесок. Женщина постояла ещё несколько минут, а затем пошла обратно в лагерь. Как только она ушла, я выбрался из кустов и пошёл посмотреть, что же нарисовано на песке. Я увидел некое подобие антилопы длиной приблизительно три фута. В её шее торчала стрела, выпущенная одним из воинов.

Пока мужчины не вернулись, я хотел вернуться на холм и сфотографировать рисунок. Но женщина не отходила от меня ни на шаг и решительно возражала против этого. Мы снялись с места и продолжили путь. Днём охотники снова присоединились к нам с добычей — довольно крупным оленем. Он был убит стрелой, попавшей в яремную вену. Пигмеи положили добычу и отправились обратно на вершину холма с несколькими пучками шерсти и скорлупой, наполненной кровью антилопы. Они снова присоединились к нам лишь спустя два дня. И лишь вечером, под шипучее пальмовое вино, я решился заговорить о происшедшем с одним из них, больше других доверявшим мне. Это был уже немолодой человек, по крайней мере, старше трёх остальных, и он рассказал мне, что по возвращении они растёрли кровь и шерсть по изображению антилопы, выдернули стрелу и затем стёрли рисунок. Я не смог ничего добиться у него относительно заклинаний и их смысла. Но он упомянул, что „кровь“ антилопы привела бы к их гибели, если бы они не завершили ритуал правильным образом. Кроме того, нужно было стереть рисунок именно на рассвете. Он очень просил меня не говорить женщине о нашем разговоре. По-видимому, он очень боялся последствий своей болтливости, поскольку на следующий день пигмеи покинули нас, даже не попрощавшись».

Джозеф Кэмпбелл приводит ещё один пример из, пожалуй, ещё более древней области культуры, рассказывая об охоте на медведя:

«Когда в горах ловят ещё совсем маленького бурого медвежонка, его торжественно приносят в деревню, где отдают для вскармливания одной из женщин — медвежонок играет вместе с её детьми, и к нему относятся с такой же любовью. Однако когда он подрастает настолько, что в процессе игры может серьёзно поцарапать своими когтями или причинить боль слишком сильными объятиями, его сажают в деревянную клетку и держат в ней ещё два года, подкармливая рыбой и кашей из проса. И вот одним прекрасным сентябрьским днём приходит время освободить его дух от тела и отправить его, счастливым и свободным, домой в горы. Празднование в честь этой великой жертвы называется *йёмантэ* (*iyomante* или *iomande*), что означает уход, отправление. Несмотря на элемент жестокости, в целом ритуал имеет характер радостных проводов, и считается, что медведь (точнее, воплотившийся в него дух) необычайно счастлив, что его отправляют домой, — хотя, если это его первый визит к айнам, он может быть несколько удивлён.

Человек, устраивающий пир, сообщает другим жителям деревни: „Я, такой-то (например, Кавамура Моно-кутэ), собираюсь принести в жертву маленькое божество, пришедшее с гор. Друзья мои, собирайтесь на пир! Возрадуемся вместе его отбытию! Приходите, приходите все!“.

Когда прибывают гости, выстругивается некоторое количество молитвенных палочек (т. н. „носителей сообщения“) длиной примерно от двух до пяти футов, чтобы стружки на вершине собирались в некое подобие головы. Их втыкают в землю возле очага, где обитает богиня огня Фудзи (бабушка, прародительница), охраняющая дом. После такого освящения молитвенные палочки выносят наружу и втыкают в землю там, где будет происходить жертвоприношение. У их основания кладут два длинных

толстых „шеста удушения“ . Мужчины подходят к медвежьей клетке; за ними с песнями и танцами следуют женщины и дети; все садятся в круг перед клеткой, а один из мужчин, подойдя поближе, рассказывает маленькому божееству, что сейчас должно произойти.

„О божественный, ты пришёл в этот мир, чтобы мы охотились на тебя. Прекрасное маленькое божеество, мы преклоняемся перед тобой; услышь наши молитвы. Мы кормили и растили тебя, несмотря на все неприятности, потому что любим тебя. А теперь, когда ты вырос, мы отправляем тебя назад к твоим отцу и матери. Когда ты вернёшься к ним, замолви за нас словечко и расскажем им, как мы были добры к тебе. Пожалуйста, возвращайся к нам снова, и мы снова почтим тебя, принеся в жертву“ .

Затем медведя на верёвках выводят из клетки и обводят по периметру круга людей. В него стреляют небольшими тупыми бамбуковыми стрелами, раскрашенные чёрно-белым геометрическим рисунком, с пучком стружек на конце (хепере-аи, стрелы для детёныша), пока он не разъярится. Тогда его привязывают к раскрашенному шесту, двое сильных молодых парней держат его, а третий вставляет длинный кусок дерева между его зубами. Ещё две пары людей держат его задние и передние лапы, и один из „шестов удушения“ прижимают к его горлу, а другой к затылку, и тогда умелый лучник посылает стрелу ему в сердце, так чтобы ни одной капли крови не упало на землю, шесты сдавливают, и маленький гость возвращается домой.

Шкуру медведя снимают вместе с головой, вносят в дом и помещают возле восточного окна среди молитвенных палочек и подношений, чтобы дух мог принять участие в пире. Перед мордой медведя кладут сочный кусок его же собственного мяса, щедрюю порцию сушёной рыбы, просяные клёцки, ставят чашку с сакэ или пивом и миску с рагу из его же мяса. Затем к нему обращают следующую речь:

„О маленький детёныш, мы принесли тебе эти молитвенные палочки, клёцки и рыбу; отнеси их своим

родителям. Отправляйся же к ним, нигде не задерживаясь по пути, иначе демоны могут украсть подарки. А когда доберёшься до родителей, скажи им: отец и мать из народа айнов долго кормили меня и оберегали от бед и несчастий. Теперь я вырос и вернулся к вам. Я принёс вам молитвенные палочки, клёцки и сушёную рыбу. Будем же радоваться! Если ты скажешь им это, маленький медвежонок, они будут очень счастливы“.

Дальше начинается пир и танцы, а женщина, вскармливавшая медвежонка, плачет и смеётся, как и другие женщины, которым уже приходилось вскармливать медвежат, и которым известно это смешанное чувство радости и печали при прощании с ними. Выстреливают новые молитвенные палочки и втыкают возле головы медведя; перед ним ставят ещё одну миску рагу, а когда приходит время, распорядитель пира провозглашает: „Маленький бог ушёл, поклонимся же ему!“. Он берёт миску, совершает ритуал приветствия и делит её содержимое между гостями, так чтобы каждому досталось понемногу. Остальные части медведя также съедают, а некоторые мужчины пьют его кровь, чтобы обрести силу, и стирают немного по своей одежде.

Затем голову медведя отделяют от остальной шкуры и, насадив, на специальный „шест для провожания“, помещают рядом с другими черепами, оставшимися от прошлых жертвоприношений. И празднество длится ещё несколько дней, пока мясо маленького бога не съедят полностью»⁷.

Решительный шаг от матриархата к патриархату — развитие мужского сознания и его освобождение от матриархального мира, то есть мира магии, связанного с женщиной. Но этот прогресс также включает освобождение эго от матриархального, лунного сознания, чей негативный аспект — страх перед демоническим миром, то есть, для мужского эго, миром, определяемым женским принципом, бессознательным.

---

⁷ Джозеф Кэмпбелл, «Маски богов».

Подчинение женщине как рождающей и кормящей представительнице Великой матери теперь сменяется враждебным, подавляющим отношением мужчины к женщине. Этнологически это наиболее явно проявилось у одного из самых примитивных народов архипелага Огненная Земля, которому мы обязаны следующей историей о замещении лунного матриархата солнечным патриархатом⁸.

«Некоторые основные идеи я уже обрисовал в предыдущих отчётах. Тем не менее я передам здесь в точности, что мне рассказал Тененек в Большой Хижине:

В старые времена в нашей стране было уже много „howenh“. Тогда солнце и луна, ветры и звёзды, горы и реки бродили по земле, как люди — так же, как мы ходим сегодня. Но тогда повсюду — дома и снаружи — распоряжались женщины. Они говорили мужчинам, какую работу нужно выполнить. Как сегодня мужчины говорят женщинам, что им делать.

В те времена мужчины во всём подчинялись женщинам. Женщины говорили им, какую работу нужно сделать в хижине, и мужчины выполняли её. Мужчины вынуждены были оставаться дома и делать всё, что приказывали им женщины: поддерживать огонь, жарить мясо, растягивать шкуры и присматривать за детьми. Если нужно было обсудить что-то важное, на совет собирались только женщины, а мужчины сидели дома. Им не позволялось сидеть в кругу женщин, когда те совещались. Только женщины принимали решения и отдавали приказы, а мужчинам приходилось делать, что им скажут. И потому мужчины полностью зависели от женщин.

Но поскольку мужчины были сильны и многочисленны, самые хитрые женщины боялись, что мужчины однажды восстанут и перестанут подчиняться. И женщины собрались, чтобы обсудить это:

---

⁸ Перевод из Martin Gusinde — «Die Feuerlandindiane», Berlin/Wien/Leipzig, Zsolnay, 1946.

они размышляли долгое время. Они обдумывали, как же принудить мужчин оставаться в подчинённом положении; они не хотели, чтобы те восстали и перестали их слушаться. Самой хитрой и коварной из женщин была госпожа Кра (Луна), жена Крана (Солнца). Она была могущественной Ксон и обладала большим влиянием на прочих женщин. А все остальные боялись её, и ни одна не решилась бы ей возражать. Итак, женщины ещё долго продолжали думать, как же им быть.

Наконец, женщины созвали тайное собрание так же, как сегодня это делают мужчины: они выстроили большую хижину вдалеке от жилых хижин, в которой нашлось место всем женщинам. Они собрались там днём. Днём и ночью там всегда оставалось несколько женщин, подросшие девочки изредка возвращались в деревню. С полудня и до поздней ночи все женщины сидели в большой хижине⁹. Никому из мужчин не позволено было приближаться к ней. Только женщины приходили туда. Днём и ночью они несли дозор. Все мужчины должны были всё время находиться в деревне.

Каждая женщина расписывала своё тело особыми узорами — сегодня так, завтра иначе. Лица они закрывали масками из раскрашенной коры — и теперь никто не мог узнать их. В таком виде женщины выходили из Большой хижины, поодиночке, парами или длинной шеренгой, иногда пританцовывая или подпрыгивая. Иногда, выходя наружу, некоторые женщины звали мужчин и детей, и те выходили из своих хижин и издалека смотрели на них.

Некоторые женщины убедили своих мужей, что это духи спустились с неба или вышли из земли и вошли в женщин, собравшихся в Большой хижине. Эти духи надменно обращались как с мужчинами, так и с женщинами; они были очень могущественны.

Самой влиятельной из всех была госпожа Кра, которой подчинялись все остальные женщины. Она говорила им,

---

⁹ Поскольку на рассвете духи появляются чаще.

какие задания нужно давать мужчинам, — и каждая женщина заставляла своего мужа делать то, что приказала госпожа Луна. И мужчины подчинялись. Почти целый год прожили женщины в Большой хижине. Днём то одна, то другая женщина возвращалась в деревню. Она ненадолго оставалась там, выдавая мужу новые задания. Она ела пищу, которую он для неё приготовил, поскольку всегда была очень голодна. Иногда она оставалась спать вместе с мужем. Но в основном все женщины спали вместе в Большой хижине; они редко оставались в деревне на ночь. Каждая женщина требовала, чтобы дома для неё всегда было довольно мяса. Она говорила мужу: „*Xalpen* в Большой хижине нужно много мяса!“. И мужчины часто ходили на охоту и приносили много дичи. Но всё мясо они отдавали женщинам, чтобы ещё больше не рассердить страшную *Xalpen*.

Иногда женщины встречались на большой лужайке: там они играли в *kloketen* в просторной конической хижине. Мужчины же находились в деревне, далеко отсюда. Они заботились о детях и выполняли всю работу. Когда по деревне проходил *soorte*, они заворачивались в плащи. Он всегда плохо с ними обращался и иногда жестоко избивал.

Кран, Солнечный человек, был превосходным охотником и хорошим бегуном. Он неизменно возвращался с большой добычей. Он почти всё время охотился; каждый день он приносил много мяса и распределял между всеми хижинами. Каждый день несколько женщин из Большой хижины приходили в деревню. Они говорили мужчинам: „*Xalpen* прислала нас. Она хочет мяса!“. И мужчины были вынуждены отдавать всё, что у них было. Женщины всегда возвращались в Большую хижину с большими кусками мяса.

Однажды Солнечный человек охотился в скалах. Вскоре ему удалось убить большого гуанако — он был хорошим охотником. Он взвалил животное на плечи и отправился назад в деревню. Измученный тяжёлой ношей и долгой дорогой, он с кряхтением сбросил добычу

на землю. Он сел на землю под кустом, чтобы немного отдохнуть. Сам того не зная, он подошёл к хижине для *kloketen*; она находилась неподалёку от лагуны. Вскоре он увидел на берегу двух девушек: они купались. Они весело болтали и много смеялись. Кран осторожно подобрался к ним поближе: он хотел подслушать, о чём они говорят. Они были раскрашены как *keternen*, которых иногда можно было видеть возле Большой хижины. Девушки тренировались ходить с прямой спиной и очень маленькими шажками — как их учила госпожа Луна. И они много смеялись. Они говорили: „Скоро у нас получится... и как тогда удивятся мужчины!“. И они продолжали хихикать. Они смеялись над мужчинами, потому что мужчины верили, что они действительно *keternen*. Их очень забавляла хитрость женщин и постоянный страх мужчин... Девушки резвились на берегу ещё долго.

Когда Солнце вернулся в лагерь, он вёл себя всё так же безразлично, и никто не заподозрил бы, какую страшную тайну он только что узнал. Очень осторожно он посетил каждую хижину и рассказал мужчинам о коварной игре, которую затеяли женщины; каждому он объяснил, как их страшно обманули. Теперь все мужчины знали правду: что в Большой хижине жили только женщины и что они раскрашивали тела и надевали на голову *t'olon*, чтобы никто не мог их узнать... Когда мужчины услышали об этом, то страшно разозлились, но скрыли своё волнение. Кран строго наказал им не подавать виду.

Но великое беспокойство овладело мужчинами. И женщины отлично это поняли. Госпожа Луна крикнула в сторону деревни: „Тише! *Xalpen* очень сердита!“. Но и эти слова не успокоили мужчин. В отчаянии госпожа Луна создалась женщинам: „Плохи наши дела. Давайте попробуем ещё раз напугать мужчин, изобразим *Xalpen he xatl*“. Женщины немедленно построились в две шеренги и вышли из Большой хижины, выстроившись слева и справа от входа. Между этими рядами у входа в хижину встала сама госпожа Кра. Она громко

крикнула мужчинам, чтобы те подошли поближе, сейчас *Xalpen* будет призывать по одной женщине внутрь хижины и пожирать их. Она полагала, что это должно страшно испугать мужчин.

Но мужчины уже успели вооружиться толстыми дубинами. И когда госпожа Луна крикнула им: „Подойдите ближе! Сейчас вы увидите, как разозлилась *Xalpen*! Она сожрёт всех ваших женщин!“, они бросились в атаку. Они неслись, как вихрь, и подбежали гораздо ближе, чем предполагалось. Госпожа Кра велела им остановиться. Она закричала: „Не так близко, мужчины! Держитесь подальше от хижины!“. В этот момент Солнце, прятавшийся возле хижины, пронзительно свистнул. Мужчины поняли, что это знак. Они нетерпеливо подались вперёд. Госпожа Луна в ужасе закричала: „Назад, мужчины, или *Xalpen* выскочит наружу!“. Остальным женщинам в хижине оставалось только бессильно наблюдать. В отчаянии они просили Луну: „Кричи громче, мужчины уже совсем близко!“ <...> „Ох, куда же нам деваться?“ Но мужчины подталкивали госпожу Кра всё ближе к Большой хижине. Наконец, они дошли до входа и плотной толпой втиснулись внутрь, толкая госпожу Кра перед собой.

И Кран закричал изо всех сил: „Бейте женщин!“. И мужчины, взмахнув дубинами, кинулись на толпу женщин. Каждый бросался на ту, что оказалась ближе. И вскоре все женщины лежали мёртвыми на земле. Иногда мужчина обнаруживал, что перед ним его дочь или жена. Тогда, если возможно, он давал их убить кому-то другому. Но некоторые убивали и своих родных — так велика была ярость мужчин!

Солнечный человек выхватил из костра горящее полено. Им он ударил свою могущественную жену. С первым ударом содрогнулись небеса, после второго и третьего сотрясение стало ещё более угрожающим. Тогда Солнцу пришлось отступить в страхе, что небеса обрушатся вниз. Госпожа Кра выбежала из Большой хижины и сразу взлетела в небеса.

Кран бросился вслед за женой. Но и по сей день он не может поймать её. На её лице, если присмотреться, видны ожоги и чёрные шрамы от полена. Иногда она становится красной от ярости и ненависти к мужчинам. Но и ненависть мужчин к этой коварной женщине жива по сей день»¹⁰.

Выводы, которые мы делаем из этого мифа:

«Когда обряды находились в ведении женщин, они были окружены тайной. И мужчины сохранили этот принцип. Ибо если бы дух и цель этих обрядов были понятны женской части населения, они бы немедленно утратили свою силу.

Собрания мужчин преследуют несколько целей. Но первая и главная из них — никогда не потерять власть теперешнюю власть мужчин над женщинами. Их усилия в этом направлении тем более обоснованы, что некогда соотношение сил было противоположным. Поэтому церемония *kloketen* служит для сохранения нынешней социальной системы. Отсюда следуют четыре правила поведения, которым должны строго подчиняться разные группы населения»¹¹.

В жизни коллектива процесс развития эго (и растущая независимость мужского принципа) ведёт к торжеству мужских обществ и патриархата. В течение этого процесса фаллическо-маскулинный принцип проявляется в символизме смертельного оружия, с которым, как мы только что увидели, он идентифицировался уже в матриархальной фазе. Но теперь этот мужской принцип оборачивается против женщин. И по сей день мужской принцип появляется во снах как мужчин, так и женщин как «убивающий», враждебный женщинам.

Если половой акт рассматривается как убийство, он всегда становится основой конфликта между мужчиной и женщиной.

---

¹⁰ Gusinde — «Die Feuerlandindiane».

¹¹ Там же.

Их отношения воспринимаются как «битва полов» — концепция, говорящая о том, что ни мужчина, ни женщина не уверены в себе. Только после того, как эта фаза развития преодолена, можно говорить об истинных взрослых отношениях между полами.

Эта воинственная акцентуация мужского принципа необходима как онтогенетически, так и филогенетически для освобождения сознания и эго от власти матриархата. Только героически сражающееся эго способно победить женский материнский принцип, который в попытке воспрепятствовать эго и мужскому принципу в их развитии и стремлении к независимости превращается в Ужасную мать, дракона, внушающую страх ведьму.

Этот страх рождается не только из базового превосходства архетипического мира над эго, а особенно эго в процессе развития; он также возникает в моменты перехода от одной архетипической стадии к другой. Как весь архетипический мир для эго представлен в образе Великой матери, так и каждая фаза превращается в дракона угрожающей регрессии, который должен быть побеждён героическим прогрессивным эго. Каждый раз, когда при переходе к новой архетипической фазе эго вынуждено оставить предыдущую позицию, эго начинает терзать страх. Как мы уже подчёркивали, между развитием эго-сознания и «инерцией» или «гравитацией» психе, её стремлением остаться на уже завоёванной позиции, существует фундаментальный конфликт. Эта склонность психической инерции прочно удерживать эго на месте символизируется ужасным аспектом материнского архетипа, драконом, который угрожает проглотить развивающееся эго¹².

В той фазе развития, которую мы обсуждаем сейчас, в роли дракона, преграждающего путь к патриархату и архетипу отца, выступает материнский архетип. Но на других стадиях развития именно отцовский архетип может обернуться драконом, которого нужно победить, чтобы преодолеть уже патриархальную стадию развития. В любом случае, страх, тревога — неизбежный симптом центроверсии, то есть

---

¹² Более подробно по этому вопросу см. Carl Frankenstein, «Structural Factors in the Anxiety of the Child», *Acta Psychologica* XII 5–6, 1956.

врождённого стремления человека развиваться как целое и, переходя от стадии к стадии, вновь и вновь побеждать ужасный аспект архетипического мира. Эта тревога, если она не затопляет эго, является показателем развития; она знакомит эго с тем, чего, собственно, стоит бояться, и таким образом позволяет ему двигаться в новом направлении.

Для онтогенетического развития, то есть для жизни ребёнка, это означает, что независимо от её собственного поведения мать как проводник архетипического образа при переходе к патриархальному миру превращается в негативную силу, от которой эго должно отвернуться. Здесь символически значимую роль играет то, что психоаналитики называют комплексом кастрации. Нельзя винить в возникновении комплекса какой-либо случайный инцидент между ребёнком и родителями; он в любом случае возникает из общечеловеческой, трансперсональной констелляции перехода от одной архетипической фазы к другой. Поэтому вполне объяснимо, что бывают случаи комплекса кастрации без какой-либо скрытой личной травмы, тогда как в других случаях целый ряд явных личных травм не приводит ни к какому комплексу кастрации. Совершенно игнорируя реальный мир, психе ребёнка приписывает предполагаемую угрозу кастрации тому, кто выступает проводником угрожающего архетипа. В зависимости от стадии развития это может быть как отец, так и мать ребёнка. В таких случаях ребёнок, которому мать запретила что-либо, может неожиданно накинуться на отца, спрашивая, почему он вечно всё запрещает. Это случается, когда ребёнок находится в той стадии развития, когда отец заменил мать в роли проводника детского суперэго. Так и хорошая реальная мать может «превратиться» в ведьму, если отец относится к ребёнку хуже, чем мать, в тот период, когда течение психического развития требует от ребёнка отвернуться от матери. Независимо от того, что произошло на самом деле, ребёнок связывает патриархальную кастрацию, угрозу подчинения Великой матери, с женщиной, а патриархальную кастрацию, то есть угрозу доминирования Великого отца, с мужчиной. Точно так же в детских снах и фантазиях архетипическое развитие зачастую представлено независимо от того, как ведут себя реальные родители.

Итак, естественный страх, необходимый для развития ребёнка, приводит к прогрессивному усилению эго. Бессознательно сконструированные архетипические фазы делают возможным развитие сознания и даже принуждают к этому развитию, поскольку через угрозу эго, опасность его уничтожения они вызывают ответную консолидацию эго.

Развитие сознания, ведущее к ассимиляции или «расколу» архетипов, как и процессы деэмоционализации, абстракции и т. п., сопровождающие это развитие, завершаются консолидацией эго. В результате всех этих динамизмов эго становится доступно растущее количество либидо, и оно использует это либидо для преодоления страха, консолидации и роста своей воли к завоеванию мира.

Совершенно верно замечено¹³, что магию следует соотносить с определённым слоем и фазой коллективного бессознательного. Но чисто философская интерпретация этого архаического, магического и мифологического слоя сознания адекватной быть не может. Глубинная психология, основывающаяся на живом человеческом опыте и этнологии, должна воспользоваться более комплексным подходом к связи между опытом мира и стадиями развития эго.

Для магической фазы характерно ни в коем случае не отсутствие эго, а напротив — как мы указывали выше — первое появление акцентированного, даже слишком акцентированного эго. Конечно, мир всё ещё воспринимается как унитарная реальность мистического соучастия, но магическое эго начинает освобождаться от объятий матриархата при помощи ритуального самоутверждения и продвигаться к независимости, которая проявится наиболее ярко в воинственном и солярном эго патриархата.

Фробениус метко назвал своё описание магической охоты «Символизмом света». Именно магическая фаза составляет переход от матриархального мира к патриархальному свету сознания. Но хотя магическое эго и ведёт к патриархальному развитию, оно всё ещё обнаруживает очевидные привязки к миру матриархата.

---

¹³ Эдвард Уитмонт, «Магия и психология компульсивных состояний» (1957).

В описании Фробениуса матриархальный компонент ещё прослеживается в роли женщины, которая творит магию при помощи заклинаний и жестов — воздевания рук. Нуминозное положение женщины, связанной с магией, подтверждает и страх пигмея, что Фробениус расскажет женщине об их разговоре. Тот факт, что на протяжении всей человеческой истории женщина появляется и как добрая волшебница, и как ведьма, а в бессознательном — как повелительница магии, показывает, до какой степени магия принадлежит к матриархальной стадии.

Но история Фробениуса о магии охоты также отражает чёткую связь между магией и новой фазой развития. Смертоносная магия мужского принципа связана с символизмом света, а в особенности солнца, центральной фигуры небесного патриархального мира. Солнце как герой и охотник, выпускающий стрелы-лучи, — это очень распространённый архетип, встречающийся как в мифах народов Огненной Земли, так и в образе стрелка-Аполлона, и в африканском ритуале, где также очевидна идентификация лучника с восходящим солнцем.

Через ритуал эго вступает в союз с архетипом маскулинно-воинственной самости и из этой идентификации черпает силу и право на убийство. Как смертоносная сила патриархального героя через ритуальное равенство «я и отец — единое целое» основывается на том, что он сын божественного отца, так и деятельность магическо-воинственного эго основана на его связи с высшей магической силой света — не богом света как таковым, но так называемым богом момента. Не просто солнце, но лучи восходящего солнца побеждают ночь. Это трансперсональный принцип охоты и убийства, его символ — хищная птица, орёл. Воинственное, убивающее качество солнца известно нам не только из мексиканской истории, но и из астрологии, где солнцу соответствует лев и иссушающая смертоносная июльская жара, с которой идентифицируется в магическом обряде охотник. Только благодаря этой идентификации он может убивать, не страшась мщения пролитой крови животного, с которым он всё ещё тесно связан.

На следующее утро, как мы узнали, нужно провести завершающий ритуал, «отменяющий» убийство и восстанавливающий целостность мира. Возвращая кровь и шерсть убитой антилопы

её изображению, охотники «воскрешают» животное. И тот же контекст мы находим в многочисленных древних обрядах, таких как уже упомянутые выше ритуалы Сибири и каменного века. Возможно, это восстановление при помощи рисунка на песке базируется на том, что земля, как Великая мать смерти и возрождения, воскрешает убитое животное.

Выдернутая из рисунка стрела — символ отмены убийства, а стирая изображение антилопы на восходе, охотник «восстанавливает» животное как повелителя жизни и вновь целостного мира. Магический обряд, при котором солнце, как трансперсональное существо, отменяет смерть, превращает эго человека в слугу и исполнителя воли высшего принципа. Он устраняет чувство вины, поскольку человеческое эго всего лишь следовало убийственной мощи солнца, смерть придумал не человек, а высшие силы, и убивающий человек лишь следует примеру этой трансперсональной силы.

На этой солярной стадии эго, в отличие от стадии фаллической, больше не исполняет волю бессознательной, матриархальной, инстинктивной констелляции; теперь действует скорее духовный акт, даже если он ещё не достиг уровня сознания. Ритуальное действие свидетельствует об идентификации эго и самости, в которой эго просто следует примеру высшей убив ющей самости.

Магическая активность — адекватное выражение ситуации, в которой человек ещё настолько тесно связан с окружающей реальностью, что ещё не может с лёгкостью противопоставить ей себя. Как мы сейчас видели, для этого ему нужно усилить своё эго, которое вытаскивает его из психической неосведомлённости и инертности и из эго неоспоримой встроенности в мир, позволив ему противопоставить своё эго как субъект «ты» и объекту.

Когда современный человек молится и отправляется на войну «уверенный в своей правоте», то есть соединившись и идентифицировавшись с трансперсональными ценностями, он проводит точно такую же магическую внутреннюю подготовку. Исход битвы частично зависит от этой внутренней подготовки, так же как и у древнего человека, и более того, такая подготовка во многом помогает вынести ужасы убийства и опасности быть убитым. Поскольку только если человек — как те африканские

пигмеи — сможет стереть образ своего убийства, прекратит связывать его с эго и вернёт его трансперсональным силам, он сможет смыть с себя кровь жертвы. Как следствие, отсутствие необходимых обрядов у современного человека ведёт к внутреннему отравлению, поскольку его психе делается всё более невротичной от каждого последующего неассимилированного акта разрушения.

Но если эго подкрепляет себя, объединяясь и идентифицируясь с трансперсональной силой, эта сила и разрушение перестают быть свойствами личности и становятся частями космического порядка. Вследствие этого происходит трансформация мужского деструктивного влечения и воли к власти, необходимая для развития эго. Вместо убийцы эго превращается в охотника или воина; функция кровопролития идентифицируется с трансперсональной жизнью группы и необходимостью выживания и таким образом оправдывается.

Там, где личность и эго перестают следовать природной воле бессознательного и уже не захвачены полностью магической активностью, а начинают отвечать за себя и приходят к самоосознанию, пролегает граница патриархального солнечного мира. Но и это усиление эго нуждается в ритуале. Как и в магической фазе, ритуал сначала проводится в группе, которую эго воспринимает как направляющую групповую самость.

Онтогенетически, когда ребёнка отнимают от груди, мать сначала принимает на себя роль самости как внешней самости или самости связности, на которую опирается развивающееся эго. Филогенетически же эту роль по отношению к личности занимает групповая самость. Все обряды инициации — матриархальные или патриархальные, проводимые над мальчиками, девочками или взрослыми, — несут одну и ту же функцию — трансформации эго через его связь с самостью.

Далее мы попытаемся понять, какие психические процессы и силы соответствуют появлению патриархата. Только сейчас, когда ребёнок побеждает матриархат и формирует связь с архетипом отца, развитие полов начинает отличаться и психология девочки принимает другой курс, нежели психология мальчика.

Тотемизм и патриархальное развитие

В связи с развитием патриархального солярного эго мы должны прояснить понятие «тотемизм», которое исследователи пытались рассмотреть со всевозможных углов. Тотем — животное, растение или иной элемент природы — тесно связан с группой людей. Эта связь основывается на мистическом соучастии, которое создаёт родство и даже идентичность между тотемом и группой поклоняющихся ему людей. Если тотем — животное (а это далеко не всегда так), на него, как правило, не охотятся, а его мясо едят только в особых обстоятельствах; вообще все взаимоотношения с ним людей, в особенности если он считается прародителем группы, регулируются специально установленными правилами.

Важный момент состоит в том, что тотем — не персональная, а трансперсональная отцовская фигура, и отец-основатель группы происходит напрямую от него. Связь между членами группы подтверждается торжественным актом посвящения. Мистерии мужской группы противопоставляются мистериям женской группы: в отличие от женских природных обрядов, это обряды духовные, поскольку они были «учреждены» предком. Мужская тотемная группа объединена высшей духовной или, в нашей терминологии, солнечной связью. Это священное единство устанавливается на тотемном пиру — в особо торжественных случаях тотемное животное съедается, таким образом «смешиваясь» с членами группы. «В свете общей этнологии ментальность тотемизма демонстрирует предпочтение солярной концепции»¹⁴. Это означает, что тотем воплощает дух предка-основателя, и каждый член группы является духовным сыном этого предка. Это касается и более поздних религий и мистерий; несомненно, тотемическая группа является их предшественницей.

Тотемное животное как трансперсональная «групповая самость» может сначала иметь уроборический характер, то есть иметь как материнские, так и отцовские черты. Но уже в матриархальном периоде аспект отца-основателя, позже

---

¹⁴ Вильгельм Копперс, «О происхождении мистерий» (1968).

характеризующий тотем, противопоставленный матриархальному миру, начинает выходить на первый план.

Пока мужская группа связана только магией охоты, она не может выйти из матриархальной сферы. Охотничья магия по своей природе связана с алиментарным влечением, поскольку дичь, объект этой магии, в древние времена была основной пищей людей. Даже когда в дело вступает магия плодородия, направленная на умножение числа диких животных, конечной целью всё равно остаётся получение пищи. Охотничья и снабжающая едой магия — основной вид магии в ледниковом периоде — стала основой возникшего позднее тотемизма. Оральные ритуалы, основанные на алиментарном влечении, — самые первые из всех ритуалов, и все появившиеся позднее обряды и празднества, связанные с ритуальными пирами, основываются на них. Как мы видели, они были необходимы для искупления убийства живого существа, которое в древние времена считалось детищем Великой матери, Госпожи животных, и отождествлялось с ней. Это было одно из базовых понятий раннего матриархального периода с его мистическим соучастием.

Мужские общества появились уже в этой ранней фазе матриархального периода. Они использовали обряды и празднества, изначально основанные на пищеварительном влечении и служившие для умножения пищи, в собственных целях. Поедание мяса тотемного животного изначально было актом перехода, в этом случае от матриархата к патриархату. Этот обряд проложил путь к новой архетипической стадии. Тотемные мужские общества часто присутствуют при матриархате, выступая в качестве его противовеса.

Убивающий и пожирающий аспект мужского принципа проявляется в магической стадии мужчины-воина. Но поначалу этот «Ужасный мужчина» может по-прежнему сопровождать Великую мать и частично принадлежать к матриархальной сфере; акцент на оральной зоне также указывает в этом направлении.

Поедая тотемное животное, конструирующее мужское общество, мужская группа отождествляется с пожирающим Ужасным мужчиной, хищническим аспектом Ужасной матери. У этого пира двойственная функция. Усиливая мужской принцип, он формирует основу независимости мужского общества, которое в результате

может победить матриархат. Но в то же время идентификация группы с Ужасным мужчиной, проявляющаяся в символическом поедании плоти бога и соединения с тотемным отцом, превращает мужчину в патриархального мужчину и завершает замещение материнского архетипа отцовским.

Когда человек, как Ужасный мужчина, восстаёт против матриархата, он освобождается от привязки к своему женскому происхождению. Но только когда мужская группа соединяется с тотемным животным, отцом-основателем и духовным предком, и тем отождествляется с высшим мужским принципом, возможно господство солнечного аспекта. Поедание тотемного животного вызывает идентификацию с высшим мужским принципом, подобно солнцу совмещающим в себе свет сознания и смертоносность. Тем самым определёнno достигается патриархальная стадия.

Один и тот же обряд может означать и освобождение от матриархата, и идентификацию мужской группы с Ужасным мужчиной как формой отцовского архетипа. Но он же на более поздней стадии может принять значение отцеубийства, когда процесс развития потребует выйти за пределы отцовского архетипа, и тогда пожирающий сын обратится против отца.

Отцовская фигура относится к обоим слоям: и Ужасный мужчина, поначалу сопровождающий Великую мать и лишь позднее восстающий против неё, и высший небесный отец — аспекты отцовского архетипа. Этот архетип проявляется как в филогенезе, так и в онтогенезе, но в исторической последовательности стадий высшее следует за низшим, солнечное за фаллическим.

Далее мы ещё обсудим специфику женского развития¹⁵. Здесь я хотел бы вставить только небольшое общее замечание, относящееся к фаллической стадии развития, для которой характерно постепенное обретение независимости эго.

В период господства Великой матери, когда эго ещё полностью зависит от неё, Великая мать сама обладает фаллосом. Не только в мифологическом смысле, но и в развитии ребёнка

---

¹⁵ См. «Замечания в завершение».

мать с мужским половым органом — ранний пугающий образ. Позднее, как мы уже подчёркивали, носителями фаллосов становятся спутники Великой матери; они принадлежат ей, зависят от неё и обладают лишь относительной, эфемерной фаллической активностью и независимостью. Для этой фазы характерны юный любовник и мужская группа, подчинённая матриархату. По мере того, как мужской принцип становится более независимым, эго начинает, особенно в своей борьбе против матери, воплощающей мир и бессознательное, идентифицироваться с фаллическим и фаллическо-воинственным. Но с точки зрения дальнейшего развития этот мужской принцип является пока ещё низшим, инстинктивно-сексуальным и активно-воинственным. Только на солнечной стадии, когда фаллическое становится «духовным фаллосом», мужской принцип достигает своего высшего творческо-духовного потенциала. И только на этой стадии побеждается незрелая идентификация эго с нижним фаллическим и связанная с этим враждебность к женщине.

Цель мужской инициации (а самый широко известный её вид — обряд перехода юноши во взрослую жизнь) — нечто вроде «второго рождения»; способом, противоречащим природе, то есть без участия женщины, личность перерождается как часть группы. В тех обрядах, где посвящаемый «заново рождается» и копирует поведение новорожденного, его рождает не мать, а трансперсональное существо — к примеру, храм инициации, символизм которого всегда связан с архетипической фигурой отца. Посвящённый отныне перестаёт быть частью личной первичной взаимосвязи, через которую он был связан с матерью. Но не связан он и с низшим мужским принципом сексуальности. Поскольку, независимо от возраста, не прошедший инициацию не считается мужчиной или вообще человеком. Зачастую до посвящения ему не разрешается даже вступать в сексуальные отношения и уж точно запрещается жениться. Только мужчина, доказавший свою высшую мужественность, считается пригодным к браку, поскольку только он способен противостоять опасности, которую представляет собой женщина. Для посвящённого высшим авторитетом является высшая мужественность, то есть мужские ценности культурного канона; он должен быть способен защищать их от нападков своей низшей, инстинктивной

мужественности. Эта позиция важна для выживания общества. Без неё мужская группа и её культура распалась бы, уступая животному соперничеству между отдельными мужчинами.

Цель испытаний, через которые приходится пройти посвящаемому, в укреплении его высшей мужественности, стабильности эго и сознания в противоположность его бессознательной инстинктивной природе. Связь между мужчинами столь важна для этого развития, что женщинам строго — часто и под страхом смерти — запрещается присутствовать при мужских посвящениях.

Как отец-основатель, тотем солярного высшего мужского принципа — порождающий, но не физически, а духовно. Он порождает мужское братство, вызываемое к жизни духовным актом.

Тотемизм — групповой феномен, который нельзя вывести из личного эдипова комплекса. Проблема тотемизма куда сложнее. Считать, что тотем — это обязательно животное, а тем более исключительно хищное животное, — большая ошибка.

Теория Фрейда о тотеме и отцеубийстве расширяет его практику изучения фобий, при которых пациенту угрожает отец в облике животного и пациент съедает его, как в ритуале тотемизма. Его концепция вращается вокруг заключительной формы, где тотем онтогенетически возникает в детстве в рамках эдипова комплекса, и успешного или безуспешного процесса преодоления отцовского архетипа.

Фрейд, можно сказать, не мог не ошибиться, поскольку в онтогенезе это явление действительно частично испытывается через реального отца. В рамках той фазы исследований индивидуального опыта, пробившись от сознания только к личному бессознательному и не придя к пониманию архетипической трансперсональной структуры психе, действительно нельзя было избежать личной интерпретации отцеубийства и тотемизма. Но по факту это объяснение позволяет истолковать лишь часть этой реальности.

В первобытные времена субъектом развития выступала группа, а не отдельный человек. Общество, образованное сперва магическими, а затем тотемическими наработками, было сакральной единицей, и личность была всего лишь частью этого общества. С помощью формирования мужской группы и её магии эго, ещё не очень сильное на этой стадии, усиливалось и тем самым готовилось к независимости. Связь между обществом,

консолидацией эго и сознанием, столь характерная для патриархальной фазы, становится очевидной в мужских обществах и связанном с ними тотемизме. На этой стадии — в отличие от современного периода развития — личное эго консолидируется внутри группы, и впервые проявляется его связь с фигурой лидера и отцовским архетипом. Вождь и шаман воплощают архетип героя; оба являются аспектами тотема как групповой самости, не только образующей общество, но и направляющей и дающей ему указания. «Мужской коллектив — источник всех запретов, законов и институтов, предназначенных для того, чтобы положить конец правлению уробороса и Великой матери. Небо, Отец и Дух — мужчины, и они вместе представляют победу патриархата над матриархатом»¹⁶. В группе мужчин растёт сила, способная противостоять матриархальному миру, и отдельное эго превращается в наделённое силой убивать героическое эго, способное победить мать-дракона.

Тотемическая идентификация каждого человека с предками и отдельной личности с групповой самостью — основа психической консолидации мужской группы и воплощённого в ней высшего сознания, позволяющего одержать победу над Великой матерью как бессознательным и внешним миром. Солнечное эго больше не является только лишь представителем телесной самости, но связано с отцовским архетипом солнца, бестелесным и неземным. Только это солнечное эго является «высшим» эго: оно ощущает себя как принадлежащее к высшему, небесному, духовному миру и потому может противопоставить себя «низшему» миру земного, телесного, бессознательного. Его итоговая форма, солярно-рациональное эго, характерна для развития патриархата и патриархальной культуры.

---

¹⁶ «Происхождение и развитие сознания».

ГЛАВА VI

ПАТРИАРХАТ

Чтобы обеспечить понимание того, как происходит переход ребёнка от матриархата к патриархату, от магического к солнечному эго, а также структуры психе, соответствующей этому переходу, мы должны прояснить отношения между эго и самостью и между материнским и отцовским архетипами. Для начала подведём итог уже сказанному на эту тему.

Вначале у ребёнка, живущего в унитарной реальности с её мистическим соучастием и отсутствием полярности «внутреннее — внешнее», «сознание — бессознательное», отсутствует независимое эго. Развитие независимого эго, возникновение сознания и поляризация мира (мифологически — разделение Мировых родителей) протекают параллельно и определяют следующую фазу развития. С точки зрения аналитической психологии здесь важно отметить, что это развитие и его фазы трансперсональны. Как постепенно развиваются органы тела и центральная нервная система постепенно принимает на себя универсальные для всего человечества функции, так и психе развивается в порядке трансперсональных стадий. Это подразумевает, что бессознательное поддерживает эго и сознание на протяжении архетипически определённого развития, пока они не достигнут сравнительной автономии, характерной для современного взрослого человека.

Мы называем эту бессознательную направленность развития вмещающей целостностью — из «живота» которой постепенно развиваются, с помощью центроверсии, эго и сознание. Она матриархальна, поскольку пока над жизнью ребёнка, филогенетически и онтогенетически, властвует архетип Великой матери.

Как мы уже наблюдали, развитие личности постепенно ведёт к независимости эго и сознания, освобождающихся от укрывающих, но цепких объятий бессознательного и Великой матери. Освобождаясь, эго отдаляется от своей питающей почвы — бессознательного. Насколько этот процесс будет протекать безопасно и естественно — зависит от первичной взаимосвязи, то есть от позитивных взаимоотношений матери и ребёнка, идентичных отношениям между самостью и эго, бессознательным и сознанием.

Условием успешного развития является достижение универсальной человеческой констелляции, в которой то, что мать удерживала в своих объятиях, освобождается из них, и то, что зависело от неё, обретает независимость. В этой фазе неизбежно должен возникнуть конфликт между ребёнком как эго-сознанием и матерью как бессознательным. Впервые этот конфликт проявляется как поляризация мира сознанием или разделением Мировых родителей, но позже он проявится в виде конфликта между полами, при котором активное, освобождающееся эго воспринимает себя — у детей обоих полов — как мужское, противопоставляя себя материнскому архетипу.

Поляризация и разделение Мировых родителей означают, что уроборическая сущность, до того содержащая в себе противоположности, теперь распадается на составные части. Двупольный уроборос превращается в Великую мать с подчинёнными её воле спутниками-мужчинами; а по мере дальнейшего развития спутники «поднимают мятеж» и в итоге превращаются в независимые мужские фигуры.

В процессе этого развития эго должно пройти (онтогенетически и филогенетически) от пассивной направленности к стадиям, консолидирующим его и тем защищающим от затопления бессознательным или миром. Во всех своих вариациях защитная магия магических фаз эго предшествует тому, что в более позднем периоде развития мы называем защитными механизмами эго, так же как магические методы концентрации и консолидации эго — предварительные стадии воли эго, которая разовьётся позднее.

Но только с пробуждением отцовского архетипа, как антитезиса прежде доминировавшему материнскому архетипу, полностью констеллируется напряжение между верхним и нижним

полюсами, небом и землёй, сознанием и бессознательным. Такое напряжение не могло бы возникнуть, равно как и слабое инфантильное эго не могло бы его вынести, если бы трансперсональная поддержка этого сопротивления не была бы встроена в психе.

Мы уже указывали, что каждый архетип имеет две стороны: «хорошую» и «ужасную». В результате этой амбивалентности доминирующий архетип каждой следующей фазы развития стремится удержать эго на месте. Это порождает конфликт между центроверсией, стремящейся к следующей стадии, и самосохраняющей инерцией текущей фазы. В этой ситуации архетип следующей фазы поворачивается своей позитивной стороной, а архетип настоящей фазы в процессе преодоления проявляет свой устрашающий цепкий аспект. Но здесь мы наблюдаем, как самость, с её стремлением к целостности и исполнению предрасположенности человека, манипулирует архетипами и их аспектами. Страх эго перед ужасным аспектом архетипа текущей фазы имеет свою цель: он способствует переходу и даже вынуждает совершить его, и этот страх «включает» именно самость. На каждой новой стадии самость воплощается в архетип, но не становится идентичной ему. Таким образом, проявления самости изменяются в зависимости от фазы: сначала она появляется как материнский архетип, затем как отцовский, потом как групповая и, наконец, как индивидуальная самость. Это вызывает фундаментальный конфликт с эго.

Когда самость воплощается в определённый архетип, именно этот архетип представляет высшую ценность для эго. Как следствие, трансформация самости вынуждает эго, также проходящее процесс трансформации, уничтожить то, что прежде было высшей ценностью: она принуждает эго к убийству божества. Для эго это означает неизбежный страх, чувство вины и страдание, поскольку с позиции предыдущей манифестации святости эта новая инкарнация самости кажется опасной и греховной.

В результате этого неизбежного конфликта развитие человека зависит от творческой открытости, позволяющей человеку стать страдающим, но одновременно творческим и героическим существом. Завершение очередной стадии развития сознания всегда означает не только принятие высших ценностей и идентификацию с ними, но и последующий отказ от них и разрыв идентификации.

Мы неоднократно подчёркивали важность этих преобразований в манифестации самости для развития психе. Такая трансформация происходит, к примеру, в матриархальной фазе, когда сначала уроборическая мать, а затем Великая мать представляют самость, после чего она постепенно перемещается в ребёнка по мере обретения им независимости, и существование малыша зависит от того, чувствует ли он себя принятым либо отвергнутым матерью. Такая же смена доминирующего архетипа происходит на стадии освобождения от матриархата, а затем и от патриархата тоже.

Снова и снова самость воплощается в архетип, а затем освобождается от этого воплощения, сбрасывая его с себя и разрушая.

Эта базовая свобода и бесформенность самости крайне важны для нашего понимания человеческой психе, её динамики и развития.

В этой метаморфозе богов, проходящей через изменение манифестаций самости, самость соответствует фазам развития личности. Но все эти манифестации — не более чем личины самости. Хотя, воплощаясь в психе, самость принимает определённую форму, по природе она бесформенна и находится вне психики и вне мира. За образами, в которых она проявляется в коллективном бессознательном, и за проекциями этих образов на внешний мир — например, на фигуру бога, сверхфеноменальной самости — существует «самость как таковая», не совпадающая ни с внутренними, ни с внешними психическими образами и проявлениями.

Таким образом, дифференцированная стадия человеческой психе с полюсами внутреннего и внешнего мира охватывает не только внутренний психический мир и квазиобъективный наружный мир форм, но и унитарную реальность, предшествующую этой стадии и не зависящей от неё и от сверхфеноменальной самости. Как показывает история религии и философии, эта самость может принимать всевозможные формы: она может проявиться в материнском или отцовском архетипе, в облике бога или тотема, как святой или предок, как путь Дао и как квинтэссенция всего. Она может явиться как белый свет или Эйн Соф, как недостижимая бесконечность или вовсе без всякой формы. Или же не явиться вовсе.

Если подходить к личности исключительно с позиции эго, мы можем определить её как живую биопсихическую индивидуальность, существующую в реальности. Но как только мы поймём, что эго никогда не смогло бы существовать и развиваться без самости, мы придём к революционному открытию глубинной психологии, сравнимому с открытием Коперника. Глубинная психология рассматривает человеческую жизнь и личность уже не с позиции эго, а с позиции самости, вокруг которой вращается эго, как Земля вокруг Солнца. Затем мы поймём, что основа личности — ось «эго — самость». И вот после этого мы начнём рассматривать динамизм человеческой жизни как единство, в котором сознательные и бессознательные процессы, «внутреннее» психическое содержание и «внешнее» содержание мира формируют единое, неделимое целое.

По крайней мере, в том, что касается первой половины жизни, мы можем описать развитие личности и её столкновения с жизнью как развитие внутреннего фактора вместе и в противоположность внешнему фактору, и обсудить постоянные изменения этих отношений между внутренним и внешним. Но мы всегда должны помнить, что центр, направляющий это развитие, находится в области, которую мы не могли бы определить как внутреннюю или внешнюю, в области унитарной реальности, то есть вне разделённого мира нашим поляризующим сознанием мира. Направляющий фактор не имеет чёткого места; мы не можем локализовать его. Вероятно, еврейское описание Бога как *Maqom* («Место») также относится к этому чуждому, непонятному месту, в котором протекает весь процесс — хотя здесь неприменимо «в», столь необходимое, казалось бы, для ориентации нашего сознания.

Центр, то есть самость, не принадлежит ни к одной из противоположных зон: самость нельзя отыскать ни в психическом, ни в физическом мире. Она лежит, как мы уже сказали, хотя эта формулировка и неточна, вне этой поляризации. Здесь сразу делаются очевидными границы нашей коммуникации и способности формулировать, поскольку неверно называть унитарную реальность чем-то внешним. Она столь же внутренняя, сколько и внешняя, находится столь же между, сколько и вне. По отношению к самости мы находимся в положении железных опилок,

рассыпанных по поверхности и наделённых сознательным восприятием только двух измерений. Неожиданно мы ощущаем влияние магнита-самости, который выстраивает нас в определённом направлении, но в рамках нашего сознания мы просто не можем определить, где находится сам магнит. Мы можем описать его лишь с помощью парадоксов. Без понимания роли переменчивых манифестаций самости и самости как таковой, не зависящей от этих манифестаций, мы не сможем понять творчество как базовый человеческий феномен и индивидуацию как реализацию самости человека в рамках его культуры.

Под давлением природы и коллектива человек вынужден смотреть на архетип, соответствующий его стадии развития, как на воплощение самости и высшую ценность. Поэтому в матриархальной фазе восприятие отцовского архетипа как высшей ценности — святотатство, и так же кощунственно преклонение перед материнским архетипом на стадии патриархата. Таким образом — хотя католическая церковь в этом отношении начинает потихоньку меняться, — иудей или протестант воспринимают как должное главенство Бога-Отца и считают идею замены или дополнения этого образа богиней языческой, еретической и вообще невыполнимой. И столь невероятной кажется такому верующему идея полного отсутствия бога в буддизме или множества божеств, как ещё одного варианта «бесформенности божественного», в индуизме.

Трансформация самости, на разных стадиях развития принимающей облик разных архетипов, — это универсальное для человечества явление, оно соответствует естественной склонности человека. Однако, как мы уже видели, этот процесс протекает именно в человеческой среде и зависит от неё. Особенно это заметно в случае с отцовским архетипом: в отличие от материнского, он всегда связан с культом мужской группы и канонем высших ценностей. Развитие сознания и сопутствующее ему развитие эго — процесс, в нормальных обстоятельствах настолько зависящий от коллектива, что почти в любой человеческой группе мы обнаруживаем соответствующие ритуалы. Они способствуют переходу с одной стадии к другой, поскольку, идентифицируясь с традицией, мифом или религией группы, личность обретает понимание своего существования и своей роли

в коллективе. Подобные инициации проходят не только юноши, но и взрослые — как мужчины, так и женщины, — а переход ребёнка на новую стадию ритуально обыгрывается родителями, подчиняющими рождение, освобождение от матери, разделение полов и формирование групп коллективному ритуальному порядку. Пока групповые обряды посвящения акцентируют эти переходы между фазами, они обеспечивают исполнение особой предрасположенности человека.

Поскольку у современных людей эти коллективные обряды отсутствуют, все проблемы, связанные с очередным переходом, обрушиваются на человека — и его чувство ответственности и понимания настолько перегружается, что нередко возникают психические расстройства. Это касается не только детства, но и подросткового периода, брака и середины жизни, климакса и смертного часа. Все эти стадии некогда были нуминозными моментами, в которые вмещивалось общество с определёнными ритуалами; сегодня же это критические моменты тревоги, страха и даже психических заболеваний, поскольку одного только осознания мало для того, чтобы человек справился со своей жизнью.

Ситуация обостряется и тем, что для современного человека недостаточно просто адаптироваться к коллективу: в то же время он должен и развиваться как личность. Сегодня невозможны ритуалы, обеспечивающие развитие, ведущее от адаптации к коллективу к самореализации, индивидуации — во всяком случае, до сих пор подобные ритуалы не были изобретены. Проблема индивидуации, развития уникальности индивида, необходимость в которой (особенно во второй половине жизни) неоднократно подчёркивал Юнг, ведёт к психическим конфликтам между индивидуацией и адаптацией к коллективу. Глубинная психология только начала обретать понимание этих конфликтов.

Тогда как в первой фазе развития человека самость проявляется в материнском архетипе как направляющая природа, ситуация меняется, когда она принимает роль отцовского архетипа, связанного с постоянно меняющейся культурой группы и эпохи, в которую живёт эта группа. Возникают конфликты, влияющие на развитие как личности, так и группы, и они могут вызвать различные расстройства как у взрослых, так и у детей.

Непосредственная опора этих конфликтов — взаимоотношения между самостью, отцовским архетипом и суперэго, которые мы и обсудим в нижеследующем разделе.

Отцовский архетип и мужской принцип

Как отцовский, так и материнский архетип — это части, отколовшиеся от изначального уроборического архетипа, содержащего противоположности внутри себя. Поэтому ранние формы обоих архетипов всегда включают уроборический элемент. Материнский архетип, как уроборическая мать, содержит мужской, отцовский аспект, и напротив, уроборический отцовский архетип всегда имеет женскую, материнскую сторону.

Когда мы говорим об уроборическом мужском принципе, мы имеем в виду группу черт, символически соединяющих мужское и женское. Патриархальный Бог-отец немыслим без защищающего, укрывающего характера, полностью относящегося к материнскому символизму, независимо от того, было ли это его изначальным свойством или патриархат заимствовал его из матриархата. Говоря «в безопасности, как в лоне Авраамовом [в иудаизме — место упокоения душ праведников]», мы приписываем позитивную материнскую черту матриархальному принципу, а пожирающий Молох, одно из страшных мужских божеств, воплощает символизм Ужасной матери, «негативной дыры».

Однако с последующей дифференциацией мужского принципа уроборические черты постепенно ослабевают, и — как в любом архетипическом развитии — на первый план выходит двойственность, амбивалентность архетипа. Амбивалентный мужской принцип, где позитивное и негативное стоят бок о бок, это одновременно активность и движения, агрессия и вторжение, оплодотворение и разрушение. Наиболее яркие его символы — небо, солнце, молния, ветер, фаллос и оружие.

Небеса — это, конечно же, символ духовного мира, но будучи обиталищем богов, небеса дают приют не только хорошему, но и ужасному, воплощающему, как рок и судьба, как божество, мечущее молнии и стрелы, высший мужской принцип в его животворном и смертоносном потенциале. Поэтому мужское солнце, живущее в этих небесах, — не только источник жизни,

тепла и света, но и хищное животное, лев, символ палящего жара, ослепляющего света и сметающей всё силы. Солярный герой, бог-лучник, воплощает базовый символизм этого архетипического мужского принципа, одновременно творящего, оплодотворяющего и разрушительного; он может создавать через разрушение и, напротив, разрушать через порождение. Так и оплодотворяющий фаллос — не только символ создания, но и зачастую символ пробивающего оружия, убийства. Так Шива, танцующий индийский бог, воплощает оплодотворяющий, но одновременно агрессивный и разрушающий динамизм, символ архетипического мужского принципа с древних времён, поскольку ещё давным-давно мужчины обнаружили оплодотворяющие свойства мужского семени и ту агрессию, с которой оно вторгается в пассивную женскую яйцеклетку.

Но в своей разрушительно-оплодотворяющей двойственности этот мужской принцип соединяет в себе высший духовный аспект с низшим, относящимся к земле и инстинктивной стороне бессознательной психе. Но духовный аспект, противостоящий бессознательному, земле и женственности как низшей природе, сам является природным, как показывают символы солнца и связанного с ним символизма дневного неба, света и других высших элементов. Изначально мир и психе, так же как дух и природа, воспринимались как одно целое. Лишь последующий упадок западной мысли заставил людей противопоставить дух природе и спутать этот дух с сознанием и рассудком, а то даже и с интеллектуальным мышлением.

Как и символы духовного аспекта высшего мужского принципа, то есть свет и молния, буря и дождь, символы низшего мужского аспекта — огонь вулканических глубин и вода рек и ручьёв — подразумевают характерное для мужского принципа сочетание движения и агрессии, оплодотворения и разрушения. Символы этого мужского могущества из мира животных не ограничиваются только хищными зверями: среди них бык и жеребец, баран и козёл. (Следует отметить, что коррида автоматически становится символом конфликта между высшим и низшим аспектами мужского принципа.) Символами мужской сексуальности и агрессии, относящейся к зоне низшего принципа, обычно выступают земные элементы и животные. Но гораздо более

значим коллективный мужской опыт себя как духа, связанного со светом и небом, как высшего по отношению к женскому принципу и прочим низшим вещам. Этот опыт — основа патриархата; на нём, как на высшей ценности, зиждется мужская культура.

Высший мужской принцип в своей связи с небом наиболее чётко проявляется в отцовском архетипе, чья префигуративная концепция, которую следует считать одним из наиболее ранних уроборических символов человечества, самой своей бесформенностью выражает главную характеристику духа. Эта бесформенность выражает таинственный динамизм самой жизни, символ которой — уроборический круг незавершенного развития. «Изначальное движение, создающий импульс имеет естественное родство с отцовской стороной уробороса и с началом эволюции, и его куда сложнее визуализировать, недели материнский аспект»¹. Незаметно движущийся, бесформенный, но формирующий принцип как творящий ветер, дыхание или слово — один из первых символов. Египетский бог Амон, «дыхание жизни», как раз является воплощением этой божественной, творящей мужской силы. О связи между этим богом и богом солнца Амон-Ра Генри Франкфорт пишет следующее:

«В действительности это была истинно творящая сила, реализовывавшая возможности комбинации концепций творящего солнца и Амона, „дыхания жизни“, „невидимого“, того, что, будучи одним из огдоады (восьмёрки) богов Гермополя, был частью несотворённого хаоса».

Мы уже видели, что теологическая мысль в древности воспринимала хаос как четыре пары обожествлённых понятий. Но Амон занимал среди них исключительное положение; он был не последним из богов уже во времена Древнего Царства и представлял динамический элемент, будучи воплощением ветра. Как Пта, приравненный к огдоаде, может считаться Первопричиной, божеством, эманацией которого стало солнце, так Первопричиной может считаться и Амон, невидимое

---

¹ «Происхождение и развитие сознания».

дыхание, основа жизни. Отсюда слова «Амон, древний бог, появившийся первым; он — то дыхание, что остаётся во всех существующих вещах и через которое мы живём вечно». Ту же мысль выражает и изображение в храме Луксора, где Амон вручает символ жизни фараону Аменхотепу III со словами: «Возлюбленный сын мой, прими моё подобие».

Теологический аргумент в пользу Амона как первопринципы принимает во внимание, что Творец — это солнце, Атум: «Амон, рождённый Нун. Он ведёт за собой людей. Ещё одна его форма — огдоада. Прародитель древних богов, давший жизнь Ра. Он завершил себя в Атуме». И Амон действительно совмещает в себе черты ветра и солнца: «Тебе принадлежит то, что видишь, будучи светом, то, через что ты проходишь насквозь, будучи ветром»².

Мифологическое и теологическое развитие в древности основано на архетипическом образе солнца-фаллоса как источника ветра. Этот образ Юнг обнаружил в фантазии психотика³ и в египетском магическом папирусе, описывающем мистерию Митры; этот же образ возродился в христианском средневековом символизме. Я подразумеваю символизм благовещения: оплодотворяющий голубь (Святой Дух) летит в луче света, идущем от божества-солнца и исчезает под юбкой Марии.

Солнце-фаллос, форму которого приобретает бесплотный принцип творения, — это не хтонический принцип низшего плодородия, но представитель нуминозной силы, духовного ветра, берущего свою оплодотворяющую энергию из дневного неба и духовного солнца. Этот оплодотворяющий дух-ветер — незримая движущая сила. Этот невидимый двигатель и оплодотворитель относится к наиболее раннему опыту человечества; он идёт из матриархального мира, где роль мужчины как агента творения ещё не была признана. Во времена матриархата этот творящий мужской принцип, связанный с женским, проявлялся в виде лунного духа и духа-ветра, оплодотворяющего женщин,

---

² Генри Франкфот, «Монархия и боги» (1962).

³ К. Г. Юнг, «Собрание сочинений», том 8.

как и черепаха, земной символ Великой матери, и стервятник⁴. Оба животных в древнем Египте были символами Великой матери; поэтому считалось, что поголовье и тех, и других состоит исключительно из самок.

Невидимый дух-ветер как двигатель мира и бессознательного — один из первых человеческих символов. С точки зрения психологии он соответствует эмоциональной стороне духа, тому духу, который захватывает человека и насилует его. В солярном принципе мы уже распознаём будущий принцип света и знания, дневной небесный мир как высшую духовную сферу. Солнце-фаллос как источник ветра содержит оба аспекта духа: эмоциональную вспышку, сподвигающую нас, и ясность, просвещающую нас. Когда в символизме возникает невидимый двигатель, он обязательно связан с этой изначальной духовно-эмоциональной динамикой бытия. Другими словами, дух изначально проявлялся в наплыве эмоций; он врывался, проникал, подавлял.

Однако нуминозное захватило не только женщину, сохранявшую открытую по отношению к нему позицию, как жрица или провидица, готовая принять бога, но и мужчину. Действительно, дионисийский элемент, врывающийся из области и инстинктов и ведущий к экстатическому отравлению души и духа, касался в основном женщин, и фаллические мистерии по большей части располагались где-то на границе между высшим и низшим. Но именно охваченность высшим мужским принципом отличает провидицу как Софию от менады или ведьмы.

Для матриархального сознания этот высший духовный аспект является порождающим; он захватывает восприимчивое женское сознание и полностью подчиняет его. Тот же принцип направляющего духа играет решающую роль в психологии анимуса современных женщин. Анимус — это мужская духовная составляющая самой женщины, и женское эго по отношению к нему играет принимающую роль. Но когда врывающийся духовный аспект — это трансперсональный архетипический фактор, превосходящий анимус (всего лишь часть психе), женщина

---

⁴ Бриффолт, «Матери».

принимает его всей личностью. Но в обоих случаях, независимо от того, является ли принимающей стороной женское эго или вся личность, женщина может полностью идентифицироваться с этим вторгающимся.

Но когда такому вторжению подвергается мужчина, происходит нечто иное. Здесь принимающей стороной служит часть его психики, которую аналитическая психология называет анимой, женским аспектом мужчины. Но этот принимающий фактор, открытый божественному потоку, в отличие от случая с женщиной, не идентичен эго или всей личности в целом. Как следствие, даже когда в маскулинное эго-сознание врывается поток нуминозного, оно сохраняет свою творческую, познающую и продвигающую сознание активность. Эта способность противостоять нуминозному и несколько дистанцироваться от него, которую мы обнаруживаем, к примеру, у пророков Ветхого завета, позволяет мужчинам ассимилировать и развивать вторгающийся дух так, как это не могут сделать женщины.

Опыт «я и Отец — одно целое», передающийся в традиции и мистериях мужских обществ, выражает тесную связь между врывающимся солярным отцовским архетипом и сыном-эго, но одновременно демонстрирует, что при всём погружении в архетип сын всё же сохраняет свою идентичность.

Это кардинальное различие психических структур лежит в основе разницы между творческими мужчинами и женщинами. Если женщина захвачена духом целиком и потому склонна к изменению личности, то есть к переходу от природы к духу, то мужчина достигает духовной креативности в работе и культуре, характерных отличительных признаках патриархата. И эти творческие достижения патриархата, в которых главную роль играет сознание, зачастую возможны без трансформации личности.

Однако если мужчина-творец не завершил психическую дифференциацию, характерную для патриархального мира, он может — особенно если речь идёт о художнике — совмещать женский и мужской образ действия. В этом случае его работа неотделима от трансформации личности — и это неизбежно при создании действительно гениальных творений.

Чем раньше человек испытывает эту захваченность духом, тем она радикальнее и тем сильнее меняет личность. Способность

к прорицанию таких мана-личностей, как шаманы, целители, пророки и поэты, объясняется близостью к матриархальному миру, где правит бессознательное. С развитием сознания и движением к патриархату этот женский компонент ослабевает, но никогда не исчезает полностью.

Здесь мы сталкиваемся с феноменом, возможно, сильно продвинувшим формирование и систематизацию сознания. Проявление архетипа всегда зачаровывает эго. Эмоциональная захваченность — лишь часть этой зачарованности, поскольку очарование предполагает также архетипическое содержимое, обладающее превосходящей силой. «Идея фикс», догматическая одержимость архетипическим содержанием, исключает всё остальное. С точки зрения нашего современного сознания мы обычно считаем это явление исключительно негативным. Но оно может оказать и положительный эффект на развитие и стабилизацию сознания, который нас в данном случае и интересует. Между эксклюзивным преобладанием архетипа в сознании и развитием в смысле разграничения и прояснения существует важная связь. Новое содержимое оказывает столь неодолимое влияние на сознание и светится столь ярко, что занимает центр сознания и ослепляет его, заслоняя все другие впечатления.

Преграждая путь ко всему содержанию, не связанному с ним или враждебному ему, такое откровение помогает консолидации сознания, фокусируя его в одной точке, и эта концентрация на единственном содержимом способствует укреплению и стабилизации эго. Сознание, только начавшее свою систематизацию и упрочение, всегда подвергается риску быть затопленным бессознательным содержанием и разрушенным. Поэтому концентрация, защита и систематизация жизненно необходимы для «юного» сознания. Только для свободного эго современного человека, находящегося в просторном высоко развитом сознании, способном вместить разнообразное содержимое, такая одержимость и догматическая фиксация представляет опасность.

В древности, поскольку зачарованность архетипом продвигала сознание, человек, захваченный архетипом, распространял его очарование на всю группу и тем спланивал её, придавая ей форму и содержание. Личность, захваченная архетипическим содержанием, могла основать новую группу и создать обряды

посвящения, служащие объединению членов группы и одновременно отделяющие её от прочих групп.

Мы преднамеренно сформулировали этот контекст в самых общих выражениях. Но теперь возникает вопрос: если каждый архетип работает в этом направлении — а мы знаем, что практически любое архетипическое содержание оказывает зачаровывающее действие на эго и сознание, — то как эта зачарованность связана конкретно с архетипом высшего мужского принципа и духа?

Выше мы уже говорили о духе-инстинкте животных и первобытных людей, под которым подразумевали упорядочивающий принцип, определяющий их бессознательное поведение и формирующий их реакцию на других представителей их вида и окружающей среды. Этот порядок трансперсонален; у животных он служит сохранению вида с помощью инстинктов, управляющих воспитанием потомства. Более того, он содержит знание, превосходящее опыт отдельной особи, поскольку он лежит в основе планирования, распространяющегося на время и пространство, к которым отдельная особь доступа не имеет. Даже когда это поведение превращается в ритуал, налагающий себя на особь как высшая сила, отдельное животное, хотя его поведение и может слегка отклоняться от нормы, всего лишь медиально исполняет этот порядок.

Существуют некоторые соответствия между этим поведением животных и обрядами первобытного человека. В обоих случаях двигатель излучает очарование и силу; и в обоих случаях существует эмоция, захватывающая личность. У животных эта эмоция — сонастройка, поддерживающая поведение, направляемое инстинктом.

Термин «духовный инстинкт» означает порядок в высшем смысле, устанавливающий своё господство через влечения и эмоции. Он делает возможными ритуальные действия со своей специфической формой и трансперсональным значением. Это ритуальное действие воплощает внешнее знание и являет свет природы; а природе известно то, что предстоит открыть для себя будущему отпрыску, когда родительское поколение, исполнившее ритуал, уйдёт в небытие.

Для человека — даже для древнего человека, эго которого пока ещё тесно связано с матриархальным сознанием,

захваченным бессознательной констелляцией, — ситуация складывается совершенно иначе.

Если мы говорим здесь не об инстинктах, а об архетипах, это потому, что — и здесь мы приводим базовые наблюдения К. Г. Юнга — они не только формируют способ действия человека, но и, поскольку он представляет собой эго и сознание, воздействуют на него и иначе, а именно *являются* ему в виде образов или символов: он слышит голос или к нему приходит видение. Образы и речевые символы — явления, предполагающие существование видящего и слышащего сознания. В данном случае несущественно, проявляются ли они во внешнем мире или внутри психе, или в какой из этих миров их помещает человек.

У животных, как и у людей, управляющий поведением инстинкт — это упорядочивающий принцип, но, если мы говорим о медиальном поведении, это означает, что индивид (человек или животное) становится инструментом утверждающего себя агента. Но в человеческой реальности ситуация меняется, когда в дело вступают эго и сознание. Теперь бессознательный направляющий принцип выражает себя; он говорит с человеком. Он сообщает ему свои намерения и предъявляет ему свои требования. Причём требования несут принудительный характер. В захваченности архетипом нет ничего добровольного: он не просто говорит, а призывает — и «призванный» делается пророком и глашатаем требований заговорившего архетипа.

Поэтому сконстеллированный архетип, вторгающийся в сознание человека, всегда имеет для него значение, смысл. Согласно склонности к психической целостности, которую открыл Юнг, всплывающее содержимое имеет компенсаторный эффект; оно приносит то, чего не доставало эго-сознанию, его восприятию мира и его поведению. Другими словами, оно дарит новый смысл. Оно имеет значение для личности — а если личность творческая, то и для коллектива, к которому она принадлежит. Таким образом, на эго, особенно если это солярное эго, возлагается обязанность не только выполнить волю архетипа, но и истолковать и понять её.

Компенсаторная функция архетипа, несущая откровение, подразумевает, что проявление архетипа управляется самостью. Самость способна «запустить» архетип. Это высший авторитет,

динамическая и компенсаторная по отношению к зависящей от неё биопсихике структура, действующая независимо, без участия эго-сознания. Но у этой власти имеется вектор, направленный на сознание и эго, с которыми она не только взаимодействует, но и открывается им. Этот вектор принуждает эго-сознание — и именно это мы называем зачарованностью — обратить своё внимание на новый архетип, принять его к сведению и ассимилировать его. Захваченность и концентрация исключительно на этом архетипе — следствия принуждения сознания самостью и психе.

Когда мы говорим об автономном управлении инстинктами без участия эго-сознания (у животных и у человека), мы говорим о низшем, абсолютно природном процессе. Но если к человеку «обращаются», появляется смысл, и авторитет, от которого исходит этот смысл, воспринимается как высший, поскольку он связан с источником просветления, основные символы которого — небо и солнце. И этот движущий и просветляющий, яростно захватывающий и оплодотворяющий, проникающий и трансформирующий принцип ощущается человеком как духовный аспект мужского архетипического принципа. Благодаря своему символизму, любой архетип, независимо от содержания, несёт в себе часть этого духовного аспекта, этого живого динамизма, выражающего себя как осмысленная, значимая реальность. Центр этого «говорящего» движения — бесплотный двигатель, подобный ветру или дыханию. Независимо от направления движения или содержания прозрения, это творческий дух. А центром этого духовного аспекта, проявленного в психе, является самость, выходящая за пределы всех архетипов и, в отличие от них, не обладающая собственной формой, но принимающая самые разнообразные обличья по мере необходимости. Партнёр этой самости — патриархальное солнечное эго, которое дух, выраженный самостью, поначалу захватывает и зачаровывает, но затем эго отделяется от него, чтобы понять, интерпретировать, сконфигурировать и исполнить его.

Если женщина воспринимает солярно-мужской принцип, проявляющийся как духовный принцип высшего мира, как нуминозное «иное», то мужчина считает его своим, своей собственностью, своей самостью. Между архетипической манифестацией самости и мужским эго существует таинственная идентичность:

«я и Отец — одно». В психологических терминах эта идентичность выражается в том, что ось «эго — самость» является основной констелляцией личности.

При развитии мужчины консолидация и стабилизация эго, позволяющая ему защититься от потока бессознательного и мира, осуществляется с помощью связи с высшей творческой самостью, духовным и творческим отцовским архетипом. Очевидно, что при такой связи с эго самость использует патриархальный символизм. С одной стороны, самость имеет оплодотворяющий духовный характер высшего мужского принципа, а с другой — эго ощущает себя как порождение самости, её «сын» и аналог. Вышеупомянутые обряды, в которых мужчины коллективно ощущают и празднуют своё происхождение от бога или тотема, выражают базовый опыт самопознания инициированного эго.

Враждебность солярного эго по отношению к низшему женскому миру матери-дракона параллельна его привязанности к высшему мужскому духовному миру. Мать-дракон, воплощающая мир и бессознательное, атакует эго, имеющее также собственный низший мужской компонент.

В сложившемся таким образом патриархальном мире символом оси «эго — самость» выступает уже не связь эго с матерью, а его связь с отцом. С психологической точки зрения это значит, что мужчина чувствует, что им больше не управляют низшие инстинктивные силы, он чувствует себя высшим духовным созданием, в которое, как в Библии, вошло божественное дуновение, святой дух.

Секрет мужского порядка⁵ и суть его тайн состоит в том, что этот высший духовный мужской принцип невидим, как ветер — руах — это движитель, который нельзя увидеть. Эта невидимость, особенно на контрасте с очевидной воплощённостью женских тайн менструации, беременности и рождения, связанных с землёй и кровью, принуждает мужчин хранить тайну и не подпускать к своим тайнам женщин. Ещё одна причина состоит в том, что невидимость легко перепутать с небытием, и так зачастую и происходит в приземлённых умах, как мужских, так и женских.

---

⁵ Бруно Беттельхайм, «Символические раны» (1955).

Мнение некоторых антропологов, что мужские мистерии — не более чем мошенничество, рассчитанное на женщин, основывается на том же заблуждении. Невидимость истинной природы мужского духовного принципа — ветра, звука, логоса — неотъемлемое свойство этого духа, который в своей религиозной, моральной, художественной и научной форме снова и снова вступает в конфликт с видимой реальностью, которую представляет архетип Великой матери как природы и видимого и осязаемого мира.

Этот конфликт между высшим и низшим, духом и природой, бесплотным и материальным — один из основных мотивов, вдохновляющих борьбу мужчин и женщин в патриархальном мире. С точки зрения психологии его усиливает тот факт, что мир, с которым нужно сражаться, присутствует и в самом мужчине, в его низшей инстинктивной мужественности. И ещё одна причина этого конфликта — в том, какую опасность женский принцип представляет для мужчины, не только потому, что мужчина проецирует на женщин собственный низший аспект, но и потому что бессознательное мужчины изначально поддаётся очарованию женщины, которая во всех своих формах — матери и сестры, анимы и возлюбленной, жены и дочери — держит недуховный аспект мужчины в постоянном движении — психологически и биологически.

С растущей независимостью мужская группа постепенно захватывает функции, изначально переданные ей женщинами, и затем надевает патриархальное ярмо на женщину, изначально управлявшую группой. Одна из причин того, что этот прогресс необходим, без сомнения, состоит в том, что при развитии от семейной группы к более крупной группе — племени — инстинкты, настроенные на естественную природную среду, всё меньше соответствуют жизненным задачам, поэтому возникает необходимость в законодательных и культурных актах.

Способность человека создавать культуру — изначальная предрасположенность рода человеческого, и как сознание мы считаем продуктом бессознательного, так и способность человека создавать культуру и законы — склонность, заметная в любой человеческой группе; это влечение следует классифицировать как так называемый духовный инстинкт. Уже у первых

известных нам людей мы обнаруживаем ритуалы и склонность к формированию общества. Это общество со временем становится всё более сознательным, и религиозное, культоворитуальное законотворчество, столь явное в древних культурах, постепенно уходит от изначально бессознательной регуляции, которую мы приписываем самости.

Итак, возникает мужской мир с коллективным, патриархально акцентированным сознанием, чьё содержимое, конечно, варьируется в зависимости от группы и эпохи, но в центре которого всегда находится направляющий фактор традиции, культуры и развития сознания.

Отцовский архетип, изначально бывший проявлением самости, поначалу нисколько не идентичен богу-законодателю более позднего патриархального канона, который впоследствии превратится в суперэго. Перед тем, как превратиться в законодателя, отцовский архетип проявляется как всеобъемлющая фигура бога-отца, чьи черты, что характерно, не всегда являются исключительно мужскими.

Поначалу акцент смещён не только на творческий аспект света и духа, но и на архаический уроборический фактор, вмещающий противоположности. Именно потому, что деятельность этого бога-отца невидима, в отличие от материнского архетипа, который постепенно обесценивается и сводится к низшему уровню природы и материи, он привлекает к себе позитивные компоненты материнской манифестации самости, тогда как матриархальный принцип начинает восприниматься всего лишь как начало сознания и развития, как первоматерия и хаос, первичный океан или яйцо, то есть как место и время начала развития.

Как в библейской истории творения не мужчина происходит от женщины, а Ева от Адама, так, напротив, отцовский архетип в патриархальных культурах обладает материнскими качествами. В образе бога-отца заключён и питающий, оберегающий и успокаивающий аспект архетипа матери, хотя это никак не меняет патриархальный, антиженский характер культуры. Напротив, сведение изначальной богини на уровень простой жены — форма патриархального развенчания женского принципа. В патриархальном браке прослеживается именно такая

склонность: шаг за шагом женщина лишается своих прав, а мужчина становится её защитником и кормильцем, тем самым всё больше сужая её сферу.

Но на протяжении патриархально развития частично уроборическая фигура отцовского архетипа, всё ещё обладающая некоторыми женскими чертами, теряет своё значение. Женский аспект становится всё слабее. Связанный с природой аспект женского архетипа угасает, и на первый план выходит его культурная, моральная, общественная и политическая значимость.

В отличие от материнского архетипа, чьё природное содержание остаётся практически неизменным, отцовский архетип имеет некий формальный аспект, отдельный от его законодательного и основывающего содержания. Его содержание меняется в зависимости от культуры; он всегда устанавливает законы, но меняется содержание этих законов. Бог-законодатель всегда отдаёт приказы, стремящиеся ограничить природу, и это архетипично; но тип и содержание такого приказа, характер предписаний, разрешений и запретов меняется вместе со временем и культурой. Поскольку проецируемый образ бога-отца насыщается содержанием текущего культурного канона, архетип бога-отца может проявиться в основателе или племенном боге, выбранном конкретной культурой или группой. Тогда этот бог-отец становится принципом, определяющим коллективное сознание, и перестаёт быть автономным содержимым бессознательного. Это даёт толчок развитию, при котором духовная творческая природа солярного отцовского архетипа отделяется от его формирующей законотворческой функции. Под законами мы подразумеваем любые традиционные нормы группы вне зависимости от того, кто их «принёс» — предок, божество или кто-то другой.

В процессе развития образ бога начинает идентифицироваться с культурно обусловленным суперэго, и нуминозный божественный образ отцовского архетипа постепенно обесценивается. Если изначально отцовский архетип сочетал в себе мужские и женские, позитивные и негативные черты и именно поэтому обладал таинственной властью над человеческим эго, то теперь, в процессе патриархального развития, этот первичный характер божества ослабевает, и божественный принцип

превращается в недвусмысленное божество порядка и разума, представителя добра, истины и справедливости.

Поливалентный отцовский архетип низводится до уровня бога-законодателя и, как и его двойник в индивидуальном сознании, суперэго со своими запретами и предписаниями становится компонентом традиционных сознательных ценностей коллектива. Соединение бога-законодателя с суперэго превращается в высший авторитет коллективного сознания, выражающий погружение личности в патриархальный культурный канон.

Так, по мере развития патриархального мира, опыт общества вклинивается между непосредственным опытом человека и природой внутри и снаружи него. Долг индивида — уже не то, что от него требует природа его психе, а то, чего требует коллектив. Коллектив всё больше освобождает человека от необходимости прямой конфронтации с природой, но цена этому облегчению — усложнение конфронтации с другими людьми, поскольку отношения в обществе регулируются коллективной моралью. Обязательства перед этим культурным миром представляет суперэго. Теперь, на благо или на зло, человека направляют уже не природные инстинкты, а социальные традиции его предков.

Но этот патриархальный культурный фронт находится в постоянном конфликте с природой человека; он вызывает напряжение в психике между природной и культурной сторонами человека. Поэтому законы суперэго в любом культурном каноне проявляются как враждебные природе и подавляющие её, поскольку это высшее духовное требование традиционного долга. Произвольный и противоречивый характер этических требований в различных культурных канонах — от каннибализма и охоты за головами до членовредительства и хакари — показывает, что запросы суперэго никак не регулируются природой, а порождаются уникальным историческим развитием конкретной группы.

Но в отношениях между эго и суперэго любое требование суперэго подкрепляется, с точки зрения эго, не только объективным авторитетом, но и властью духа сознания. Причина этого кроется в базовой для патриархального мира связи между суперэго и отцовским архетипом, солнцем и сознанием. Бог

или предок-законодатель как объективный внешний авторитет и суперэго как внутренний субъективный авторитет изначально были идентичны. Но и позднее, когда они уже не воспринимаются как целостность, связь между ними остаётся очевидной. Через интроективное «поедание бога», при котором человек «встраивает» в себя этот высший авторитет, внешний бог как представитель коллективной традиции интроецируется и становится внутренним авторитетом личности.

На ранних стадиях развития человечества этического различия между внутренним и внешним, между гетерономией (подчинением коллективу) и автономией (подчинением собственному аутоморфизму) не существовало. Человек жил внутри группы, сливался с ней вплоть до минимальной дифференциации. Бог-законодатель, первопредок племени и внутренний авторитет были одним целым; индивидуальность и уникальное развитие личности ещё не принимались во внимание, и самость индивида была в значительной степени интегрирована в групповую самость.

Соответственно, на этой стадии группа была крайне нетерпима к отклонениям от коллективной нормы. Коллективный консенсус не подлежал обсуждению, и крайние случаи отклонений наказывались изгнанием, что в тех условиях означало смерть. Это ясно видно по строгости обрядов посвящения и их возрастающих требований к личности, которая, проходя через них, превращалась в представителя коллектива и коллективного сознания⁶.

На этой стадии, когда всё внутреннее, по сути, было внешним, индивид получал всё от коллектива, в чей символизм был встроен. Развитие личности в этой фазе, по-видимому, включало лишь внешнюю адаптацию, поскольку коллективное сознание уже содержало всё необходимое для существования человека. Через подчинение культурному канону высших ценностей патриархат позволял индивиду сразу адаптироваться

---

⁶ Порой эта строгость компенсировалась некоторой небрежностью исполнения. Например, нам известно, что у ранних иудеев, по чьим законам за совершенные пустяки полагалось побивание камнями или иные страшные казни, смертные приговоры фактически никогда не выносились.

к обществу и развитию сознания. Обе ориентации ощущались как адаптация к внешнему принципу, определявшему реальность. В этом смысле ориентированный вовне принцип реальности Фрейда также остаётся патриархальным.

Вдобавок к двум уже упомянутым компонентам — отцовскому архетипу как специфически человеческой склонности к установлению законов в противовес природе и отцам коллективной традиции в каждой патриархальной культуре — существует и третий: индивидуальная фигура реального отца. Но даже эта вроде бы личная фигура в большой степени формируется культурным каноном⁷, который сообщает, каким именно отцом следует быть. Собственная индивидуальность отца может прибавить к этому лишь незначительные изменения — по крайней мере, в эпохах и культурах, определяемых культурным каноном...

---

⁷ Маргарет Мид, «Пол и темперамент в трёх примитивных обществах».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор скончался, не успев завершить данную работу. Она обрывается в середине раздела об отношениях между самостью, отцовским архетипом и суперэго, не дойдя до стадии развития, на которой психика девочек начинает отличаться от мальчиков.

Мы попытаемся хотя бы в общих чертах рассказать о характере женского развития, приведя несколько выдержек из предыдущих работ автора:

«Формирование суперэго и противостояние суперэго и самости относятся к основным факторам развития патриархального сознания. Третий вид чувства вины — патриархальное чувство вины — связан с суперэго...»

«Девочкам, как отмечал Фрейд, переход от первого объекта любви, то есть матери, к отцу, даётся труднее, чем мальчикам, чья любовь с самого начала направлена на противоположный пол. Аналогичная, не менее важная сложность — различие символизма полов в женском опыте самости. Как для мальчиков, так и для девочек первый формирующий опыт самости связан с матерью. И девочка сохраняет эту связь. Иными словами, женщина может остаться в первичной взаимосвязи, развернуться внутри неё и стать собой, не отделяясь от материнской уроборической сферы Великой матери. Пока она находится в этой сфере, она остаётся инфантильной и не растёт в том, что касается развития сознания, но при этом не отчуждается от себя. Базовое сходство между первичной взаимосвязью и процессом нахождения себя даёт ей изначальное преимущество в виде природной целостности, которой не хватает мужчине...»

«Связь между матерью и ребёнком подразумевает взаимную идентификацию, и созвучие между процессом поиска себя, в котором девочка учится воспринимать себя как женщину, и первичной взаимосвязью, в которой мать воспринимает себя как женщину, ведёт к изначальному усилению всех связей, порождаемых идентификацией. И здесь психика девочки отличается от психики мальчика, для которого связность состоит в конфронтации...»

«Давайте кратко рассмотрим последствия для культуры человека вообще, но в особенности человека современного, следующих параллельных и противоположных процессов: патриархального развития сознания, выхода из первичной взаимосвязи, установления связи с объектом любви и трансформации сексуального символизма самости».

«Растворение унитарной реальности, развитие сознания и вхождение в поляризованный субъектно-объектный мир совпадают с разделением личности, которое мы определяем как сепарацию систем...»

«Суперэго, в отличие от самости, не является индивидуальным авторитетом личности, это интроецированный коллективный авторитет, старающийся насильно насадить в личности требования предков, то есть коллектива. Адаптация к этому коллективному сознанию, возможная только благодаря насильственному характеру суперэго и подавлению собственной природы личности, приводит, в процессе направляемого коллективным развитием, к образованию „персоны“ и „тени“, авторитетов личности, характерных и необходимых для патриархальной культуры, если не для культуры вообще...»

«Патриархальное внутреннее развитие ведёт к „убийству матери“, максимальному отвержению, отрицанию, обесцениванию и подавлению матриархальных, то есть определяемых бессознательным, элементов. Онтогенетически до наших дней сохраняется неспособность распознать огромную важность первичной взаимосвязи и доэдипова мира, мира разделения Мировых родителей...»

«Как только „убийство матери“ совершилось, человек должен, как ни парадоксально это звучит, найти новый дом и место происхождения в анти-природе, соответствующей его природе».

«Отчуждение самости, то есть её переход от материнского принципа к отцовскому, естественный для мальчиков симптом процесса, который мы называем сменой пола самости, ведёт к характерному для любого патриархального взгляда на мир убеждению, что человек на самом деле не принадлежит этому миру...»

«В современном мире, где женщина не порабощена и может свободно участвовать в жизни коллектива, она выходит из детства, чтобы развивать свою противоречивую психе. Иными словами, развитие сознания принуждает женщину к определённому отчуждению от своей самости. От неё требуется нечто большее, нежели от мужчины. От мальчика ожидают всего лишь мужественности, женщина же должна быть одновременно мужественной и женственной. Конечно же, в этом заключается сложность...»

«Дальнейшие последствия этой базовой ситуации женщины заключаются в том, что поскольку совесть (суперэго) формируется ценностями патриархального коллектива, она не может найти в девочке полноценного отклика, поскольку, будучи выражением патриархальной культуры, она часто противоречит ценностям женской самости. Идентифицируя своё эго с патриархальным сознанием, женщина никогда не сможет стать „собой“... Но её страдания узаконены и её „двойственная“ природа патологична, только если её сравнивать с изначальной целостностью первичной ситуации, от которой в любом случае следует отказаться...»

Для прояснения ситуации мы хотели бы указать, что, хотя Нойманн говорит о человечестве в целом, в сферу его исследований человеческой психе, начиная с посттуберного периода, попали преимущественно представители западной и особенно иудеохристианской культуры.

Последняя рукопись, содержащая данную работу, была опубликована практически без изменений, несмотря на частые повторы, естественные для черновика. Однако это, на наш взгляд, лишь подчёркивает интенсивность размышлений автора.